

ВЕКТОР НАУКИ

Тольяттинского
государственного
университета
Серия: Юридические науки

Основан в 2010 г.

№ 1 (44)

2021

16+

Ежеквартальный
научный журнал

Учредитель – Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Тольяттинский государственный университет»

Главный редактор

Кристал Михаил Михайлович, доктор физико-математических наук,
профессор

Заместитель главного редактора

Вершинина Светлана Ивановна, доктор юридических наук, доцент

Редакционная коллегия:

Авакян Рубен Осипович, доктор юридических наук, профессор
Боброва Наталья Алексеевна, доктор юридических наук, профессор
Власенко Николай Александрович, доктор юридических наук, профессор
Дорская Александра Андреевна, доктор юридических наук, профессор
Дуюнов Владимир Кузьмич, доктор юридических наук, профессор
Зазнаев Олег Иванович, доктор юридических наук, профессор
Зелиньски Яцек, доктор гуманитарных наук, профессор
Калинин Сергей Артурович, кандидат юридических наук, доцент
Кленова Татьяна Владимировна, доктор юридических наук, профессор
Корнуков Владимир Михайлович, доктор юридических наук, профессор
Лазарева Валентина Александровна, доктор юридических наук, профессор
Лепс Андо, доктор юридических наук, профессор
Лясковска Катажина, доктор юридических наук, профессор
Моисеев Александр Михайлович, доктор юридических наук, профессор
Насонова Ирина Александровна, доктор юридических наук, профессор
Олиндер Нина Владимировна, кандидат юридических наук, доцент
Оспенников Юрий Владимирович, доктор юридических наук, профессор
Погодин Александр Витальевич, доктор юридических наук, доцент
Ревина Светлана Николаевна, доктор юридических наук, профессор
Рябинина Татьяна Кимовна, кандидат юридических наук, профессор
Ударцев Сергей Федорович, доктор юридических наук, профессор
Юношев Станислав Викторович, кандидат юридических наук, доцент

Входит в перечень рецензируемых научных журналов, зарегистрированных в системе «Российский индекс научного цитирования», в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-76950 от 09 октября 2019 г.).

Компьютерная верстка:
Н.А. Никитенко

Ответственный/технический редактор:
Н.А. Никитенко

Адрес редакции: 445020, Россия,
Самарская область, г. Тольятти,
ул. Белорусская, 14

Тел.: (8482) 54-63-64

E-mail: vektornaukitgu@yandex.ru

Сайт: <https://vektornaukipravo.ru>

Подписано в печать 31.03.2021.
Выход в свет 15.06.2021.
Формат 60×84 1/8.
Печать цифровая.
Усл. п. л. 9,3.
Тираж 25 экз. Заказ 3-147-21.
Цена свободная.

Издательство Тольяттинского
государственного университета
445020, г. Тольятти,
ул. Белорусская, 14

СВЕДЕНИЯ О ЧЛЕНАХ РЕДКОЛЛЕГИИ

Главный редактор

Криштал Михаил Михайлович, доктор физико-математических наук, профессор, ректор (Тольяттинский государственный университет, Тольятти, Россия).

Заместитель главного редактора

Вершинина Светлана Ивановна, доктор юридических наук, доцент, заместитель ректора – директор Института права (Тольяттинский государственный университет, Тольятти, Россия).

Редакционная коллегия:

Авакян Рубен Осипович, доктор юридических наук, профессор, академик Международной академии наук экологии и безопасности жизнедеятельности и Всеармянской Академии проблем национальной безопасности, ректор, профессор кафедры уголовно-правовой специализации (Ереванский университет «Манц», Ереван, Республика Армения).

Боброва Наталья Алексеевна, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры «Конституционное и административное право» (Тольяттинский государственный университет, Тольятти, Россия).

Власенко Николай Александрович, доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник отдела теории права и междисциплинарных исследований законодательства (Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия).

Дорская Александра Андреевна, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой международного права (Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия).

Дуюнов Владимир Кузьмич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры «Уголовное право и процесс» (Тольяттинский государственный университет, Тольятти, Россия).

Зазнаев Олег Иванович, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой политологии (Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия).

Зелиньски Яцек, доктор гуманитарных наук, профессор (Естественно-Гуманитарный Университет в г. Седльце, Седльце, Польша).

Калинин Сергей Артурович, кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой теории и истории государства и права (Белорусский государственный университет, Минск, Республика Беларусь).

Кленова Татьяна Владимировна, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права и криминологии (Самарский национально-исследовательский университет им. Академика С.П. Королева, Самара, Россия).

Корнуков Владимир Михайлович, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры «Уголовное право и процесс» (Тольяттинский государственный университет, Тольятти, Россия).

Лазарева Валентина Александровна, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики (Самарский национально-исследовательский университет им. Академика С.П. Королева, Самара, Россия).

Лепс Андо, доктор юридических наук, профессор (Правовая академия Таллинского университета, Таллин, Эстония).

Лясковска Катажина, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии (Университет в Белостоке, Белосток, Польша).

Моисеев Александр Михайлович, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой правовых дисциплин, профессор кафедры «Уголовное право и процесс» (Институт экономики и права (филиал) образовательного учреждения профсоюзов высшего образования «Академия труда и социальных отношений» в г. Севастополе, Севастополь, Россия; Тольяттинский государственный университет, Тольятти, Россия)

Насонова Ирина Александровна, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного процесса (Воронежский институт МВД России, Воронеж, Россия).

Олиндер Нина Владимировна, кандидат юридических наук, доцент, заведующая кафедрой «Конституционное и административное право» (Тольяттинский государственный университет, Тольятти, Россия).

Оспенников Юрий Владимирович, доктор юридических наук, профессор (Самарский национально-исследовательский университет им. Академика С.П. Королева, Самара, Россия).

Погодин Александр Витальевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории и истории государства и права юридического факультета (Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия).

Ревина Светлана Николаевна, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой публичного права (Самарский государственный экономический университет, Самара, Россия).

Рябинина Татьяна Кимовна, кандидат юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного процесса и криминалистики (Юго-Западный государственный университет, Курск, Россия).

Ударцев Сергей Федорович, доктор юридических наук, профессор, руководитель научно-исследовательских проектов по вопросам правовой политики, конституционного законодательства и государственного управления (Казахский гуманитарно-юридический университет им. М.С. Нарикбаева, Нур-Султан, Республика Казахстан).

Юношев Станислав Викторович, кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой «Уголовное право и процесс» (Тольяттинский государственный университет, Тольятти, Россия).

СОДЕРЖАНИЕ

О ФОРМАЛЬНОМ АСПЕКТЕ РЕГЛАМЕНТАЦИИ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ В ОТНОШЕНИИ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ В УК РФ Р.В. Закомолдин.....	5
К ВОПРОСУ ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ РЕЗУЛЬТАТОВ МОДЕЛИРОВАНИЯ ЭВАКУАЦИИ ЛЮДЕЙ ПРИ ДОКАЗЫВАНИИ СОСТАВА ПРЕСТУПЛЕНИЯ О НАРУШЕНИИ ТРЕБОВАНИЙ ПОЖАРНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ С.Ю. Карпов, В.В. Садовский.....	12
ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ АКЦИОНЕРНЫХ ОБЩЕСТВ В РОССИИ XVII–XIX ВВ. Е.И. Керенцева.....	18
КВАЛИФИКАЦИЯ СОУЧАСТИЯ В ЗАНЯТИИ ВЫСШЕГО ПОЛОЖЕНИЯ В ПРЕСТУПНОЙ ИЕРАРХИИ С.В. Кондратюк.....	24
ЦИФРОВИЗАЦИЯ КОЛЛЕКЦИЙ В СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЕ А.М. Моисеев.....	31
СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОГО МЕРОПРИЯТИЯ И СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ НА ПРИМЕРЕ ОБСЛЕДОВАНИЯ ПОМЕЩЕНИЙ, ЗДАНИЙ, СООРУЖЕНИЙ, ОСМОТРА МЕСТА ПРОИСШЕСТВИЯ И ОБЫСКА А.В. Мурузиди, Н.В. Олиндер.....	39
МЕХАНИЗМЫ СНИЖЕНИЯ ЛАТЕНТНОСТИ КОРРУПЦИОННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН А.В. Рамазанов.....	49
ОТКАЗ ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБВИНИТЕЛЯ ОТ ОБВИНЕНИЯ В.Ю. Стельмах.....	57
ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ И ТЕХНОГЕННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ: ОСОБЕННОСТИ ПОНЯТИЙНОГО АППАРАТА И ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ Е.В. Чуклова.....	63
ОПЫТ РЕГЛАМЕНТАЦИИ ПОЛНОМОЧИЙ ЗАЩИТНИКА ПО УСТАВУ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА 1864 ГОДА И УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМУ КОДЕКСУ РФ С.В. Юношев, М.Ю. Жирова.....	69
НАШИ АВТОРЫ.....	77

CONTENT

ON THE FORMAL ASPECT OF REGULATION OF THE CRIMINAL LEGAL IMPACT IN RESPECT OF MILITARY PERSONNEL IN THE RF CRIMINAL CODE R.V. Zakomoldin.....	5
ON THE ISSUE OF USING THE RESULTS OF MODELING THE EVACUATION OF PEOPLE WHEN PRODUCING EVIDENCE OF A CRIME OF FIRE SAFETY BREACH S.Yu. Karpov, V.V. Sadovsky.....	12
HISTORICAL EXPERIENCE OF LEGAL REGULATION OF JOINT-STOCK COMPANIES IN RUSSIA IN XVII–XIX CENTURIES E.I. Kerentseva.....	18
CLASSIFICATION OF COMPLICITY IN THE HOLDING THE HIGHEST POSITION WITHIN THE CRIMINAL HIERARCHY S.V. Kondratyuk.....	24
DIGITALIZATION OF COLLECTIONS IN FORENSIC INVESTIGATION A.M. Moiseev.....	31
THE COMPARATIVE ANALYSIS OF LAW ENFORCEMENT OPERATIONS AND INVESTIGATIVE ACTIVITIES ON THE EXAMPLE OF EXAMINATION OF PREMISES, BUILDINGS, STRUCTURES, CRIME SCENE EXAMINATION, AND SEARCH A.V. Muruzidi, N.V. Olinder.....	39
MECHANISMS FOR REDUCING THE LATENCY OF CORRUPTION CRIMES ON THE EXAMPLE OF THE REPUBLIC OF TATARSTAN A.V. Ramazanov.....	49
STATE ACCUSER’S WAIVER OF PROSECUTION V.Yu. Stelmakh.....	57
ECOLOGICAL AND TECHNOGENIC SAFETY: SPECIAL ASPECTS OF CONCEPTUAL FRAMEWORK AND PROBLEMS OF LEGAL REGULATION E.V. Chuklova.....	63
THE EXPERIENCE OF REGULATION OF POWERS OF A DEFENSE LAWYER ACCORDING TO THE STATUTE OF CRIMINAL PROCEDURE OF 1864 AND THE RF CODE OF CRIMINAL PROCEDURE S.V. Yunoshev, M.Yu. Zhirova.....	69
OUR AUTHORS.....	77

О ФОРМАЛЬНОМ АСПЕКТЕ РЕГЛАМЕНТАЦИИ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ В ОТНОШЕНИИ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ В УК РФ

© 2021

Р.В. Закомолдин, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры «Уголовное право и процесс»
Тольяттинский государственный университет, Тольятти (Россия)

Ключевые слова: уголовно-правовое воздействие; специальные уголовно-правовые нормы; уголовно-правовой институт; военно-уголовное законодательство; уголовная ответственность военнослужащих; дифференциация уголовной ответственности военнослужащих; специальные воинские уголовные наказания; преступления против военной службы; военная безопасность; безопасность военной службы.

Аннотация: Статья посвящена анализу специальных норм и положений УК РФ, отражающих специфику уголовно-правового воздействия в отношении такого специального субъекта, как военнослужащие. Исследуется природа, значение и разновидности специальных уголовно-правовых норм. Отмечается многообразие таких норм, их присутствие как в общей, так и в особенной частях уголовного закона. При этом указывается, что данные нормы имеют двоякое назначение: применяются как вместо общих норм, так и наряду с ними, дополняя и конкретизируя их. Подчеркивается неизбежность, необходимость и целесообразность наличия в уголовном законе специальных норм и положений. Отдельное внимание уделено непосредственно военно-уголовному законодательству как специальному уголовно-правовому институту и совокупности специальных норм и положений, позволяющей дифференцировать и индивидуализировать уголовную ответственность и уголовное наказание военнослужащих с учетом специфики их правового статуса и выполняемых ими задач в условиях прохождения военной службы. Отдельное внимание уделено специальным нормам и положениям Общей части УК РФ, регламентирующим специальные воинские виды уголовного наказания и порядок их назначения (ст. 44, 48, 51, 54, 55), а также нормам и положениям Особенной части УК РФ о преступлениях против военной службы (ст. 331–352). Кроме того, отмечается тесная взаимосвязь и взаимообусловленность специальных норм и положений уголовного закона с уголовно-процессуальным и уголовно-исполнительным законодательством, поскольку они являются элементами единого механизма уголовно-правового воздействия на военнослужащих, а только их совокупность обеспечивает эффективность такого воздействия. На основе проведенного анализа формулируются выводы и предложения по внесению изменений и дополнений в УК РФ в части военно-уголовного законодательства. Прежде всего, в Общей части УК РФ предлагается выделить раздел «Уголовная ответственность военнослужащих» и главу «Особенности уголовной ответственности и наказания военнослужащих», а в Особенной части – отказаться от положения ч. 3 ст. 331 УК РФ.

ВВЕДЕНИЕ

Военнослужащие наделены специальным правовым статусом, данная специфика распространяется и на уголовно-правовую сферу. В связи с этим в уголовном законе имеет место значительное количество специальных норм и положений, регламентирующих специфику уголовной ответственности и наказания военнослужащих. Специалисты отмечают, что дифференциация и индивидуализация уголовно-правового воздействия на военнослужащих неизбежна и необходима [1]. При этом отмечается, что соответствующие специальные нормы и положения весьма разрознены и рассредоточены, что требует некоторой их упорядоченности и систематизации в рамках Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) в форме условной совокупности – военно-уголовного законодательства [2; 3]. Эксперты указывают на тесную взаимосвязь таких специальных уголовно-правовых норм со специальным законодательством о военной службе [4–6]. Кроме того, в специальной литературе отмечается, что механизм уголовно-правового воздействия на военнослужащих имеет системный комплексный характер и обеспечивается также специальными уголовно-процессуальными и уголовно-исполнительными нормами [7]. Таким образом, по общему мнению, специальная противоправность и бланкетность являются ключевыми характеристиками военно-уголовного законодательства [8; 9].

Цель исследования – анализ формы и содержания специальных норм и положений военно-уголовного законодательства в контексте их конструктивной критики и совершенствования.

МЕТОДИКА ПРОВЕДЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Логика исследования выстроена от общего к частному. На начальном этапе предпринят общетеоретический анализ специальных норм и положений, их роли и значения в праве. Далее проведен комплексный анализ специального уголовно-правового института – военно-уголовного законодательства. Каждый этап основан на анализе специальной литературы и мнений отечественных исследователей, в том числе советского периода.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Специальные уголовно-правовые нормы

Уголовно-правовые нормы, регулирующие общественные отношения, носят как общий, так и специальный характер. Общие нормы имеют универсальный характер и применимы ко всем либо к значительному числу общественных отношений. Существование специальных норм обусловлено спецификой отдельных

общественных отношений или их элементов. Своеобразие отдельных элементов структуры общественных отношений требует особого упорядочивания, конкретизации посредством именно специальных норм, правил и положений, поскольку общие нормы не решают этой задачи. Поэтому специальные установления являются неизбежными и необходимыми для правового, в том числе уголовно-правового, регулирования.

Общие и специальные нормы тесно взаимосвязаны. Общие нормы регулируют общественные отношения и регламентируют правила и положения в целом. Они имеют всеобщий характер, распространяя свое воздействие на все сферы правового регулирования и всех субъектов либо на их подавляющее большинство. Специальные нормы, напротив, ориентированы на конкретизацию тонкостей и специфики отдельных аспектов социальных связей. Они отличаются избирательностью при регламентации общественного отношения в зависимости от специфики, связанной с определенной сферой применения, кругом лиц и пр. [10]. И общие, и специальные нормы в равной степени наделены таким качеством, как общеобязательность.

Таким образом, специальные нормы, имея единый с общими предписаниями предмет регулирования, регламентируют более узкий круг общественных отношений (их вид, подвид, разновидность).

В зависимости от содержания специальные нормы целесообразно подразделять на нормы-дополнения и нормы-изъятия. Специальные нормы-дополнения содержат такие специальные правила поведения, которые не противоречат общим предписаниям. Они действуют и применяются параллельно с общими нормами при отсутствии конкуренции между ними. При этом специальные нормы дополняют общие, конкретизируя, уточняя и адаптируя их. Специальные нормы-изъятия определяют исключения из общих установлений, содержат некоторые отклонения от них и подменяют собой общие нормы. В этой связи имеет место конкуренция, которая разрешается в пользу специальных норм [11]. Такой подход вытекает из ч. 3 ст. 17 УК РФ и должен распространяться на все случаи конкуренции общей и специальной уголовно-правовых норм [12]. Кроме того, специальные нормы, так же как и общие, представлены в уголовном законе в форме норм-дефиниций, норм-дозволений и норм-запретов.

Безусловно, многообразие специальных норм, регламентирующих определенную разновидность общественных отношений, требует некоторой упорядоченности и системности. Оговоримся, что мы не являемся сторонниками принятия специальных уголовно-правовых законов, поскольку это противоречит положениям УК РФ о том, что УК является единственным основанием преступности и наказуемости деяний (ч. 1 ст. 3) и в целом источником уголовного законодательства (ч. 1 ст. 1) [4]. Эта проблема вполне эффективно может решаться посредством специальных комплексных уголовно-правовых институтов, объединяющих соответствующие специальные уголовно-правовые нормы и положения определенного вида. Однако структурно специальные уголовно-правовые институты зачастую не совпадают с определенными разделами и главами УК, поскольку специальные нормы и положения в уголовном законе рассредоточены [12]. Соответственно, мож-

но вести речь лишь об условной совокупности специальных норм, положений и предписаний.

Вместе с тем определенная обособленность, упорядоченность, структурированность и систематизация специальных норм, положений и предписаний в УК является необходимым условием эффективности регулирования относительно самостоятельной совокупности общественных отношений или их элементов [13].

Военнослужащие осуществляют особый вид деятельности – военную службу – и наделаются в связи с этим специальным правовым статусом, поэтому в уголовном праве они выступают в качестве специального субъекта. В связи с этим в уголовном законе предусмотрен ряд специальных норм и положений, регламентирующих уголовно-правовую специфику данной сферы, которые условно именуется военно-уголовным законодательством и выполняют двоякую функцию: с одной стороны, уголовно-правовое обеспечение надлежащего осуществления военнослужащими специальной военно-служебной деятельности и криминализация и пенализация наиболее существенных нарушений специально установленных правил и требований соблюдения ее порядка, с другой – уголовно-правовое воздействие на военнослужащих как на специального субъекта ответственности [9]. Законодательно это выражается в наличии таких специальных установлений в Общей и Особенной частях УК РФ.

Соответственно, именно посредством такого специального уголовно-правового института, как военно-уголовное законодательство, в значительной мере обеспечивается необходимое уголовно-правовое воздействие на военнослужащих.

Военно-уголовное законодательство как специальный институт уголовного права

Термин «военно-уголовное законодательство» используется для обозначения условной совокупности уголовно-правовых норм и положений, регламентирующих уголовную ответственность военнослужащих, а также криминализацию и пенализацию преступлений против военной службы и рассредоточенных в различных частях, разделах и главах действующего УК РФ [2]. С учетом имевшегося в советский период негативного опыта уголовно-правового регулирования современный законодатель в ч. 1 ст. 1 УК РФ провозгласил УК единственным источником уголовного законодательства, а в ч. 1 ст. 3 – единственным основанием криминализации и наказуемости деяний. В связи с этим военно-уголовное законодательство неотделимо от уголовного закона и является его органичной составной частью [3], а УК РФ является его единственным источником. Учитывая, что соответствующие специальные нормы и положения имеются как в Общей (ст. 44, 48, 51, 54, 55 и др.), так и в Особенной (ст. 331–352) частях УК, военно-уголовное законодательство условно также можно структурировать на общую и особенную части [2; 3].

Таким образом, военно-уголовное законодательство позволяет:

- адаптировать применение уголовного законодательства к такой категории специальных субъектов, как военнослужащие;
- учесть специфику правового статуса военнослужащих, выполняемые ими функции и решаемые задачи,

нахождение их в условиях прохождения военной службы;

- дифференцировать уголовную ответственность военнослужащих [1];

- индивидуализировать уголовное наказание военнослужащих;

- обеспечить эффективное уголовно-правовое воздействие на военнослужащих;

- обеспечить уголовно-правовую охрану безопасности военной службы и военной безопасности [6].

Дифференциация уголовной ответственности и наказания военнослужащих

Если общие установления уголовного законодательства способствуют процессу унификации уголовно-правового воздействия, то специальные нормы обеспечивают его дифференциацию. Таким образом, данные процессы противоположны, но при этом одновременны [14]. В уголовном законе дифференциация заключается в нормативном обеспечении справедливой реакции государства на совершаемые преступления путем установления необходимых и достаточных условий, средств и возможностей для соразмерного содеянному уголовно-правового воздействия на разные категории субъектов ответственности [15]. Еще в советском уголовном праве подчеркивалось, что «дифференциация уголовной ответственности состоит в разработке и наличии на уровне закона такого разнообразия мер уголовно-правового характера, которое в наибольшей мере соответствовало бы разнообразию типов преступлений и лиц, их совершающих» [16, с. 69]. Таким образом, сущность дифференциации уголовной ответственности военнослужащих посредством специальных норм и положений выражается в двуединой специфике уголовно-правового воздействия на них. С одной стороны, имеет место дифференциация воздействия в зависимости от субъекта ответственности. С другой стороны, уголовная ответственность дифференцируется в связи с конкретной разновидностью преступлений против военной службы, сконструированных в законе по принципу специальных составов.

Более того, дифференциация уголовной ответственности – это проявление идеи справедливости [17]. Согласно УК РФ, «наказание и иные меры уголовно-правового характера, применяемые к лицу, совершившему преступление, должны быть справедливыми, то есть соответствовать характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного» (ч. 1 ст. 6). Соответственно, именно реализация принципа справедливости является индикатором качества уголовного закона [18]. Более того, реализация этого принципа составляет суть и цель уголовно-правового воздействия в целом [19]. При этом надлежащую реализацию идеи справедливости невозможно обеспечить лишь общими нормативными установлениями.

Специальные воинские уголовные наказания

Перечисленные в ст. 44 УК РФ виды уголовного наказания по кругу лиц, в отношении которых они назначаются и применяются, подразделяются на общие и специальные. К специальным относятся так называемые воинские виды уголовного наказания, которые

представляют собой своего рода подсистему и могут быть назначены военнослужащим в связи с их специальным правовым статусом [8; 20; 21]. Такой подход не является новым или оригинальным ни для отечественного уголовного законодательства, ни для зарубежных правоупорядков [22].

Наличие специальных воинских видов наказания необходимо в связи с обеспечением возможности эффективного уголовно-правового воздействия на такую специфическую категорию осужденных, как военнослужащие, поскольку многие виды уголовных наказаний к военнослужащим либо не могут применяться вообще (например, исправительные работы, ограничение свободы, принудительные работы), либо применяются со значительными ограничениями (например, обязательные работы), в связи с чем требуются специальные уголовно-правовые средства и меры воздействия на военнослужащих, учитывающие их специальный правовой статус и особенности основного вида их деятельности – прохождения военной службы.

К данной группе уголовных наказаний непосредственно относятся лишение воинского звания (ст. 48 УК РФ), ограничение по военной службе (ст. 51 УК РФ), арест с отбыванием на гауптвахте (ч. 3 ст. 54 УК РФ) и содержание в дисциплинарной воинской части (ст. 55 УК РФ).

В целом в связи с фактическим выделением в доктрине уголовного права и в правоприменительной практике отдельной разновидности специальных воинских уголовных наказаний уместно и некоторое их нормативное обособление. Отчасти такая идея имеет место в предлагаемых научных проектах УК РФ [23]. Если же говорить о данной проблеме в более широком аспекте – уголовно-правовом воздействии, дифференциации и индивидуализации уголовной ответственности и наказания военнослужащих, то уместно в Общей части УК РФ сформировать отдельные раздел «Уголовная ответственность военнослужащих» и главу «Особенности уголовной ответственности и наказания военнослужащих», которые включали бы в том числе нормы и положения ст. 44, 48, 51, 54 и 55 УК РФ, касающиеся специальных воинских видов уголовного наказания.

Преступления против военной службы

Поскольку военнослужащие проходят военную службу, которая является особым видом государственной службы, предназначенным для вооруженной защиты государства (ст. 2 Федерального закона от 27 мая 2003 г. № 58-ФЗ «О системе государственной службы Российской Федерации», ст. 2 Федерального закона от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе»), то преступные нарушения ими своих служебных обязанностей представляют угрозу военной безопасности [5; 6]. В связи с этим в Особенной части УК РФ традиционно выделены раздел XI и глава 33, предусматривающие специальные составы преступлений против военной службы.

Ключевые нормы, определяющие содержание и пределы ответственности за такие преступления, закреплены в ст. 331 УК РФ. Прежде всего, в ней сформулировано понятие данного вида преступлений, то есть раздел XI является единственным разделом Особенной

части УК, содержащим отдельную статью, которая включает специальные декларативные положения, относящиеся ко всем нормам этого раздела. Такое законодательное решение было заимствовано у советского законодателя (ст. 237 УК РСФСР 1960 г.). Такое определение помогает решить проблему разграничения общеуголовных преступлений и относительных преступлений против военной службы.

Понятие преступлений против военной службы дается через их направленность против порядка прохождения данной службы, под которым понимается вся военно-служебная деятельность (в том числе время нахождения в отпуске, на лечении, личное время, время отдыха и т. п.).

Специфика рассматриваемой группы составов преступлений обусловлена не только субъектом, но и объектом. Родовым объектом преступлений против военной службы является порядок прохождения военной службы. В ст. 2 УК РФ порядок прохождения военной службы специально не указан в ряду уголовно охраняемых объектов, однако он является элементом безопасности военной службы и военной безопасности, на которую посягает всякое преступление против военной службы [5; 6]. Таким образом, имеет место специальный родовый объект – закрепленный в специальном законодательстве порядок прохождения военной службы. Это, в свою очередь, влечет специальную бланкетность диспозиций всех специальных уголовно-правовых норм раздела XI УК РФ (ст. 332–352) [9].

Неверно утверждение, что в данном случае родовый объект совпадает с видовым. Полагаем, это результат недоработки законодателя, которую некоторые ученые попытались теоретически обосновать (оправдать). Так, порядок прохождения военной службы подразделяется на виды – конкретные сферы военно-служебной деятельности, где решаются конкретные задачи обеспечения безопасности военной службы и военной безопасности: порядок воинских уставных взаимоотношений; порядок пребывания на военной службе; порядок несения специальных (охранных) видов военной службы; порядок сбережения военного имущества; порядок эксплуатации военно-технических средств. Данные сферы военно-служебной деятельности являются видовыми объектами отдельных групп однородных преступлений против военной службы. В связи с этим целесообразно структурировать раздел XI УК РФ и построить его, основываясь на указанном перечне видовых объектов, закрепив их в соответствующих главах [20].

В ч. 3 ст. 331 УК РФ закреплено, что «уголовная ответственность за преступления против военной службы, совершённые в военное время либо в боевой обстановке, определяется законодательством Российской Федерации военного времени». Данное положение, как мы уже неоднократно замечали, имеет ряд существенных недостатков [24]. Прежде всего, оно противоречит установлениям ч. 1 ст. 1 и ч. 1 ст. 3 УК РФ. Полагаем, следует отказаться от ч. 3 ст. 331 УК РФ и предусмотреть ответственность за преступления против военной службы, совершаемые в военное время или в боевой обстановке, в УК РФ.

В целом, ни в коей мере не умаляя значимости положений ст. 331 УК РФ, полагаем, что ее наличие противоречит принятой юридической технике устройства

УК РФ. Неправильно посвящать отдельную статью Особенной части УК декларативным положениям. Следует исключить ст. 331 и сформулировать ее положения в форме примечания к ст. 332 УК РФ, распространив его действие на весь раздел XI УК РФ [25].

Механизм уголовно-правового воздействия на военнослужащих

Безусловно, военно-уголовное законодательство – это основа, «стержень» уголовно-правового воздействия на военнослужащих, однако оно не является единственным элементом данного механизма. Уместно говорить о следующих относительно самостоятельных, но взаимосвязанных и взаимообусловленных его составных частях: 1) формальное (нормативное) определение мер и средств воздействия на военнослужащих, совершивших преступления, а также круга преступлений, направленных против военной службы (на основе уголовного законодательства); 2) уголовное преследование, официальное выявление и расследование содеянного, отправление правосудия в отношении военнослужащих (на основе уголовно-процессуального законодательства); 3) исполнение назначенных мер уголовно-правового воздействия в отношении военнослужащих (на основе уголовно-исполнительного законодательства).

Таким образом, не менее важными компонентами механизма уголовно-правового воздействия на военнослужащих являются соответствующие специальные нормы и положения уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного законодательства. И только их комплексное сочетание способно обеспечить адекватность и эффективность такого воздействия как непосредственно на самих военнослужащих, так и на воинскую преступность в целом [7]. Кроме того, рассматриваемые специальные нормы неизбежно взаимосвязаны со специальным законодательством о военной службе [2; 3].

ВЫВОДЫ

Необходимо принятие законодательных решений, направленных на формирование логичной и понятной регламентации соответствующих специальных уголовно-правовых норм и положений УК РФ в целях обеспечения эффективного уголовно-правового воздействия на военнослужащих и уголовно-правового обеспечения военной безопасности страны.

В частности, считаем целесообразным:

- 1) выделить в Общей части УК РФ раздел «Уголовная ответственность военнослужащих» и главу «Особенности уголовной ответственности и наказания военнослужащих», которые включали бы в том числе нормы и положения ст. 44, 48, 51, 54 и 55 УК РФ;
- 2) структурировать раздел XI Особенной части УК РФ и построить его, основываясь на перечне видовых объектов – отдельных сфер военно-служебной деятельности, закрепив их в соответствующих главах:
 - преступления против порядка воинских уставных взаимоотношений (ст. 332–336 УК РФ);
 - преступления против порядка пребывания на военной службе (ст. 337–339 УК РФ);
 - преступления против порядка несения специальных (охранных) видов военной службы (ст. 340–344 УК РФ);

- преступления против порядка сбережения военно-имущества (ст. 345–348 УК РФ);
- преступления против порядка эксплуатации военно-технических средств (ст. 349–352 УК РФ);
- 3) отказаться от положения ч. 3 ст. 331 УК РФ и предусмотреть ответственность за преступления против военной службы, совершаемые в военное время или в боевой обстановке, в УК РФ;
- 4) исключить ст. 331 из УК РФ и сформулировать ее положения в форме примечания к ст. 332, распространить его действие на весь раздел XI УК РФ.

Статья подготовлена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ), проект № 20-011-00141 А «Уголовно-правовое воздействие как реакция государства на преступления и преступность и его роль в обеспечении национальной безопасности России».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ермолович Я.Н. Дифференциация уголовной ответственности военнослужащих. М.: Юрлитинформ, 2014. 288 с.
2. Военно-уголовное право: история, теория, современные проблемы и методология исследования / под ред. О.А. Тюрина. М.: За права военнослужащих, 2010. 447 с.
3. Военно-уголовное законодательство Российской Федерации: научно-практический комментарий / под ред. Н.А. Петухова. М.: За права военнослужащих, 2004. 304 с.
4. Ображиев К.В. Перспективы расширения системы источников российского уголовного права // Общество и право. 2014. № 2. С. 74–80.
5. Зателепин О.К. Квалификация преступлений против военной безопасности государства. М.: За права военнослужащих, 2009. 288 с.
6. Зателепин О.К. Уголовно-правовое обеспечение военной безопасности Российской Федерации (вопросы теории, законодательства и практики). М.: За права военнослужащих, 2013. 190 с.
7. Денисова А.В. Нормы отраслей уголовно-правового комплекса: проблемы взаимовлияния // Актуальные проблемы уголовного права, криминологии, уголовно-исполнительного права: межвузовский сборник научных трудов. Самара: Самарский госуниверситет, 2012. С. 52–60.
8. Уголовная ответственность за преступления, связанные с нарушением специальных правил / под ред. Ю.Е. Пудовочкина. М.: РГУП, 2018. 458 с.
9. Закомолдин Р.В. Специальная бланкетная противоправность как признак преступлений, нарушающих специальные правила (на примере статей 340–344 УК РФ) // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2020. № 1. С. 5–10.
10. Бордакова А.Г. Специальные нормы: междисциплинарный подход к исследованию // Государственно-правовые исследования. 2020. № 3. С. 212–216.
11. Сальникова М.А. Общие и специальные нормы как объекты содержательных коллизий норм права // Проблемы современной науки и образования. 2016. № 10. С. 130–131.
12. Кленова Т.В. Основы теории кодификации уголовно-правовых норм. Самара: Самарский университет, 2001. 244 с.
13. Жук М.С. Институты российского уголовного права: история развития и современное понимание. Краснодар: Просвещение-Юг, 2010. 166 с.
14. Кругликов Л.Л., Васильевский А.В. Дифференциация ответственности в уголовном праве. СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. 300 с.
15. Дуюнов В.К., Кондратьев С.В. О дифференциации ответственности в российском праве и в уголовном законодательстве: понятие, природа, статус и значение // Вопросы российского и международного права. 2019. Т. 9. № 11-1. С. 201–214.
16. Келина С.Г. Некоторые направления совершенствования уголовного законодательства // Советское государство и право. 1987. № 5. С. 65–71.
17. Лесниевски-Костарева Т.А. Дифференциация уголовной ответственности. Теория и законодательная практика. 2-е изд., перераб. и доп. М.: НОРМА, 2000. 400 с.
18. Воронин В.Н. Реализация принципа справедливости при назначении наказания как индикатор качества уголовного закона // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Право. 2014. № 4. С. 55–72.
19. Глазков В.А. Применение справедливого наказания как цель и принцип уголовно-правового воздействия // Государственно-правовые исследования. 2018. № 1. С. 46–49.
20. Закомолдин Р.В. Недостатки военно-уголовного закона по реагированию на преступность в сфере военной службы // Криминальные реалии, реагирование на них и закон. М.: Российская криминологическая ассоциация, 2018. С. 68–75.
21. Закомолдин Р.В. Специальные воинские уголовные наказания: состояние и перспективы // Сибирский юридический вестник. 2020. № 4. С. 67–71.
22. Уголовное право. Общая часть. Наказание. Академический курс в 10 т. Т. 2: Виды уголовного наказания: дополнительные, специальные, не применяющиеся / под ред. Н.А. Лопашенко. М.: Юрлитинформ, 2020. 736 с.
23. Малинин В.Б. Проект нового Уголовного кодекса Российской Федерации. Общая часть. Глава VIII. Уголовная ответственность и наказание // Журнал правовых и экономических исследований. 2019. № 2. С. 83–92.
24. Закомолдин Р.В. О структуре и содержании статьи 331 Уголовного кодекса РФ: критический взгляд // Правовая политика и правовая жизнь. 2005. № 2. С. 164–169.
25. Закомолдин Р.В. О некоторых проблемах действующего военно-уголовного законодательства // Актуальные проблемы уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного права: сборник научных трудов. Самара: Самарский университет, 2015. Вып. 3. С. 115–122.

REFERENCES

1. Ermolovich Ya.N. *Differentsiatsiya ugovolnoy otvetstvennosti voenno-sluzhashchikh* [Differentiation of

- criminal liability of military personnel]. Moscow, Yurlitinform Publ., 2014. 288 p.
2. Tyurin O.A., ed. *Voенно-уголовное право: история, теория, современные проблемы и методология исследования* [Military criminal law: history, theory, current problems and research methodology]. Moscow, Za prava voennosluzhashchikh Publ., 2010. 447 p.
 3. Petukhov N.A., ed. *Voенно-уголовное законодательство Российской Федерации: научно-практический комментарий* [Military legal legislation of the Russian Federation: scientific practical commentary]. Moscow, Za prava voennosluzhashchikh Publ., 2004. 304 p.
 4. Obrazhiev K.V. Prospects for expanding the system of sources of Russian criminal law. *Obshchestvo i pravo*, 2014, no. 2, pp. 74–80.
 5. Zatelepin O.K. *Kvalifikatsiya prestupleniy protiv voennoy bezopasnosti gosudarstva* [Classification of crimes against military security of the state]. Moscow, Za prava voennosluzhashchikh Publ., 2009. 288 p.
 6. Zatelepin O.K. *Uголовно-правовое обеспечение военной безопасности Российской Федерации (вопросы теории, законодательства и практики)* [Criminal legal support of military security of the Russian Federation (the issues of theory, legislation, and practice)]. Moscow, Za prava voennosluzhashchikh Publ., 2013. 190 p.
 7. Denisova A.V. The norms of branches of criminal legal complex: the problems of interinfluence. *Aktualnye problemy uголовного права, криминологии, uголовно-исполнительного права: mezhvuzovskiy sbornik nauchnykh trudov*. Samara, Samarskiy gosuniversitet Publ., 2012, pp. 52–60.
 8. Pudovochkin Yu.E., ed. *Uголовная ответственность за преступления, связанные с нарушением специальных правил* [Criminal liability for crimes related to the violation of special rules]. Moscow, RGUP Publ., 2018. 458 p.
 9. Zakomoldin R.V. Special blanket wrongfulness as an attribute of crimes violating special rules (on the example of articles 340–344 of the Criminal Code of the Russian Federation). *Vektor nauki Tolyatinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Yuridicheskie nauki*, 2020, no. 1, pp. 5–10.
 10. Bordakova A.G. Special norms: an interdisciplinary approach to research. *Gosudarstvenno-pravovye issledovaniya*, 2020, no. 3, pp. 212–216.
 11. Salnikova M.A. General and special legal norms as objects of conflicts in law. *Problemy sovremennoy nauki i obrazovaniya*, 2016, no. 10, pp. 130–131.
 12. Klenova T.V. *Osnovy teorii kodifikatsii uголовно-правовых норм* [Fundamentals of codification of criminal legal norms]. Samara, Samarskiy universitet Publ., 2001. 244 p.
 13. Zhuk M.S. *Instituty rossiyskogo uголовного права: istoriya razvitiya i sovremennoe ponimanie* [Institutes of Russian criminal law: history of development and modern understanding]. Krasnodar, Prosveshchenie-Yug Publ., 2010. 166 p.
 14. Kruglikov L.L., Vasilevskiy A.V. *Differentsiatsiya otvetstvennosti v uголовном prave* [Differentiation of Responsibility in the Criminal Law]. Sankt Petersburg, Yuridicheskiy tsentr Press Publ., 2003. 300 p.
 15. Duyunov V.K., Kondratyuk S.V. On differentiation of liability in Russian law and in criminal legislation: the concept, nature, status and significance. *Voprosy rossiyskogo i mezhdunarodnogo prava*, 2019, vol. 9, no. 11-1, pp. 201–214.
 16. Kelina S.G. Some directions for the improvement of criminal legislation. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo*, 1987, no. 5, pp. 65–71.
 17. Lesnievski-Kostareva T.A. *Differentsiatsiya uголовной ответственности. Teoriya i zakonodatelnaya praktika* [Differentiation of Criminal Responsibility. Theory and Legislative Practice]. 2nd ed., pererab. i dop. Moscow, NORMA Publ., 2000. 400 p.
 18. Voronin V.N. Implementation of justice when sentencing as an indicator quality of the criminal law. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo*, 2014, no. 4, pp. 55–72.
 19. Glazkov V.A. The application of fair punishment as the purpose and principle of criminal law influence. *Gosudarstvenno-pravovye issledovaniya*, 2018, no. 1, pp. 46–49.
 20. Zakomoldin R.V. The deficiencies of military penal code for response to criminality in the sphere of military service. *Kriminalnye realii, reagirovanie na nikh i zakon*. Moscow, Rossiyskaya kriminologicheskaya assotsiatsiya Publ., 2018, pp. 68–75.
 21. Zakomoldin R.V. Special military criminal penalties: status and prospects. *Sibirskiy yuridicheskiy vestnik*, 2020, no. 4, pp. 67–71.
 22. Lopashenko N.A., ed. *Uголовное право. Obshchaya chast. Nakazanie. Akademicheskii kurs. Vidy uголовного nakazaniya: dopolnitelnye, spetsialnye, ne primenyayushchiesya* [Criminal law. General part. Penalty. Theoretical course. Types of criminal penalty: supplementary, special, out-of-date]. Moscow, Yurlitinform Publ., 2020. 736 p.
 23. Malinin V.B. Draft new criminal code of Russian Federation. General part. Chapter VIII. Criminal responsibility and punishment. *Zhurnal pravovykh i ekonomicheskikh issledovaniy*, 2019, no. 2, pp. 83–92.
 24. Zakomoldin R.V. About the structure and content of Article 331 of the RF Criminal Code: critical perspectives. *Pravovaya politika i pravovaya zhizn*, 2005, no. 2, pp. 164–169.
 25. Zakomoldin R.V. About some problems of current military criminal legislation. *Aktualnye problemy uголовного права, криминологии i uголовно-исполнительного права: sbornik nauchnykh trudov*. Samara, Samarskiy universitet Publ., 2015. Vyp. 3, pp. 115–122.

ON THE FORMAL ASPECT OF REGULATION OF THE CRIMINAL LEGAL IMPACT IN RESPECT OF MILITARY PERSONNEL IN THE RF CRIMINAL CODE

© 2021

R.V. Zakomoldin, PhD (Law), Associate Professor, assistant professor of Chair “Criminal Law and Procedure”
Togliatti State University, Togliatti (Russia)

Keywords: criminal law impact; special criminal law norms; criminal law institution; military criminal legislation; criminal responsibility of military personnel; differentiation of criminal responsibility of military personnel; special military criminal penalties; crimes against military service; military security; security of military service.

Abstract: The paper analyzes special norms and provisions of the RF Criminal Code reflecting the specifics of criminal law impact towards such a particular subject as military personnel. The author studies the nature, meaning, and varieties of special criminal law norms. The paper highlights the diversity of such norms and their presence in General and Special parts of the criminal law. In this respect, the author explains that these norms have a dual purpose: they are applied both instead of general norms and along with them, supplementing and specifying them. The author emphasizes the certainty, necessity, and reasonability of special norms and provisions in criminal law. The study pays special attention to military criminal legislation as a special criminal legal institution and a set of special rules and provisions that allows differentiating and individualizing criminal responsibility and criminal punishment of servicemen, taking into account the specifics of their legal status and the tasks they perform in the conditions of military service. The author considers special norms and provisions of the General Part of the RF Criminal Code regulating particular military types of criminal punishment and the procedure for their imposition (Articles 44, 48, 51, 54, 55), as well as the norms and provisions of the Special Part of the RF Criminal Code on crimes against military service (Articles 331–352). Besides, the study identifies close interrelation and interdependence of special norms and provisions of the criminal law with the criminal procedure and criminal executive legislation because they are the elements of a single mechanism of criminal law impact on military personnel, and only their combination ensures the effectiveness of such impact. Based on the analysis, the author formulates the conclusions and proposals to introduce amendments and additions to the RF Criminal Code concerning military criminal legislation. First of all, the author proposes highlighting the section “Criminal liability of military personnel” and the chapter “Features of criminal liability and punishment of military personnel” in the General part of the RF Criminal Code and abandoning the provision of part 3 of Art. 331 in the Special part.

К ВОПРОСУ ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ РЕЗУЛЬТАТОВ МОДЕЛИРОВАНИЯ ЭВАКУАЦИИ ЛЮДЕЙ ПРИ ДОКАЗЫВАНИИ СОСТАВА ПРЕСТУПЛЕНИЯ О НАРУШЕНИИ ТРЕБОВАНИЙ ПОЖАРНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

© 2021

С.Ю. Карнов, старший преподаватель кафедры надзорной деятельности в составе УНК ОНД
Академия Государственной противопожарной службы МЧС России, Москва (Россия)

В.В. Садовский, слушатель магистратуры
Санкт-Петербургский университет Государственной противопожарной службы МЧС России,
Санкт-Петербург (Россия)

Ключевые слова: пожарная безопасность; нарушение требований пожарной безопасности; расследование пожара; моделирование пожара; судебная экспертиза; пожарно-техническая экспертиза; квалификация преступления.

Аннотация: В статье рассмотрены особенности квалификации преступлений, связанных с нарушением требований пожарной безопасности. Основное внимание уделяется вопросу допустимости использования вероятностных выводов математического моделирования пожара в качестве доказательства при квалификации преступлений, связанных с нарушением требований пожарной безопасности. Предложено уделить особое внимание качеству программных продуктов и экспертных методик перед их внедрением в судебно-экспертную деятельность. Сделана попытка обсуждения проблемных вопросов, связанных с применением результатов математического моделирования вероятности эвакуации людей на пожаре, при квалификации и обосновании обязательности (добровольности) требований пожарной безопасности, на примере диспозиции статьи 219 УК РФ. Приведены примеры проблемных вопросов в существующих методиках при расчете вероятности эвакуации людей при пожаре. Проведенная работа позволяет рассмотреть как технические, так и правовые аспекты применения в рамках судебных пожарно-технических экспертиз существующих современных методик по определению вероятности эвакуации людей при пожаре. Предложено откорректировать (разработать) и стандартизировать экспертные методики, используемые в рамках пожарно-технических экспертиз по делам о нарушениях требований пожарной безопасности. Сделан вывод о недопустимости применения вероятностных значений (результатов), полученных в рамках математического моделирования эвакуации людей при пожаре, как основного доказательства по делам о нарушениях требований пожарной безопасности. Работа позволяет обозначить проблемные вопросы в области использования результатов моделирования эвакуации людей при доказывании состава преступления, связанного с нарушениями требований пожарной безопасности, и обосновать актуальность дальнейшего исследования.

ВВЕДЕНИЕ

При доказывании состава преступления по уголовным делам, связанным с нарушением требований пожарной безопасности, особое внимание в научных кругах уделяется вопросу определения (установления) обязательности нормы, адекватности, соизмеримости ее со степенью риска причинения вреда и возможными последствиями при невыполнении. Первоначальный процесс анализа обязательности и добровольности выполнения требований пожарной безопасности в том или ином случае происходит на этапе квалификации преступления. Наибольшие сложности с квалификацией преступления на практике возникают по ст. 219 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ). Диспозиция ст. 219 УК РФ «Нарушение требований пожарной безопасности» имеет бланкетный характер и отсылает правоприменителя к норме пожарной безопасности [1; 2]. С одной стороны, в ст. 219 УК РФ прописаны общие квалификационные признаки, но чтобы раскрыть их полностью, нужно обратиться к конкретизации нормы, при невыполнении которой по неосторожности был причинен тяжкий вред здоровью человека или наступила его смерть. При этом в ходе расследования нужно будет доказать причинно-следственную связь. Предметом доказывания по ст. 219 УК РФ будут фактические обстоятельства, конкретизирующие ненадлежащее исполнение (действие, бездействие) либо невыполнение обязательных норм и правил

пожарной безопасности ответственным лицом, а также наличие (отсутствие) причинной связи между допущенными нарушениями и наступившими последствиями с указанием конкретных пунктов в нормативно-правовых актах (нормах), которые были нарушены.

С введением гибкого нормирования в области пожарной безопасности собственникам объектов надзора дали возможность рисковать своим имуществом и определять пожарные риски посредством расчетных методик с последующим выбором «добровольности» применения требований, содержащихся в нормативных документах по пожарной безопасности. К нормативным документам по пожарной безопасности относятся национальные стандарты, своды правил, содержащие требования пожарной безопасности, а также иные документы, содержащие требования пожарной безопасности, применение которых на добровольной основе обеспечивает соблюдение требований федерального закона¹.

Кроме риска по имуществу необходимо установить риски по людям, определить возможность успешной эвакуации и спасения людей из здания. Одним из инструментов в доказывании причастности к невыполнению конкретного мероприятия (требования нормативного документа), приведшему к наступлению тяжких

¹ Федеральный закон от 22 июля 2008 г. № 123-ФЗ «Технический регламент о требованиях пожарной безопасности». Ч. 3. Ст. 4.

последствий, может быть расчет вероятности эвакуации людей при пожаре. С помощью моделирования пожара и расчета эвакуации людей определяется вероятность успешной эвакуации при пожаре на конкретном объекте (в здании, сооружении) с учетом выявленных нарушений требований пожарной безопасности. Расследование дел, связанных с пожарами, как правило, всегда сложное по раскрываемости, так как многие следы сгорают, а установить на 100 % картину вещной обстановки до пожара очень трудно, а в некоторых случаях и невозможно. Эти обстоятельства не позволяют после пожара с большой вероятностью определить точные исходные данные для расчета, а именно количество и свойства горючей нагрузки. Это объективно влияет на результаты всевозможных расчетных сценариев развития пожара, что является предметом научно-технического обсуждения о порядке применения полученных результатов в доказательствах на различных этапах судопроизводства.

Вопросу квалификации преступлений, связанных с нарушением требований пожарной безопасности, научное сообщество уделяет большое внимание [3; 4]. Однако в значительной степени обсуждение вопросов о применении расчетных методик и использовании результатов моделирования пожара сводится к решению классических задач в рамках пожарно-технических экспертиз [5; 6]. Анализ ряда публикаций и исследований по затронутой в статье теме показал, что многие ученые рассматривают применение математического моделирования по делам о пожарах в основном для установления причины и очага пожара [7; 8]. Некоторые авторы исследуют особенности компьютерного моделирования процесса возникновения и развития пожара в рамках пожарно-технических экспертиз [9; 10]. Обсуждению вопросов допустимости применения расчетных методик при квалификации преступлений, связанных с нарушением требований пожарной безопасности, и использования вероятностных выводов по итогам моделирования эвакуации людей при пожаре внимание почти не уделяется.

Цель работы – рассмотрение проблемных вопросов технического и правового характера о возможности, допустимости и особенностях применений утвержденных методик по расчету эвакуации людей при квалификации преступлений по делам о пожарах, связанных с нарушением требований пожарной безопасности.

МЕТОДИКА ПРОВЕДЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

В рамках исследования был проведен анализ нормативных правовых актов и нормативных документов по пожарной безопасности. Анализ статистических и экспертных данных о практической деятельности органа дознания МЧС России и судебно-экспертных учреждений ФПС МЧС России позволил сформулировать ряд вопросов, подлежащих рассмотрению. Уделялось внимание причинам назначения повторных судебных экспертиз по делам о пожарах с гибелью людей и причинам частой практики применения формы вероятностного вывода в заключениях пожарно-технической экспертизы. Анализировались также мнения специалистов о положительных и отрицательных аспектах существующей методики расчета эвакуации людей при пожаре.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЙ

Обобщенный обзор проблематики

Многие специалисты рассматривают полученные результаты расчета вероятности эвакуации людей при пожаре как основное и единственное доказательство при определении обязательности (необязательности) выполнения требования пожарной безопасности. Такие утверждения основываются на общей практике использования расчетов и моделирования пожаров при производстве судебных пожарно-технических экспертиз, без учета детального анализа всех обстоятельств пожара. Данный подход вызывает множество споров в среде специалистов, отстаивающих ту или иную точку зрения. Исследуя вопрос применения методики для расчета эвакуации людей при пожаре, необходимо понимать, что данная методика относится к специальным знаниям и может применяться в уголовном процессе посредством назначения экспертиз или привлечения специалиста. Рассматривая существующие методики² как экспертные, нужно понимать, что в уголовном процессе, как и в других процессах, необходимо обеспечить надежность методики с точки зрения получения достоверных результатов [11; 12]. Положения, изложенные в Федеральном законе от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» (далее – ФЗ-73), указывают на то, что при производстве судебных экспертиз используются современные достижения науки и техники, а заключение эксперта должно основываться на базе общепринятых научных и практических данных. Это предполагает использование стандартизированных экспертных методик как единых правил и требований. О внедрении в практику стандартизированных экспертных методик в своих публикациях высказываются такие ученые, как Е.Р. Россинская, Т.В. Аверьянова, С.А. Смирнова, А.И. Усов, А.М. Зенин, С.И. Зернов, И.Д. Чешко, Н.П. Майлис, Т.Ф. Моисеева и др. [13; 14]. Принцип использования надежных методик (стандартизированных) отражен в положении ст. 3 «Принципы технического регулирования» Федерального закона от 27 декабря 2002 г. № 184-ФЗ «О техническом регулировании».

Рассматривая область применения методик, нужно понимать, для каких основных целей они предназначены. Основная цель рассматриваемых методик – это «прогноз», с учетом наихудших вариантов развития пожара, вероятности эвакуации людей и определения численных значений пожарного риска. Данный инструмент необходим для выполнения основных положений ФЗ-123 «Технический регламент о требованиях пожарной безопасности»³, которые находятся в области

² Приказ МЧС РФ от 30 июня 2009 г. № 382 «Об утверждении методики определения расчетных величин пожарного риска в зданиях, сооружениях и строениях различных классов функциональной пожарной опасности», Приказ МЧС РФ от 10 июля 2009 г. № 404 «Об утверждении методики определения расчетных величин пожарного риска на производственных объектах», ГОСТ 12.1.004-91 ССБТ. Пожарная безопасность. Общие требования.

³ Статья 1 «Цели и сфера применения технического регламента» Федерального закона от 22 июля 2008 г. № 123-ФЗ «Технический регламент о требованиях пожарной безопасности».

технического регулирования⁴ и устанавливают общие требования пожарной безопасности к объектам защиты на стадии проектирования, строительства и эксплуатации. Прогнозирование эвакуации людей позволяет определить правильность выбранных технических решений в целях обеспечения безопасности людей на объекте и соответствие полученных результатов риска с нормативными значениями. В связи с этим возникает логический вопрос о возможности использования данных методик не только на стадии проектирования (в рамках технического регулирования), но и на стадии производства пожарно-технических экспертиз (в рамках уголовного производства) с целью «расчетного» установления доказательств.

Учитывая ряд положений и принципов, предъявляемых к экспертным методикам при производстве судебных экспертиз, можно проанализировать практику применения существующих методик расчета эвакуации людей при пожаре. Данные методики представлены в ГОСТ 12.1.004-91 ССБТ. Пожарная безопасность. Общие требования, Приказе МЧС России от 30 июня 2009 г. № 382 «Об утверждении методики определения расчетных величин пожарного риска в зданиях, сооружениях и строениях различных классов функциональной пожарной опасности», Приказе МЧС России от 10 июля 2009 г. № 404 «Об утверждении методики определения расчетных величин пожарного риска на производственных объектах».

Общие принципы расчета вероятности эвакуации людей при пожаре основаны на определении необходимого времени эвакуации людей при пожаре и фактического времени эвакуации людей с дальнейшим их сопоставлением. При этом условием безопасной эвакуации людей при пожаре является то, что человек должен самостоятельно выйти наружу (в безопасную зону) до наступления воздействия на него одного из опасных факторов пожара. Если человек относится к категории «маломобильные группы населения», то необходимо предусмотреть иные условия эвакуации (оказание помощи персоналом и др. мероприятия). К опасным факторам пожара, воздействующим на людей и имущество, относятся: 1) пламя и искры; 2) тепловой поток; 3) повышенная температура окружающей среды; 4) повышенная концентрация токсичных продуктов горения и термического разложения; 5) пониженная концентрация кислорода; 6) снижение видимости в дыму.

Особенности методик моделирования эвакуации людей при пожаре

Особенности определения необходимого для эвакуации людей времени в рамках исследования (моделирование пожара) заключаются, как правило, в выборе исходных данных. Когда от здания или сооружения после пожара остается только фундамент и «пожарный мусор», установить реальную обстановку до пожара и характеристику объекта очень сложно, а во многих случаях это невыполнимо. Подобные обстоятельства приводят к тому, что исходные данные для расчета (количество и характеристика горючей нагрузки, объемно-

планировочные решения) могут значительно отличаться от реальной обстановки перед пожаром. Соответственно, полученные значения не дадут объективных результатов, а их использование может привести к ошибке в расчете и расследовании. В среде ученых возникает множество спорных вопросов относительно методики расчета вероятности эвакуации людей. К ним можно отнести круг вопросов, посвященных характеристике горючей нагрузки (отсутствие данных о свойствах по многим современным строительным материалам, особенностям горения с учетом многокомпонентности веществ и материалов, находящихся в помещении, и т. д.), выбору и точности математических моделей (интегральной, зонной, полевой), а также особенностям движения людского потока [15; 16]. В части несовершенства существующих методик можно привести несколько примеров. Например, при расчете фактического времени эвакуации людей при пожаре в существующих методиках не учитываются (на начальной стадии пожара) поведенческие факторы различных категорий людей как по возрастному признаку (дети, подростки, взрослые, престарелые), так и по индивидуальным особенностям (глухонемые, с отклонением психики, с избыточным весом, беременные и т. д.). Дети, например, могут испугаться и спрятаться, а люди с избыточным весом могут способствовать снижению расчетной (нормативной) скорости движения людей в потоке и создать пробку. Существующая методика в большей степени рассчитана на взрослого адекватного человека без каких-либо отклонений по здоровью. Есть также ряд спорных вопросов по применению математических моделей (зонной, полевой, интегральной) при определении времени блокирования путей эвакуации опасными факторами пожара [17]. Так, например, в методиках расчета опасных факторов пожара⁵ (при определении времени блокирования путей эвакуации опасными факторами пожара) не учитывается влияние и особенности работы системы противодымной вентиляции, системы автоматического пожаротушения [18]. Другими словами, рассматриваются несложные и « типовые » пожары с расчетной типовой пожарной нагрузкой в объеме помещений (зданий) без учета возможных многофакторных условий на начальной стадии развития пожара.

Обоснованность, апробация и стандартизация экспертных методик

Перед экспертом возникает непростой вопрос о порядке применения методики в рамках производства экспертиз при расследовании преступлений, сопряженных с пожарами. Конечно, в отсутствие других доступных методов и средств доказывания расчет вероятности эвакуации людей может применяться, но в совокупности с иными доказательствами, подтверждающими реальные события на пожаре и характеризующие обстоятельства, которые могли повлиять на развитие пожара

⁴ Ст. 2 «Основные понятия» Федерального закона от 22 июля 2008 г. 123-ФЗ «Технический регламент о требованиях пожарной безопасности».

⁵ Приказ МЧС РФ от 30 июня 2009 г. № 382 «Об утверждении методики определения расчетных величин пожарного риска в зданиях, сооружениях и строениях различных классов функциональной пожарной опасности», Приказ МЧС РФ от 10 июля 2009 г. № 404 «Об утверждении методики определения расчетных величин пожарного риска на производственных объектах», ГОСТ 12.1.004-91 ССБТ. Пожарная безопасность. Общие требования.

и процесс эвакуации людей. Например, это могут быть показания свидетелей, видео- и фотофиксация начального этапа развития пожара, результаты осмотра места пожара, информация, характеризующая реальные условия беспрепятственной и своевременной эвакуации людей, показания приборов (время, место, температура и т. д.) и систем пожарной сигнализации [19].

Некоторые эксперты придерживаются иного мнения касательно применения расчетной методики, ссылаясь на отсутствие других инструментов и сравнения возможных погрешности и неточности (несовершенства) с допустимыми, как, например, у прибора с допустимыми погрешностями, установленными в паспорте. Кроме того, они ссылаются на то, что методики утверждены приказами МЧС России, а значит, являются законными и допустимыми. Сторонники этой точки зрения учитывают положения ст. 17 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации «Свобода оценки доказательств» (далее – УПК РФ) и право эксперта самостоятельно выбирать необходимые методы (методики) при исследовании в рамках судебных экспертиз.

Важно отметить, что эксперт при выборе методик должен полагаться на такие критерии, как общепринятость, апробированность, научная обоснованность, точность. Научная обоснованность методики должна базироваться на экспериментальных данных, подтверждающих ее точность и допустимость. Моделирование пожара и расчет эвакуации людей относится к области специальных знаний, а исследование проводится в рамках пожарно-технических экспертиз. Действующий УПК РФ определяет заключение эксперта как самостоятельный вид доказательств, соответственно, на основании ст. 88 УПК РФ оно подлежит оценке с точки зрения относимости, допустимости, достоверности и в совокупности достаточности [20].

В рамках настоящего исследования было обращено внимание на то, что методики, содержащиеся в приказах МЧС РФ⁶, не прошли этап стандартизации, который предусматривает всесторонний анализ, научное обоснование, допустимость и многие другие требования, которые впоследствии позволят методике стать стандартом в Российской Федерации.

Использование в процессе доказывания вероятного вывода в заключении эксперта по итогам расчета (вероятностный вывод предусматривается методикой) может быть оспорен и не может быть положен в основу обвинения или утверждения о фактическом обстоятельстве дела. Данный подход отражен как позиция уголовно-процессуального законодательства (ст. 75 УПК РФ) по отношению к доказательствам, имеющим вероятностный (предположительный) характер выводов. Поэтому мы считаем, что только в совокупности с другими подтверждающими доказательствами вероятный вывод эксперта, основанный на результатах расчета эвакуации людей при пожаре, может быть использован при доказывании по делу.

ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ

С учетом особенностей методики определения вероятности эвакуации людей при пожаре можно сказать следующее.

1. При определении причинно-следственной связи (между нарушением требований пожарной безопасности и наступившими для человека последствиями) применение расчетных методик допустимо с иными подтверждающими доказательствами, например с результатами исследований видеоматериалов начальной стадии развития пожара, показаниями очевидцев, результатами осмотра места пожара, анализа информации, отражающей исправное состояние систем пожарной сигнализации, состояние эвакуационных путей и выходов на момент возникновения пожара, действия персонала объекта при пожаре.

2. несовершенство существующей методики и отсутствие информации о свойствах многих веществ и материалов (горючей нагрузки) предполагает при проведении исследований высокую квалификацию эксперта (специалиста) и значительное время производства расчетов. Поэтому необходима дополнительная специализация и подготовка экспертов (специалистов), в том числе с изучением имеющихся на рынке программных продуктов по расчету пожарных рисков.

3. Необходимо определить ситуации, при которых расчет (при сложности определения исходных данных на пожаре и т. д.) будет неэффективен в силу значительных погрешностей, например при полном или значительном разрушении зданий и т. д. Важно уточнить условия применимости методик, для которых нужно разработать соответствующие методические рекомендации с учетом специфики требований к судебной экспертизе.

Подводя итоги, можно сказать, что порядок применения результатов расчета эвакуации людей при пожаре, как единственного верного доказательства в рамках доказывания состава преступления по уголовному делу, в настоящее время остается скорее дискуссионным и требует дополнительных исследований.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гавриленко В.А., Григонис В.П. Вопросы квалификации нарушения правил пожарной безопасности // Научно-прикладные исследования современности: сборник научных статей. Краснодар: Новация (ИД Кабанов В.Б.), 2020. С. 51–55.
2. Байбурина Р.Р. Бланкетный способ изложения диспозиции нарушения требований пожарной безопасности // Евразийский юридический журнал. 2012. № 1. С. 102–104.
3. Гармышев Я.В. Проблемы квалификации объективных признаков нарушений правил пожарной безопасности // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2011. № 3. С. 13–19.
4. Карпов С.Ю. Назначение и производство экспертиз при расследовании правонарушений в области пожарной безопасности // Судебная экспертиза. 2008. № 3. С. 113–122.
5. Попов И.А. Расследование преступлений, связанных с пожарами. М.: ИНФРА-М, 2001. 167 с.
6. Зернов С.И. Расчетные оценки при решении задач пожарно-технической экспертизы. М.: ЭКЦ МВД России, 1992. 88 с.

⁶ См. 5.

7. Кондратьев С.А. Экспертно-техническое сопровождение расследования преступлений, связанных с нарушением правил пожарной безопасности // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2016. № 3-2. С. 302–308.
8. Петрова Н.В., Воронцова А.А., Чешко И.Д. Нормативная пожарно-техническая экспертиза и ситуационный анализ пожаров в лечебных учреждениях // Надзорная деятельность и судебная экспертиза в системе безопасности. 2017. № 2. С. 6–10.
9. Таубкин И.С. О повышении качества судебных пожарно-технических экспертиз // Теория и практика судебной экспертизы. 2019. Т. 14. № 4. С. 98–116.
10. Кирик Е.С., Литвинцев К.Ю., Тумановский А.А., Шебеко А.Ю. Особенности CFD-программы для моделирования развития пожара FDS и ее применения в расчетах пожарного риска // Пожарная безопасность. 2020. № 2. С. 14–27.
11. Зинин А.М., Майлис Н.П. Научные правовые основы судебной экспертизы. М.: УОП Моск. акад. МВД России, 2001. 205 с.
12. Проткин А.А., Коляманов Р.А. Требования, предъявляемые к методам судебной экспертизы // Вестник Московского университета МВД России. 2012. № 3. С. 206–208.
13. Майлис Н.П., Моисеева Т.Ф. Стандартизация судебно-экспертной деятельности – необходимый аспект ее развития // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2018. № 2. С. 219–224.
14. Пузач С.В., Сулейкин Е.В. Новый теоретико-экспериментальный подход к расчету распространения токсичных газов при пожаре в помещении // Пожаровзрывобезопасность. 2016. Т. 25. № 2. С. 13–20.
15. Самошин Д.А. Расчет времени эвакуации людей. Проблемы и перспективы // Пожаровзрывобезопасность. 2004. Т. 13. № 1. С. 33–46.
16. Однолько А.А., Ситников И.В. Проблемы применения математических моделей, определяющих время блокирования путей эвакуации опасными факторами пожара при расчете пожарного риска // Научный журнал. Инженерные системы и сооружения. 2010. № 1. С. 185–191.
17. Пузач С.В. Математическое моделирование газодинамики и теплообмена при решении задач пожаровзрывобезопасности. М.: Акад. ГПС МЧС России, 2002. 149 с.
18. Евграфов П.М. Критерии численного оценивания соответствия объекта требованиям пожарной безопасности в контексте определения противоправности деяния // Проблемы безопасности и чрезвычайных ситуаций. 2010. № 6. С. 26–34.
19. Белкин Р.С. Курс криминалистики. М.: Юнити, 2001. 837 с.
20. Энциклопедия судебной экспертизы / под ред. Т.В. Аверьяновой, Е.Р. Российской. М.: Юристь, 1999. 551 с.
21. *issledovaniya sovremennosti: sbornik nauchnykh statey*. Krasnodar, Novatsiya (ID Kabanov V.B.) Publ., 2020, pp. 51–55.
22. Bayburina R.R. Blanket method of presenting the disposition of violations of fire safety requirements. *Evraziyskiy yuridicheskiy zhurnal*, 2012, no. 1, pp. 102–104.
23. Garmyshev Ya.V. Issues of qualifying the objective elements of fire safety violations. *Kriminologicheskii zhurnal Baykalskogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i prava*, 2011, no. 3, pp. 13–19.
24. Karpov S.Yu. Appointment and production of expertise in the investigation of offenses in the field of fire safety. *Sudebnaya ekspertiza*, 2008, no. 3, pp. 113–122.
25. Popov I.A. *Rassledovanie prestupleniy, svyazannykh s pozharami* [Investigation of crimes related to fires]. Moscow, INFRA-M Publ., 2001. 167 p.
26. Zernov S.I. *Raschetnye otsenki pri reshenii zadach pozharno-tekhnicheskoy ekspertizy* [Calculation estimates when solving the tasks of fire investigation]. Moscow, EKTs MVD Rossii Publ., 1992. 88 p.
27. Kondratev S.A. Expert-technical support for investigation of crimes related to violation of fire safety rules. *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomicheskie i yuridicheskie nauki*, 2016, no. 3-2, pp. 302–308.
28. Petrova N.V., Vorontsova A.A., Cheshko I.D. Regulatory fire investigation and situation analysis of fires in health care facilities. *Nadzornaya deyatel'nost' i sudebnaya ekspertiza v sisteme bezopasnosti*, 2017, no. 2, pp. 6–10.
29. Taubkin I.S. On improvement of the quality of forensic fire investigations. *Teoriya i praktika sudebnoy ekspertizy*, 2019, vol. 14, no. 4, pp. 98–116.
30. Kirik E.S., Litvintsev K.Yu., Tumanovskiy A.A., Shebeko A.Yu. CFD software FDS for fire simulation and its application for fire risk assessment. *Pozharnaya bezopasnost*, 2020, no. 2, pp. 14–27.
31. Zinin A.M., Maylis N.P. *Nauchnye pravovye osnovy sudebnoy ekspertizy* [Scientific legal fundamentals of forensic examination]. Moscow, UOP Mosk. akad. MVD Rossii Publ., 2001. 205 p.
32. Protkin A.A., Kolyamanov R.A. The requirements shown to methods of judicial examination. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii*, 2012, no. 3, pp. 206–208.
33. Maylis N.P., Moiseeva T.F. Standardization of forensic expert activity is a necessary aspect of its development. *Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoy akademii MVD Rossii*, 2018, no. 2, pp. 219–224.
34. Puzach S.V., Suleykin E.V. New united theoretical and experimental approach to the calculation of the distribution of toxic gases in case of fire in the room. *Pozharovzryvobezopasnost*, 2016, vol. 25, no. 2, pp. 13–20.
35. Samoshin D.A. Calculation of people's evacuation time. Problems and perspectives. *Pozharovzryvobezopasnost*, 2004, vol. 13, no. 1, pp. 33–46.
36. Odnolko A.A., Sitnikov I.V. Problems of application of the mathematical models that define the time of blocking of ways of evacuation by dangerous factors of the fire at calculation of fire risk. *Nauchnyy zhurnal. Inzhenernye systemy i sooruzheniya*, 2010, no. 1, pp. 185–191.

REFERENCES

1. Gavrilenko V.A., Grigonis V.P. The issues of classification of fire safety breaches. *Nauchno-prikladnye*

17. Puzach S.V. *Matematicheskoe modelirovanie gazo-dinamiki i teplomassoobmena pri reshenii zadach pozharovzryvbezopasnosti* [Mathematical simulation of gas dynamics and heat mass exchange when solving tasks of fire explosion safety]. Moscow, Akad. GPS MChS Rossii Publ., 2002. 149 p.
18. Evgrafov P.M. Criteria of numerical estimation of conformity of object to requirements of fire safety in a context of definition of illegality of act. *Problemy bezopasnosti i chrezvychaynykh situatsiy*, 2010, no. 6, pp. 26–34.
19. Belkin R.S. *Kurs kriminalistiki* [Criminalistics study]. Moscow, Yuniti Publ., 2001. 837 p.
20. Averyanova T.V., Rossiyskaya E.R., eds. *Entsiklopediya sudebnoy ekspertizy* [Encyclopedia of forensic examination]. Moscow, Yurist Publ., 1999. 551 p.

ON THE ISSUE OF USING THE RESULTS OF MODELING THE EVACUATION OF PEOPLE WHEN PRODUCING EVIDENCE OF A CRIME OF FIRE SAFETY BREACH

© 2021

S.Yu. Karpov, senior lecturer of Chair of Supervising Activity of the Educational and Scientific Complex of Supervising Activity Organization
Academy of State Fire-Fighting Service of the Ministry of Emergency Situations of Russia, Moscow (Russia)
V.V. Sadovsky, graduate student
St. Petersburg University of State Fire-Fighting Service of the Ministry of Emergency Situations of Russia, St. Petersburg (Russia)

Keywords: fire safety; fire safety breach; fire investigation; fire simulation; forensic examination; fire-technical examination; classification of crime.

Abstract: The paper considers special characteristics of classifying crimes related to the fire safety breach. The authors pay special attention to the issue of admissibility of using probabilistic inference of the fire mathematical simulation as evidence when classifying crimes related to the fire safety breach. It is proposed to emphasize the software programs and expert techniques quality before implementing them in the forensic-examination activity. Using the disposition of article 219 of the RF Criminal Code, the authors attempt to discuss the problematic issues related to the application of the results of mathematical simulation of the evacuation of people in case of fire when classifying and proving the obligatoriness (voluntariness) of fire safety requirements. The paper includes examples of problematic issues in the current techniques when calculating the probability of escape of people in the case of fire. The research allows considering both the technical and legal aspects of the application of current techniques for determining the probability of evacuation of people in the case of fire within the frame of forensic fire investigations. The authors propose to correct (develop) and standardize expert techniques used within fire investigations in the cases of fire safety breaches. The paper concludes on the inadmissibility of application of probabilistic meanings (results) obtained in the mathematical simulation of the evacuation of people in the case of fire as the essential evidence in the cases of fire safety breaches. The study allows specifying the problematic issues in using the evacuation simulation results when proving a body of a crime related to the fire safety breaches and substantiating the significance of further research.

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ АКЦИОНЕРНЫХ ОБЩЕСТВ В РОССИИ XVII–XIX ВВ.

© 2021

Е.И. Керенцева, юрист, аспирант кафедры «Теория и история государства и права»

ООО «ТЕХНО ЛЕКС», Тольятти (Россия)

Тольяттинский государственный университет, Тольятти (Россия)

Ключевые слова: акционерное общество; компания на акциях; корпорация; учреждение акционерного общества; акционерное законодательство.

Аннотация: Актуальность проведенного исследования обусловлена развитием экономической системы России и правоотношений в сфере предпринимательства, а также особой ролью акционерных обществ как субъектов права. Ретроспективный анализ отечественного законодательства необходим для понимания причинно-следственных связей законодательного закрепления правовых норм, регулирующих деятельность акционерных компаний. Результаты подобного анализа могут способствовать разрешению проблем современного правотворчества в данной отрасли. В статье представлены исторические и административные предпосылки учреждения хозяйственных обществ акционерного типа в дореволюционной России. Рассмотрен вопрос о рецепции акционерной формы предпринимательства. Проанализированы основополагающие нормативные правовые акты, регулирующие вопросы определения правового статуса и создания акционерных обществ. Из содержания Манифеста от 1 января 1807 г. были выделены основные признаки акционерной компании, которые по своей природе соответствуют признакам, закрепленным в современном российском законодательстве. Рассмотрены исторические предпосылки нормативного закрепления принципа ограниченной ответственности участников корпораций. Исследованы вопросы учреждения акционерных компаний и структуры устава как учредительного документа. Автор акцентирует внимание на недостаточном объеме правового регулирования деятельности акционерных обществ, следствием чего являлась возросшая регулятивная роль уставов. Проанализированы особенности нормативного регулирования деятельности акционерных обществ на территории Российской империи, в частности установленные ограничения. Автор делает вывод об отсутствии четкого разграничения различных организационно-правовых форм, а также выявляет коллизию в терминах, которые используются в законодательстве для обозначения акционерных компаний. В рамках предпринятого исследования делается вывод о наличии преемственности современного акционерного законодательства.

ВВЕДЕНИЕ

Деятельность акционерных обществ, как одной из форм осуществления предпринимательской деятельности, всегда оказывала существенное влияние на экономику России. В форме акционерных обществ создаются наиболее крупные организации, для функционирования которых необходимым условием выступает привлечение инвестиционных средств акционеров. В качестве основных нормативных правовых актов, регулирующих правовой статус акционерных обществ, можно указать Гражданский кодекс РФ и Федеральный закон от 26.12.1995 № 208-ФЗ. Некий «пробораз» фундаментальных норм в данной сфере был сформирован несколько веков назад.

История существования акционерных компаний в России занимает незначительный отрезок времени. Становление корпоративной формы предпринимательства в России не является следствием развития экономических отношений [1; 2]. Данный процесс в большей степени представляет собой перенос зарубежного опыта в российскую правовую действительность. В исследуемом историческом периоде в России еще не были легализованы монополистические объединения, которые позднее стали создаваться преимущественно в виде акционерных обществ [3]. Зарубежный опыт правового регулирования деятельности компаний использовался в целях удовлетворения фискальных интересов власти и создания государственных монополий [4]. В связи с этим актуальным является вопрос о степени влияния

административных предпосылок на процесс создания акционерных обществ в России. В юридической науке вопрос о рецепции акционерной формы предпринимательства является дискуссионным. Согласно одной точке зрения, Россия переняла корпоративную форму предпринимательства от европейских государств [2; 5; 6]. Сторонники другого подхода признают влияние опыта других государств на формирование акционерных обществ и законодательной базы, при этом отмечая тот факт, что в Европе систематизация и легализация правил об акционерном деле началась только с 1843 г. [7]. В научной литературе отмечается тот факт, что до начала XIX века в отечественной правовой среде отсутствовала упорядоченная система акционерного законодательства. Правоотношения, складывающиеся в процессе создания компаний и их деятельности, регулировались частным образом [8]. Данное положение противоречит признаку персонифицированности норм права.

Цель работы – комплексное исследование предпосылок становления и развития акционерной формы предпринимательства в дореволюционной России посредством анализа нормативных правовых актов в XVII–XIX вв.

МЕТОДИКА ПРОВЕДЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ

В процессе исследования был использован исторический метод, позволивший на основе конкретных исторических событий и реформ выявить предпосылки

для зарождения и развития корпоративной формы осуществления предпринимательской деятельности в до-революционной России. Использование сравнительно-правового метода, в частности диахронного сравнения, выразилось в сравнительном анализе правовых норм, регулирующих деятельность акционерных обществ, что позволило сделать выводы о преемственности современного акционерного законодательства. Проблема отсутствия единства юридической терминологии в позитивных источниках права исследуемого периода была выявлена путем использования формально-юридического метода.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЙ

Этапы создания и развития акционерной формы предпринимательства в России

Правовые нормы, регулирующие порядок распределения неожиданных потерь между товарищами, встречаются уже в Соборном уложении 1649 г. До XVIII в. в России не были широко распространены формы хозяйствования, основанные на объединении капиталов. Это объясняется тем, что российскому обществу были свойственны межличностные отношения, а не имущественные, со стремлением к индивидуализму [9; 10]. Тем не менее существовали различные объединения: винодельческие, купеческие товарищества и другие.

В дореволюционной отечественной истории выделяются три основных этапа эволюции акционерной формы осуществления предпринимательской деятельности и ее правового регулирования:

1. Конец XVII – XVIII в. характеризуется созданием торговых компаний по образу европейских и первых акционерных компаний, деятельность которых регламентировалась частными указами.

2. Начало XIX в. – 1835 г. рассматривается как период становления акционерной формы предпринимательства.

3. 1836 г. – начало XX в. характеризуется потребностью общего правового регулирования деятельности акционерных компаний в противовес частному (закрепленному в уставах конкретных юридических лиц) [3].

Одним из направлений реформ, проводимых Петром I, является система предпринимательства. В качестве предпосылок поиска и создания новых форм хозяйствования в первой четверти XVIII в. можно рассматривать изменение центра морской торговли (с Архангельска на Петербург), введение государственной монополии на торговлю отдельными видами товаров, а также изменение норм взаимоотношения купцов с властью. Из смысла указов Петра I от 27 октября 1699 г. и от 8 ноября 1723 г. следует, что купцам рекомендовалось торговать компаниями, а именно вести дела совместно по примеру европейских государств; иметь общий совет (аналог органа управления акционерного общества); устанавливать нормы, регулирующие торговую деятельность. Однако компании того времени не обладали основными характеристиками акционерных обществ и представляли собой купеческие объединения.

Необходимо отметить тот факт, что в нормативных актах исследуемого периода не наблюдается единства терминологии. Так, например, встречаются такие на-

звания акционерных обществ, как «компания на акциях», «компания на паях», «компания по участникам», «товарищество по участкам» и другие. Полагаем, что причиной возникновения такой терминологической коллизии может выступать недостаточная разработанность института юридических лиц в отечественном праве исследуемого периода.

В середине XVIII в. в Российской империи наблюдается процесс создания юридических лиц, обладающих признаками, характерными для современных акционерных обществ. Одним из примеров выступает «Российская в Константинополе торгующая компания», созданная в соответствии с указом от 2 марта 1755 г. Уставный капитал компании был разделен на 200 долей (акций), каждая из которых номиналом по 500 рублей. Русские купцы, владельцы заводов и мануфактур изъявили желание принять участие в компании. Права акционеров созданной компании удостоверялись акцией («билетом»). Указанные акции не были ограничены в гражданском обороте, а у их владельцев возникала обязанность по внесению дополнительных взносов [11]. Объем прав и обязанностей акционеров распределялся пропорционально принадлежащим им акциям. Следовательно, в первых акционерных обществах корпоративное управление было построено на материальной основе, подобно современным корпоративным юридическим лицам. Организация управления строилась на примере Ост-Индской компании и осуществлялась директорами-учредителями. Степень законодательного регулирования деятельности компании была незначительной, решение многих вопросов было передано на усмотрение учредителей. Отсутствовало понятие кворума, необходимого для принятия решений.

О постепенном распространении рассматриваемой организационно-правовой формы в Российской империи свидетельствует создание других акционерных компаний. В 1758 г. была создана Компания персидского торгового дела, в 1798 г. учреждена из частных промысловых обществ Российско-Американская компания. Акционерные общества создавались не только в сфере торговли и промысла, но и в банковской: к примеру, в 1762 г. был создан Акционерный эмиссионный банк.

Исторически сложилось так, что существовавшее правовое регулирование деятельности акционерных обществ в полной мере не удовлетворяло потребностей субъектов реально складывающихся общественных отношений в сфере предпринимательской деятельности, поэтому многие правовые нормы вводились в действие постфактум. В качестве аргумента в пользу изложенного можно рассматривать принятие Александром I указа от 6 сентября 1805 г., которым был закреплен принцип ограниченной ответственности акционеров по долгам компании. Принятие данного указа было обусловлено банкротством «Акционерной для строения кораблей компании», а также попытками кредиторов взыскать всю сумму долга с акционеров. Из смысла данного акта следует, что акционеры отвечают по долгам компании только в пределах стоимости принадлежащих им акций. Нормативное закрепление указанного принципа оказало огромное влияние на последующее развитие акционерной формы предпринимательства. В настоящее время указанный принцип получил свое отражение в ст. 87, 96 ГК РФ.

Основополагающее влияние на развитие законодательства об акционерных обществах оказал Манифест от 1 января 1807 г. «О дарованных купечеству выгодах, отличиях, преимуществах и новых способах к распространению и усилению торговых предприятий», регламентировавший вопросы создания и деятельности акционерных компаний.

В Манифесте была закреплена следующая классификация организационно-правовых форм товарищества: полное товарищество, товарищество на вере и товарищество по участкам (акционерное общество). При этом в ст. 1 Манифеста отмечается, что товарищества по участкам не являются разновидностью купеческих товариществ. В заданный хронологический период в России не выделяются структурированные виды компаний [9]. При этом акционерные общества условно делились на два вида: государственные (публичные) и частные. Основным критерием для классификации выступает необходимость решения социальных задач (строительство железных дорог, организация судоходства, торговая деятельность, кредитование и т. п.) [9]. Публичным компаниям предоставлялись послабления и налоговые льготы.

В Манифесте содержатся основные признаки акционерной компании. Во-первых, данное юридическое лицо основано на членстве («складываются из многих лиц»). Во-вторых, участниками акционерного общества вправе быть любые лица независимо от сословия. Фактически это позволяло быть акционерами коммерческих компаний тем лицам, в отношении которых действовали законодательные ограничения на занятие торговлей (духовенство, военные) [12]. Акционерами могли стать физические и юридические лица. Ограничения, связанные с участием в управлении акционерными компаниями, были установлены позднее. В соответствии с «Правилами о порядке совмещения государственной службы с участием в торговых и промышленных товариществах, а равно в общественных и частных кредитных установлениях» 1884 г., государственным служащим запрещалось входить в состав органов управления акционерными обществами. В-третьих, имущественную основу деятельности компании составлял складочный капитал (совокупность вкладов ее участников установленного размера). В-четвертых, акционерные общества могли создаваться не только в сфере торговли, но и в любых других сферах. Наконец, в-пятых, закреплялась разрешительная система создания акционерных обществ, т. е. с разрешения верховной власти. Государство санкционировало создание компаний путем утверждения их уставов, которые публиковались Сенатом в «Санкт-Петербургских сенатских ведомостях». Научные исследования отечественных юристов отличались научной новизной и дискуссионным характером, однако не были в полной мере реализованы на практике. В период реформирования акционерного законодательства был разработан проект 1871–1872 гг., предусматривающий регистрационный порядок создания компаний, но он так и не получил законодательного статуса [12].

Одной из предпосылок развития капиталистических отношений в России является Крестьянская реформа 1861 г. В качестве ее последствий можно рассматривать увеличение предпринимательской активности населе-

ния, усиление экономической и политической роли предпринимателей и купечества [13]. Исторические события указанного периода предопределили потребность в совершенствовании правовой регламентации деятельности юридических лиц, в частности кредитных организаций. На практике сложилось так, что акционерное общество стало наиболее подходящей организационно-правовой формой, в которой могла осуществляться кредитная деятельность. Созданием частных кредитных учреждений активно заинтересовались предприниматели. При этом разрешительная система создания кредитных акционерных обществ, эффективный контроль над рынком ценных бумаг со стороны государства позволили избежать хаотичности эмиссионных процессов, которые наблюдались в европейских странах в аналогичном хронологическом периоде.

К вопросу об источниках правового регулирования деятельности акционерных обществ

Увеличение числа компаний, изменение ситуации на фондовом рынке, практический опыт других государств послужили причинами для издания законодательного акта, более детально регулирующего деятельность акционерных компаний. На основе проекта, разработанного Министерством внутренних дел и Министерством финансов, было утверждено Положение о компаниях на акциях 1836 г. В соответствии с указанным актом, компания на акциях создавалась посредством объединения известного числа частных вкладов определенного и единообразного размера в один общий складочный капитал, которым ограничивался размер ответственности компаний. А.Н. Оленева с критической позиции оценивает заключительную часть определения, акцентируя внимание на том, что ответственность акционерной компании по обязательствам обещивается также всем ее имуществом [14].

Следует признать, что на некоторых исторических этапах фактически складывающиеся общественные отношения в экономической сфере опережали развитие законодательства и не получали должной правовой регламентации. В таком случае нормы права, закрепленные в позитивных источниках, санкционировали сложившиеся общественные отношения в определенной сфере. Положение о компаниях на акциях не поспевало за изменением экономических и корпоративных правоотношений, поэтому уставы компаний имели особый регулятивный статус [15]. Обзор российского законодательства XIX в. позволяет сделать вывод об отсутствии упорядоченной системы законодательства, регулирующего деятельность хозяйственных обществ. В рассматриваемый период времени корпоративные правоотношения одновременно регулировали такие нормативные правовые акты, как Свод законов гражданских, Устав о промышленности, Устав торговый, Общий устав российских железных дорог, Устав кредитный, Горный устав. Во избежание коллизий возникла потребность в определении соотношения юридической силы частных уставов акционерных компаний и действующего законодательства в судебных процессах [14]. При вынесении судебных решений судьи нередко руководствовались уставной практикой и обычаями делового оборота [5]. Оценка такой ключевой роли уставов является неоднозначной. С одной стороны,

отсутствие единого правового механизма регламентации корпоративных отношений нередко позволяло преодолевать ограничения, закрепленные в общих нормативных актах. С другой стороны, такая практика позволяла субъектам предпринимательской деятельности быстрее адаптироваться к развивающимся капиталистическим отношениям [5].

Современное российское акционерное законодательство сочетает в себе диспозитивные нормы, выражающиеся в положениях закреплять в уставах корпораций любые положения, не противоречащие законодательству, а также императивные нормы, к примеру, регулирующие процедуру создания корпораций [16].

Процесс учреждения компаний и требования к содержанию устава

В зависимости от цели учреждения компании отличался порядок представления устава на утверждение. Если необходимо было только получить дозволение на создание компании на акциях, устав представлялся в Комитет министров. Если целью было получить преимущества и привилегии в виде исключительных прав на осуществление определенного вида предпринимательской деятельности, то устав утверждался Государственным советом. Устав рассматривался профильным министерством, к вопросам деятельности которого относился предмет деятельности создаваемой компании [17]. Устав включал в себя следующие разделы: 1) наименование компании, цель ее учреждения; 2) размер капитала, порядок его оплаты; 3) органы управления компании, их права и обязанности; 4) отчетность, порядок распределения и выплаты дивидендов; 5) общие собрания акционеров; 6) порядок прекращения деятельности компании.

Принцип ограничения ответственности акционеров оказал влияние на наименование юридических лиц. Из периодических документальных источников известно, что акционерные общества должны были иметь «безличные» названия, отражающие сущность (цель) объединения, чтобы не вводить в заблуждение третьих лиц о безграничной ответственности акционеров по обязательствам компании [18].

В уставе акционерных компаний закреплялись конкретные суммы, в пределах которых правление было уполномочено самостоятельно совершать сделки, а также возможность их последующего одобрения [19]. Данное правовое положение нашло свою преемственность в современных нормах, регулирующих порядок одобрения крупных сделок в акционерных обществах.

Особенности правового регулирования деятельности иностранных акционерных обществ в Российской империи

В дореволюционном гражданском законодательстве не было закреплено понятие «иностранная организация». Положение 1836 г. не регламентировало деятельность иностранных акционерных компаний на территории России. В отечественном законодательстве был закреплен только один вид акций – именные. Выпуск безымянных (предъявительских) акций был разрешен только в 1871 г. Это было обусловлено удобством привлечения иностранного капитала в экономику государства [19]. Иностранные организации фактически вели

предпринимательскую деятельность в национальном правовом режиме [20]. Необходимо отметить, что в период 70–80-х гг. XIX в. реформировалось правовое регулирование деятельности иностранных акционерных обществ в России, были введены некоторые ограничения. Во-первых, обязанность вносить залог в Государственный банк, который гарантировал исполнение обязательств перед кредиторами на территории государства. Во-вторых, имущественные ограничения, к которым относится особый разрешительный порядок землепользования и приобретения недвижимости поря́док. В-третьих, ограниченный перечень видов предпринимательской деятельности [21]. Однако указанные административные ограничения были постепенно отменены к концу XIX в. по причине оттока иностранного капитала и заменены на льготные условия.

ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ И ВЫВОДЫ

1. Зарождение корпоративной формы предпринимательской деятельности в России было обусловлено попыткой власти интегрировать опыт европейских государств с отечественной правовой системой.

2. В юридической доктрине и позитивных источниках права не были сформированы четкие представления об отдельных видах юридических лиц, в юридической технике не наблюдается унифицированной терминологии.

3. Результаты исторического анализа основных элементов правовой конструкции акционерных компаний позволяют сделать вывод о преемственности современного законодательства об акционерных обществах.

4. Акционерные компании являлись одним из факторов развития торговли и промышленности в России, поскольку размещение свободных капиталов в акциях промышленных и торговых компаний, кредитных учреждений представлялось предпринимателям эффективным, а ограничение ответственности участников стоимостью принадлежащих им акций снижало риски возможных потерь при неудачах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Тарасов И.Т. Учение об акционерных компаниях. М.: Статут, 2000. 666 с.
2. Афанасьева В.И. Зарождение типичной корпоративной формы предпринимательства в России в XVII – XVIII вв. // Образование и право. 2019. № 3. С. 261–266.
3. Новоселова А.М. Государственное регулирование процесса учреждения акционерных компаний в России // Документ. Архив. История. Современность. 2013. № 13. С. 11–26.
4. Кириченко В.Е. Акционерные земельные банки Российской империи: опыт регулирования организационно-правовой формы // Проблемы законности. 2012. № 118. С. 22–33.
5. Красильникова Т.К. Проявление государственно-правовых традиций в систематизации корпоративного права и законодательства о корпорациях в России XIX – начала XX века // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2016. № 2. С. 100–104.

6. Меркулов П.А., Филонов В.И., Щеголева Н.А. Регулирование корпоративных отношений: ретроспективный анализ // Вестник государственного и муниципального управления. 2016. № 3. С. 84–89.
7. Шершеневич Г.Ф. Курс торгового права. Т. 1: Введение. Торговые деятели. Изд. 4-е. СПб.: Бр. Башмаковы, 1908. 520 с.
8. Могилевский С.Д. Правовые основы деятельности акционерных обществ. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Акад. нар. хоз-ва при Правительстве Рос. Федерации, 2004. 671 с.
9. Капыш В.П. Опыт регламентации корпоративных организаций в дореволюционной России // Вестник Московского университета МВД России. 2016. № 6. С. 22–25.
10. Афанасьева В.И. Купеческие объединения (корпорации) как предвестники зарождения и развития корпоративного права в России X - XVII вв. // Образование и право. 2019. № 2. С. 339–344.
11. Долинская В.В. Торговые общества: сравнительный анализ // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 1992. № 3. С. 57–62.
12. Жариков А.А. Особенности акционерных обществ в дореволюционной России // Государственная служба и кадры. 2020. № 3. С. 58–62.
13. Чаплыгин П.В. Взгляды дореволюционных ученых на проблему регулирования корпоративных отношений на рубеже XIX–XX вв. // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2018. № 1. С. 32–36.
14. Оленева А.Н. Этапы развития акционерных обществ в России // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2015. № 6. С. 29–38.
15. Черножуков М.В. Сепаратное акционерное законодательство в России в XIX – начале XX в.: Гражданское общество, государство и право в переходный период // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Право. 2002. № 1. С. 77–83.
16. Ботанцов Д.В. Возможность применения отдельных положений акционерного законодательства Российской империи в современном праве // Образование и право. 2020. № 4. С. 524–529.
17. Халепа Е.А. Российские акционерные компании в XIX – начале XX в.: состав документов и порядок документирования их деятельности на основе норм российского законодательства // Вестник архивиста. 2015. № 2. С. 70–87.
18. Халепа Е.А. Московские акционерные компании в XIX – начале XX в.: историко-документальное наследие // Вестник архивиста. 2013. № 4. С. 150–162.
19. Ключко В.Н. Особенности становления и развития акционерных компаний в России: дореволюционный и советский период // Менеджмент и бизнес-администрирование. 2014. № 4. С. 8–43.
20. Жилкибаев С.Н. Коммерческая организация с иностранными инвестициями в дореволюционной России: историко-правовое исследование // Уральский журнал правовых исследований. 2020. № 2. С. 10–24.
21. Филиппова А.В. Становление и развитие административно-правового регулирования деятельности иностранных коммерческих организаций в России // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 8. С. 58–64.

REFERENCES

1. Tarasov I.T. *Uchenie ob aktsionernykh kompaniyakh* [Theory of joint-stock companies]. Moscow, Statut Publ., 2000. 666 p.
2. Afanaseva V.I. The origin of the typical corporate form of entrepreneurship in Russia in the XVII – XVIII centuries. *Obrazovanie i pravo*, 2019, no. 3, pp. 261–266.
3. Novoselova A.M. State regulation of the establishment process of joint stock companies in Russia: history and contemporary. *Dokument. Arkhiv. Istoriya. Sovremennost*, 2013, no. 13, pp. 11–26.
4. Kirichenko V.E. Joint stock land banks of the Russian Empire – the experience of the legal regulation of organizational and legal form. *Problemy zakonnosti*, 2012, no. 118, pp. 22–33.
5. Krasilnikova T.K. The manifestation of the state-legal traditions of systematization in corporate law and law about corporations in Russia of XIX – beginning of XX centuries. *Vestnik Saratovskoy gosudarstvennoy yuridicheskoy akademii*, 2016, no. 2, pp. 100–104.
6. Merkulov P.A., Filonov V.I., Shchegoleva N.A. Regulation of corporate relations: retrospective analysis. *Vestnik gosudarstvennogo i munitsipalnogo upravleniya*, 2016, no. 3, pp. 84–89.
7. Shershenevich G.F. *Kurs torgovogo prava. Vvedenie. Torgovye deyateli* [Trade law course. Introduction. Trade public figures]. Izd. 4th. Sankt Petersburg, Br. Bashmakovy Publ., 1908. Vol. 1, 520 p.
8. Mogilevskiy S.D. *Pravovye osnovy deyatel'nosti aktsionernykh obshchestv* [Legal basis of joint-stock companies activity]. 4th ed., pererab. i dop. Moscow, Akad. nar. khoz-va pri Pravitel'stve Ros. Federatsii Publ., 2004. 671 p.
9. Kapyshev V.P. The experience of regulation of bodies corporate in demoralizing Russia. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii*, 2016, no. 6, pp. 22–25.
10. Afanaseva V.I. Merchant enterprises (corporations) as harbingers of the emergence and development of corporate law in Russia X – XVII centuries. *Obrazovanie i pravo*, 2019, no. 2, pp. 339–344.
11. Dolinskaya V.V. Trade companies: comparative analysis. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 11: Pravo*, 1992, no. 3, pp. 57–62.
12. Zharikov A.A. Features of joint stock companies in pre-revolutionary Russia. *Gosudarstvennaya sluzhba i kadry*, 2020, no. 3, pp. 58–62.
13. Chaplygin P.V. Viewpoints of pre-revolutionary scientists on the problem of regulation of corporate relations at the turn of XIX-XX centuries. *Uchenye zapiski. Elektronnyy nauchnyy zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2018, no. 1, pp. 32–36.
14. Oleneva A.N. Historical aspects of the legal nature of joint-stock companies in Russia. *Trudy Instituta gosudarstva i prava Rossiyskoy akademii nauk*, 2015, no. 6, pp. 29–38.
15. Chernozhukov M.V. Separate corporate legislation in Russia in XIX – early XX century: Civil society, state and law in transition period. *Vestnik Nizhegorodskogo*

- universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Seriya: Pravo*, 2002, no. 1, pp. 77–83.
16. Botantsov D.V. Possibility of applying certain provisions of the Russian empire's joint stock legislation in modern law. *Obrazovanie i pravo*, 2020, no. 4, pp. 524–529.
 17. Khalepa E.A. Russian stock companies in the 19th – beginning of the 20th century: composition of documents and procedures for documenting activities according to Russian legislative regulation. *Vestnik arkhivista*, 2015, no. 2, pp. 70–87.
 18. Khalepa E.A. Moscow joint-stock companies in 19th – the beginning of 20th century: historical and documental heritage. *Vestnik arkhivista*, 2013, no. 4, pp. 150–162.
 19. Klyuchko V.N. Features of formation and development of joint stock companies in Russia: pre-revolutionary and soviet period. *Menedzhment i biznes-administrirovanie*, 2014, no. 4, pp. 8–43.
 20. Zhilkibaev S.N. The commercial organization with foreign investment in pre-revolutionary Russia: historical and legal research. *Uralskiy zhurnal pravovykh issledovaniy*, 2020, no. 2, pp. 10–24.
 21. Filippova A.V. Formation and development of administrative legal regulation of the activities of foreign commercial organizations in Russia. *Aktualnye problemy rossiyskogo prava*, 2015, no. 8, pp. 58–64.

HISTORICAL EXPERIENCE OF LEGAL REGULATION OF JOINT-STOCK COMPANIES IN RUSSIA IN XVII–XIX CENTURIES

© 2021

E.I. Kerentseva, lawyer, postgraduate student of Chair “Theory and History of State and Law”

TECHNO LEX LLC, Togliatti (Russia)

Togliatti State University, Togliatti (Russia)

Keywords: joint-stock company; company on shares; corporation; joint-stock company establishment; joint-stock corporate legislation.

Abstract: The relevance of the study is caused by the development of the economic system of Russia and legal relations in the business area, as well as by the particular role of joint-stock companies as constituent entities. The retrospective analysis of Russian legislation is necessary to understand the cause-and-effect relations of legislative consolidation of legal norms, which govern the joint-stock companies' activity. The results of such an analysis can contribute to solving the problems of current lawmaking in this field. This paper presents the historical and administrative prerequisites for the establishment of joint-stock business entities in pre-revolutionary Russia. The paper considered the issue of the reception of a joint-stock form of entrepreneurship and analyzed principal legislative acts regulating the questions of defining a legal status and creating joint-stock companies. From the content of the Manifesto of January 1, 1807, the author identified the essential features of a joint-stock company, which, by their nature, correspond to those enshrined in current Russian legislation. The study considered the historical prerequisites of normative consolidation of the principle of limited liability of corporation participants. The author investigates the issues of joint-stock companies establishment and the structure of a Charter as a constituent document; focuses on the insufficient legal regulation of the joint-stock companies activity, which resulted in the increased regulatory role of Charters. The paper analyzes special aspects of normative regulation of joint-stock companies activity in the territory of the Russian Empire, for example, the established limitations. The author concludes on the absence of a clear split of various legal company types and identifies the collision in terms used in legislation to define joint-stock companies. Within the research, the author concludes the existence of continuity of current corporate legislation.

КВАЛИФИКАЦИЯ СОУЧАСТИЯ В ЗАНЯТИИ ВЫСШЕГО ПОЛОЖЕНИЯ В ПРЕСТУПНОЙ ИЕРАРХИИ

© 2021

С.В. Кондратюк, аспирант кафедры «Уголовное право и процесс»
Тольяттинский государственный университет, Тольятти (Россия)

Ключевые слова: высшее положение в преступной иерархии; вор в законе; преступный лидер; соучастие; статусный лидер; воровская сходка; преступная иерархия; статья 210.1 УК РФ.

Аннотация: Рассмотрена проблема квалификации деяний соучастников в приобретении лицом высшего положения в преступной иерархии (статуса вора в законе). Учтены причинно-следственные связи между элементами системы соисполнительства относительно рассматриваемого преступления. Объективная сторона приобретения лицом высшего положения в преступной иерархии (статуса вора в законе) разделена на стадии в зависимости от содержания действий соисполнителей данного преступления. Рассмотрены ситуации добровольного отказа лица от приобретенного высшего положения в преступной иерархии (статуса вора в законе), а также условия деятельного раскаяния соисполнителей. Претендент на приобретение высшего положения в преступной иерархии (статуса вора в законе) определен как исполнитель. Установлено, что соисполнителями данного преступления становятся статусные лидеры, участвующие в принятии решения о предоставлении лицу высшего положения в преступной иерархии (статуса вора в законе). К соисполнителям данного преступления отнесены и лица, сознательно и целенаправленно распространяющие информацию о присвоении лицу высшего положения в преступной иерархии (статуса вора в законе). Добровольный отказ лица от приобретенного высшего положения в преступной иерархии (статуса вора в законе) должен производиться в публичной форме, например, с использованием статуса в социальных сетях или в чате. Деятельное раскаяние соучастников рассматриваемого преступления предусматривает добровольный отказ лица от приобретенного высшего положения в преступной иерархии (статуса вора в законе).

ВВЕДЕНИЕ

В последние годы в стране наблюдается эскалация организованных форм преступности, в связи с чем противодействие ей становится стратегической задачей. Особую опасность представляют организаторы (руководители) преступных сообществ (преступных организаций). Не случайно Федеральным законом от 01.04.2019 № 46-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части противодействия организованной преступности» определена ответственность за занятие высшего положения в преступной иерархии (ст. 210.1 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ)) [1; 2].

В современном понимании преступная иерархия – это система взаимоотношений в структуре преступного мира (организованного преступного сообщества) [3; 4]. Лицам, занимающим высшее положение в преступной иерархии, преступное сообщество присваивает статус вора в законе [5; 6]. Приобретение этого статуса связано с исполнением определенного ритуала с участием других статусных лидеров преступного сообщества [7; 8]. Очевидно наличие соучастия в совершении преступления по указанной статье УК РФ, однако вид соучастия лиц, принимающих решение о присвоении преступному лидеру статуса вора в законе, до настоящего времени в научной литературе не определен [9; 10]. Между тем данное обстоятельство требует отдельного рассмотрения в связи с необходимостью конкретизации норм ст. 33 УК РФ. Поэтому вопрос соучастия в присвоении лидерского статуса приобретает особую актуальность.

Цель исследования – конкретизация вида соучастия для лиц, участвующих в присвоении лицу статуса вора в законе.

МЕТОДИКА ПРОВЕДЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Для выявления правовой природы и сущности взаимодействия исполнителя с другими участниками преступления по признанию звания вора в законе применялись общенаучные методы анализа и синтеза. Были использованы и частнонаучные методы, а именно формально-юридический (при изучении действий исполнителя и соучастников, составляющих систему и выступающих в комплексе необходимых и достаточных условий наступления общественно опасных последствий) и сравнительно-правовой (при изучении судебной практики и норм действующего законодательства по вопросу квалификации действий соисполнителей согласно нормам, предусматривающим ответственность за совершенное ими совместно преступление). Выводы сформулированы с использованием методов дедукции и индукции.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Общность взаимных действий соисполнителей – закономерный результат общих преступных последствий

В ст. 33 УК РФ законодатель описывает роли каждого из соучастников, являющиеся частью общего процесса совместного совершения преступления. Произведем сопоставительный анализ видов соучастия с диспозицией ст. 210.1 УК РФ «Занятие высшего положения в преступной иерархии». В научной литературе

криминологического направления лицами, занимающими высшее положение в преступной иерархии, называют воров в законе, лидеров экстремистских и террористических организаций [11], других преступных авторитетов [12], поэтому в дальнейшем мы будем использовать эти термины как синонимы.

Определим составляющие элементы объективной стороны рассматриваемого преступления. Безусловно, должен появиться претендент на занятие высшего положения в преступной иерархии (приобретение статуса вора в законе). Затем лидеры преступного сообщества, занимающие в нем высшее положение (определим их как «статусные лидеры»), принимают решение о рассмотрении кандидатуры указанного претендента. Для этого они проводят установленное воровскими обычаями ритуальное действие (например, воровскую сходку). На воровской сходке происходит обсуждение кандидатуры претендента и принимается решение относительно присвоения ему искомого статуса вора в законе [13]. Заметим, что, согласно воровским традициям, присвоение указанного статуса претенденту происходит в форме ритуала посвящения. В нем участвуют другие статусные лидеры, ранее прошедшие подобную процедуру посвящения [14]. После этого принятое решение должно быть доведено до представителей преступного сообщества, а также, возможно, и до широкого круга общественности.

Следуя общему правилу теории уголовного права, общность деяний исполнителя и соисполнителя в рассматриваемом случае выражается в следующем. Деяние исполнителя является следствием взаимного действия всех соучастников процедуры приобретения высшего положения в преступной иерархии (статуса вора в законе), в связи с чем этот ожидаемый итог становится для них общим преступным результатом. Деяния исполнителя, совершающего преступление с помощью соучастников, закономерно приводят к желаемому преступному результату. В рассматриваемом случае приобретение высшего положения в преступной иерархии (статуса вора в законе) становится закономерным и необходимым следствием всей совокупной деятельности соучастников. Представляется, что при совершении преступления с усеченным составом (ст. 210.1 УК РФ) деяние исполнителя (приобретение искомого статуса) является конечным результатом.

Деяния исполнителя выражаются в принятии обязательств, связанных с приобретением статуса вора в законе. Только в случае взаимодействия с другими соучастниками по предоставлению искомого статуса (признание звания вора в законе с обязательным широким оповещением представителей преступного сообщества) деяния исполнителя образуют достаточную причину наступления преступного результата.

Отметим, что в настоящем исследовании мы трактуем преступный результат в широком смысле. Рассматриваемое преступление (ст. 210.1 УК РФ) обладает усеченным составом, и к признакам его объективной стороны нельзя отнести общественно опасные последствия. Однако результат занятия высшего положения в преступной иерархии в случае информирования широкого круга лиц о присвоении лицу преступного статуса приобретает широкий общественный резонанс. Действительно, по мнению социологов, общественное

сознание связано с общественным бытием сложными прямыми и обратными связями [15]. Если на общественное сознание воздействует информация указанного характера, то это приводит к изменениям в политической, экономической, культурной и других сферах общественной жизни. Факт проведения воровской сходки и признания преступным сообществом нового авторитета требует адекватных действий от органов власти. Признание преступного авторитета не может не повлиять на руководителей органов местного самоуправления, представителей бизнеса, деятелей образования и культуры, других сфер общественной жизни. Кроме того, появление вора в законе неизбежно приводит к возникновению в общественном сознании чувства коллективного страха, тревоги, неудовлетворенности, а также к формированию других мифов негативного характера [16], поэтому мы обращаем внимание на отрицательные последствия распространения в обществе информации о результатах воровской сходки. Считаем, что бесконтрольное информирование общественности о таком событии способствует наступлению негативных последствий совершения рассматриваемого преступления.

В науке уголовного права по вопросу о наличии необходимой причинной связи между деянием исполнителя и действиями соисполнителей сформировались следующие мнения:

1) действия соисполнителей находятся в прямой причинной связи с деянием исполнителя, вне зависимости от особенностей законодательной конструкции объективной стороны преступления;

2) действия соисполнителей не находятся в прямой причинной связи с деянием исполнителя, но при этом являются условием совершения преступления.

Представители первого подхода отмечают, что действия организатора, подстрекателя и пособника находятся в непосредственной причинной связи с виновным деянием исполнителя, которое привело к общественно опасным последствиям [17]. Представители противоположного подхода разделяют причину, которая закономерно с необходимостью порождает следствие, с условием, которое сопровождает причину, ускоряет или препятствует ее проявлению, но непосредственно не порождает следствие [18]. Иными словами, действия одного соучастника не порождаются путем воздействия другого с такой же неизбежностью, как следствие порождается причиной. Так, соучастник по собственной воле решает, совершать ли ему общественно опасное деяние. Между соучастниками возникает связь взаимобусловленности, когда действие одного из них создает условия или облегчает возможность совершения деяния другим соучастником, а в причинной связи деяния соучастников находятся только с конечным результатом преступного посягательства.

Ученые обращают внимание на то обстоятельство, что даже если соучастники содействуют исполнителю в совершении преступления, то все равно отсутствует понуждение исполнителя действовать в определенном направлении. Между тем реальная возможность исполнителя совершить преступление зависит от совместных действий других соучастников [19]. Активная позиция соучастников реализуется путем осознанного деяния, но исполнитель волен уклониться от взаимодействия

с соучастниками. Так, причинная связь между действиями соисполнителей определена волей и сознанием исполнителя. Именно он становится непосредственным причинителем ожидаемого преступного результата, его действия реализуют возможность достижения преступного результата.

Другие авторы трактуют действия соучастников как недостаточные причины наступления общественно опасного последствия [20]. Действия соисполнителей рассматривают с позиций системного подхода. Соисполнительство, как система, приобретает свойство причинной достаточности. Ученые распределяют условия наступления преступного результата на необходимые и достаточные. Необходимые условия они отождествляют с причинами наступления преступного результата. Разделение причин на необходимые и достаточные производят путем применения мысленного эксперимента на основе метода исключения. Если устранение отдельного элемента из системы соисполнительства исключает достижение желаемого преступного результата, то этот элемент следует признать условием достаточным. При ином результате данного мысленного эксперимента действия соисполнителя следует признавать условием необходимым, но недостаточным для наступления ожидаемых соисполнителем последствий преступления. Между тем характеристика необходимого условия для наступления результата не отрицает его причинный характер [21], то есть действия исполнителя, не ставшие необходимой причиной наступления преступных последствий, нельзя исключать из соучастия.

Мы поддерживаем ту точку зрения, согласно которой действия исполнителя и соучастников составляют систему и в комплексе выступают как необходимые и достаточные условия наступления общественно опасных последствий [22]. Деяния каждого соучастника в структуре соисполнительства составляют самостоятельную часть общей причины [23].

В системе причинности условия не заменяют причину, но только дополняют ее. Причину понимают как сочетание нескольких сопутствующих или препятствующих условий, которые закономерным образом порождают следствие [24]. Каждое из условий, составляющих причину, способствует наступлению преступных последствий, но не детерминирует их, поэтому в отдельности действия соучастника не составляют необходимость для наступления преступного результата. В цепь причинности входят действия лица, которые совместно с другими факторами привели к общественно опасному последствию. Тогда такие действия признаются достаточным условием для обоснования наличия причинной связи между ними и преступным результатом. Если отдельное действие было одним из необходимых условий наступления преступного результата, то такая причинность становится объективным основанием для наступления уголовной ответственности. В рассматриваемом случае результат приобретения лицом статуса вора в законе обеспечивается совместными действиями всех соучастников. Объективная сторона рассматриваемого преступления непосредственно выполняется только исполнителем. Однако следует признать, что активность других соучастников создает необходимые условия для совершения данного преступления. Можно утверждать, что действия соуча-

стников обуславливают выполнение ими объективной стороны приобретения высшего положения в преступной иерархии (статуса вора в законе). Исходя из этого, можем утверждать, что доведение до конца указанного преступления возможно только скоординированными действиями соучастников. Так, в рассматриваемом случае состав преступления определен как усеченный. При соучастии с распределением ролей действия всех соучастников становятся достаточной причиной занятия высшего положения в преступной иерархии (статуса вора в законе). Преступным результатом, который обеспечен действиями всех соисполнителей, мы называем негативное изменение общественного сознания.

Стадии совершения преступного занятия высшего положения в преступной иерархии

Дадим уголовно-правовую характеристику деяниям лиц, участвующих в реализации указанных составляющих объективной стороны рассматриваемого преступления. Конкретизируем последовательность действий, составляющих его объективную сторону. В последовательности действий соучастников выделяем подготовительную стадию приобретения высшего статуса в преступной иерархии и к этой стадии относим действия по подбору и предварительному обсуждению кандидатуры претендента статусными лидерами преступного сообщества. Следующую стадию – назовем ее исполнительской – составляют действия по организации и проведению собрания лидеров преступного сообщества (обозначим его термином «воровская сходка»). На данной стадии осуществляется обсуждение кандидатуры претендента и принятие коллективного решения о присвоении ему статуса вора в законе.

Процедура принятия такого решения может осуществляться как консенсусом, так и большинством голосов. Участники воровской сходки, голосовавшие против присвоения претенденту статуса вора в законе, все равно выполняют данный элемент объективной стороны рассматриваемого преступления. К завершающей стадии присвоения лицу звания вора в законе относим действия по информированию представителей преступного сообщества, а также неопределенного круга заинтересованных лиц о результатах воровской сходки. К таковым лицам мы относим в первую очередь представителей органов власти, руководителей предприятия всех форм собственности, других потенциально зависимых от деятельности лидера преступного сообщества.

Обратимся к действиям лица, претендующего на присвоение ему статуса вора в законе. Полагаем очевидным, что только претендент выполняет все элементы объективной стороны занятия высшего положения в преступной иерархии. Так, для получения статуса вора в законе он на подготовительной стадии рассматриваемого преступления выдвигает свою кандидатуру и не препятствует предварительному ее обсуждению. На исполнительской стадии претендент активно участвует в воровской сходке, согласно воровским традициям принимает возлагаемый на него статус. На завершающей стадии бывший претендент, а теперь уже вор в законе может занимать пассивную позицию, но не должен препятствовать другим участникам преступного события оповещать указанных лиц о присвоении ему

высшего положения в преступной иерархии. Таким образом, данный субъект сознательно и целенаправленно выполняет все элементы объективной стороны рассматриваемого преступления, поэтому его роль квалифицируется как исполнительская.

Однако становится очевидной невозможность приобретения исполнителем статуса вора в законе без участия в этой процедуре других лиц. Обязательным, согласно преступным традициям, следует признать непосредственное участие в совершении данного преступления таких статусных лидеров, от коллективного решения которых зависит результат воровской сходки по присвоению претенденту статуса вора в законе. Это означает, что исполнитель выполняет объективную сторону состава преступления совместно с другими лицами (соисполнителями), и их действия находятся в причинной связи, создавая необходимые и достаточные условия для приобретения искомого статуса. В силу конструкции состава рассматриваемого преступления, один исполнитель может совершить только часть объективной стороны состава преступления. В данном случае действия статусных лидеров, участвующих в воровской сходке, направлены на дополнение объективной стороны рассматриваемого преступления, и поэтому их следует признавать соучастниками.

Принципы системного подхода при квалификации взаимосвязанных элементов соучастия

Для квалификации действия соучастников рассматриваемого преступления применим системный подход. Как систему рассматриваем деяния соучастников, составляющие объективную сторону приобретения лицом статуса вора в законе. Учитывая распределение функций между ними, можно выделить подсистемы действий соисполнителей в зависимости от стадий приобретения высшего статуса в преступной иерархии. Акты поведения соисполнителей образуют путем сложения действие, которое и составляет основное содержание объективной стороны рассматриваемого преступления.

В системе соучастия присвоения статуса вора в законе выделяем подсистему соисполнительства и подсистему пособничества. Выделение подсистем организатора и подстрекателя считаем неактуальным в плане содержания ст. 210.1 УК РФ. Элементы системы соучастия подразделяем на основные и второстепенные. К основным относим деяния соисполнителей, а к второстепенным – пособников. Применяя к элементам рассматриваемой системы метод исключения, определяем основные ее элементы, без которых недостижимо присвоение претенденту статуса вора в законе и связанное с этим негативное воздействие на общественное сознание. Поочередно устраняя элементы из рассматриваемой системы, определяем, что основными оказываются действия соисполнителей, а второстепенными – пособников.

Для подтверждения полученного вывода рассмотрим действия статусных лидеров – соучастников воровской сходки. Устранение их участия на подготовительной и исполнительской стадиях приводит к невозможности достижения ожидаемого преступного результата. На завершающей стадии их участие необязательно в силу передачи другим лицам функции оповещения о решении, принятом на воровской сходке. В итоге дей-

ствия статусных лидеров относятся к основным элементам объективной стороны рассматриваемого преступления. Их участие в воровской сходке следует признать необходимым. По признаку выполнения части объективной стороны преступления статусные лидеры признаются соисполнителями преступления, предусмотренного ст. 210.1 УК РФ.

Определим квалификацию деяний лиц, которые информируют о результатах воровской сходки, используя каналы социальной коммуникации либо сообщая непосредственно адресатам. Обратим внимание на то обстоятельство, что без оповещения представителей преступного сообщества нельзя считать оконченным преступление по приобретению статуса вора в законе. По данным криминологической литературы, представители преступного сообщества используют собственные информационные каналы, в том числе и для связи с лицами, отбывающими наказание в местах лишения свободы [25]. Поэтому такая информация закрыта для широкого круга общественности. Между тем сведения о признании статуса вора в законе представители преступного сообщества доводят и до лиц – потенциальных жертв преступной деятельности. В таких случаях информация данного содержания может быть донесена непосредственно адресату. Однако поскольку преступным результатом в рассматриваемом случае мы называем и воздействие на общественное сознание, то без информирования широкого круга общественности нельзя считать оконченным преступление по приобретению статуса вора в законе. В таком плане действия журналистов, блогеров, других специалистов по массовым коммуникациям, распространяющих информацию об итогах воровской сходки, составляют необходимый элемент объективной стороны занятия лицом высшего положения в преступной иерархии. Поэтому действия лиц, распространяющих информацию о данном событии, следует признать соучастием в совершении рассматриваемого преступления. Заметим, что действия по распространению в средствах массовой коммуникации сведений о готовящейся воровской сходке по присвоению статуса вора в законе не составляют преступления, поскольку они не являются обязательными на подготовительной стадии данного деяния. В итоге отметим, что перечисленные соучастники – статусные лидеры, а также специалисты по массовым коммуникациям при таких условиях подлежат привлечению к ответственности как соисполнители.

Теперь обратимся к роли соучастников, обеспечивающих процедуру приобретения статуса вора в законе. К таковым относим, например, лиц, предоставивших помещение для проведения воровской сходки, а также обеспечивших охрану, средства связи и т. п. Сопоставляя эти действия с ожидаемым преступным результатом, устанавливаем их необязательность для выполнения объективной стороны занятия претендентом высшего положения в преступной иерархии. При таком условии действия указанных лиц могут быть квалифицированы как пособничество.

Отмечаем, что субъективные признаки исполнителей характеризуются умышленной формой вины. Пособники также осознают общественную опасность как собственных действий, так и действий других соучастников рассматриваемого преступления. Они проявляют

совместную активность, и каждый из них предвидит возможность и желает наступления соответствующих изменений в общественном сознании. В данном случае считаем очевидным, что косвенный умысел здесь неприменим.

Рассмотрим ситуацию, когда исполнитель по не зависящим от него обстоятельствам не довел до конца задуманное приобретение статуса вора в законе. Например, такое произойдет, если соучастники преступного ритуала отказались от участия в нем либо выступили против кандидатуры претендента на занятие высшего положения в преступной иерархии. В этом случае ими выполнены подготовительная и исполнительская стадии объективной стороны рассматриваемого преступления. Однако действия претендента и его соучастников приобретают характер приготовления либо покушения на преступление (в зависимости от той стадии, на которой исполнитель прекратил свои действия) в случае невыполнения завершающей стадии, на которой осуществляется оповещение заинтересованных лиц о результатах воровской сходки. Тогда действия исполнителя и соисполнителей квалифицируются по статье Особенной части УК РФ, предусматривающей ответственность за совершенное ими совместно преступление, со ссылкой на соответствующие части ст. 30 и ст. 33 УК РФ.

Коснемся ситуации, когда исполнитель в силу раскаяния или иных причин отказывается от приобретенного статуса вора в законе. Необходимым условием совершения рассматриваемого преступления называем негативное воздействие на общественное сознание путем публичного оповещения преступного сообщества, а также, возможно, и широкого круга общественности об итогах воровской сходки. Соответственно, и добровольный отказ от приобретенного высшего положения в преступной иерархии должен носить публичный характер. По нашему мнению, добровольный отказ может быть осуществлен путем размещения сообщения об этом в статусе социальных сетей или в чате. Этого считаем достаточным и для оповещения представителей преступного сообщества, поскольку нельзя признать допустимым использование его информационных каналов. Однако добровольный отказ лица от принятого статуса вора в законе не исключает уголовной ответственности за занятие им высшего положения в преступной иерархии.

В рассматриваемой ситуации добровольного отказа возникает вопрос деятельного раскаяния соисполнителей, а также других соучастников данного преступления. Считаем, что признаком деятельного характера раскаяния может служить факт склонения лица, принявшего статус вора в законе, к добровольному отказу от него. Довольно трудно назвать какие-либо иные условия деятельного раскаяния статусных лидеров, принимавших участие в воровской сходке, поэтому их деятельное раскаяние связываем с добровольным отказом лица от приобретенного преступного статуса.

ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ И ВЫВОДЫ

Исполнителем преступления, объективная сторона которого состоит в приобретении лицом высшего положения в преступной иерархии (статуса вора в зако-

не), следует признавать лицо, приобретающее данный статус. Действия лиц, участвующих в ритуальном действии по предоставлению статуса вора в законе, если от их голоса зависит приобретение указанного статуса, квалифицируются как соисполнительство в преступлении, предусмотренном ст. 210.1 УК РФ.

Установлен публичный характер присвоения лицу высшего положения в преступной иерархии (статуса вора в законе). К объективной стороне указанного преступления отнесено оповещение членов преступного сообщества, а также неопределенного круга заинтересованных лиц (представителей органов власти, руководителей предприятия всех форм собственности, других лиц, потенциально зависимых от деятельности лидера преступного сообщества). Преступный результат деяния, предусмотренного ст. 210.1 УК РФ, определен как негативное воздействие на общественное сознание. Соответственно, действия соучастников, сознательно и целенаправленно распространяющих информацию о результатах воровской сходки, на которой осуществлялось присвоение лицу высшего положения в преступной иерархии (статуса вора в законе), также следует квалифицировать как соисполнительство в преступлении, предусмотренном ст. 210.1 УК РФ.

Показано, что необходимым условием добровольного отказа лица от приобретенного высшего положения в преступной иерархии (статуса вора в законе) является публичная форма отказа, осуществленного, например, размещением сообщения в статусе социальных сетей или в чате. Вместе с тем факт отказа от высшего положения в преступной иерархии (статуса вора в законе) не устраняет ответственности за его приобретение, но может быть учтен при назначении наказания.

Вопрос относительно деятельного раскаяния соучастников рассматриваемого преступления может быть решен с учетом факта добровольного публичного отказа лица от приобретенного высшего положения в преступной иерархии (статуса вора в законе).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Якушева Т.В. Уголовная ответственность преступных авторитетов: новеллы законодательства // Уголовное право. 2019. № 3. С. 85–90.
2. Бычков В.В. Уголовно-правовая характеристика занятия высшего положения в преступной иерархии (статья 210.1 УК РФ) // Вестник Академии Следственного комитета Российской Федерации. 2019. № 3. С. 26–31.
3. Глазкова Л.В. Особенности современных организованных преступных групп // Мониторинг правоприменения. 2019. № 1. С. 54–60.
4. Шатов С.А. Организованная преступность. Некоторые аспекты криминологической характеристики // Государственная служба и кадры. 2019. № 3. С. 149–152.
5. Хлебницына Е.А., Шершакова Е.К. Занятие высшего положения в преступной иерархии: проблемы теории и практики // Вестник Московского университета МВД России. 2020. № 4. С. 132–137.
6. Пантюхина И.В., Ларина Л.Ю. Проблемы регламентации и применения уголовно-правовой нормы, предусматривающей ответственность за занятие

- высшего положения в преступной иерархии (ст. 210.1 УК РФ) // *Lex russica* (Русский закон). 2020. № 10. С. 159–170.
7. Сенатов А.В. Признаки, характеризующие лицо, занимающее высшее положение в преступной иерархии // *Вестник Кузбасского института*. 2020. № 1. С. 75–80.
 8. Борков В.Н. Занятие высшего положения в преступной иерархии: начало, содержание и конец преступления // *Уголовное право*. 2019. № 4. С. 11–16.
 9. Лихолетов А.А., Михайлов М.У. Новое в уголовном законодательстве в части противодействия организованной преступности: проблемы и пути решения // *Вестник Волгоградской академии МВД России*. 2019. № 2. С. 32–40.
 10. Кармановский М.С., Косьяненко Е.В. Ответственность за деяния, предусмотренные статьями 210 и 210¹ УК РФ // *Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России*. 2019. № 2. С. 147–152.
 11. Меркурьев В.В., Агапов П.В. Конституционные основания противодействия экстремистской деятельности // *Законность*. 2019. № 4. С. 8–13.
 12. Скобликов П.А. Высшее положение в преступной иерархии: проблемы толкования и применения ч. 4 ст. 210 УК РФ // *Закон*. 2019. № 7. С. 104–119.
 13. Герасимова Е.В., Ченчиковский А.Д. Организованная преступность. Высшее положение в преступной иерархии: уголовный закон, его толкование и применение // *Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева*. 2020. Т. 1. № 2. С. 177–188.
 14. Бриллиантов А.В., Щербаков А.Д. Теория опасного состояния личности: шаг вперед или два назад? // *Государство и право*. 2020. № 10. С. 90–99.
 15. Александров В.Б. О понятиях общественного бытия, социальной реальности и общественного сознания // *Управленческое консультирование*. 2019. № 3. С. 62–71.
 16. Андриенко Е.В., Ефременко А.А. Социальное мифотворчество и манипуляции общественным сознанием в контексте общественных трансформаций // *Экономические и социально-гуманитарные исследования*. 2019. № 3. С. 76–81.
 17. Субачев А.К. Проблемы понимания основания уголовной ответственности соучастников преступления // *Социально-политические науки*. 2018. № 6. С. 44–47.
 18. Украинчик А.В. Основания акцессорности в российской конструкции соучастия // *Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России*. 2020. № 4. С. 120–126.
 19. Данилов Д.О., Яни П.С. Соисполнительство (группа лиц, группа лиц по предварительному сговору): позиция высшего судебного органа // *Законность*. 2020. № 1. С. 41–45.
 20. Агапов П.В., Сухаренко А.Н. Актуальные проблемы борьбы с лидерами преступной среды России // *Безопасность бизнеса*. 2017. № 5. С. 33–39.
 21. Кленова Т.В., Мнацаканян Д.Л. Актуальные проблемы понимания эксцесса соучастника // *Юридический вестник Самарского университета*. 2019. Т. 5. № 3. С. 68–73.
 22. Мураев П.П., Соловьева Н.А. Характеристики организованных преступных формирований // *Правовая парадигма*. 2018. Т. 17. № 3. С. 154–160.
 23. Клименко Ю.А. Правила квалификации преступлений, совершенных в соучастии // *Журнал российского права*. 2017. № 4. С. 112–121.
 24. Пудовочкин Ю.Е. Завышенная квалификация соучастия в преступлении (обзор судебной практики) // *Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации*. 2019. № 3. С. 81–88.
 25. Ардашев Р.Г., Туркова В.Н. Проблемные вопросы доказывания статуса «вора в законе» у обвиняемого при расследовании преступлений // *Закон и право*. 2019. № 6. С. 140–142.

REFERENCES

1. Yakusheva T.V. Criminal liability of crime lords: novelties of legislation. *Ugolovnoe pravo*, 2019, no. 3, pp. 85–90.
2. Bychkov V.V. Criminal characteristic the first in criminal hierarchy (article 210.1 of the Criminal Code of the Russian Federation). *Vestnik Akademii Sledstvennogo komiteta Rossiyskoy Federatsii*, 2019, no. 3, pp. 26–31.
3. Glazkova L.V. Features of modern organised criminal groups. *Monitoring pravoprimeneniya*, 2019, no. 1, pp. 54–60.
4. Shatov S.A. Organized crime: some aspects of criminological characteristics. *Gosudarstvennaya sluzhba i kadry*, 2019, no. 3, pp. 149–152.
5. Khlebnitsyna E.A., Shershakova E.K. Occupying the highest position in the criminal hierarchy: problems of theory and practice. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii*, 2020, no. 4, pp. 132–137.
6. Pantyukhina I.V., Larina L.Yu. Issues of regulation and application of the criminal law norm providing for responsibility for occupying the highest position in the criminal hierarchy (article 210.1 of the Criminal code of the Russian Federation). *Lex russica (Russkiy zakon)*, 2020, no. 10, pp. 159–170.
7. Senatov A.V. Signs characterizing the person occupying the highest position in criminal hierarchy. *Vestnik Kuzbasskogo instituta*, 2020, no. 1, pp. 75–80.
8. Borkov V.N. Occupation of the highest position in the criminal hierarchy: the beginning, content and end of crime. *Ugolovnoe pravo*, 2019, no. 4, pp. 11–16.
9. Likholetov A.A., Mikhaylov M.U. Novelties in the criminal code in part related to counteracting the organized crime: problems and ways of solution. *Vestnik Volgogradskoy akademii MVD Rossii*, 2019, no. 2, pp. 32–40.
10. Karmanovskiy M.S., Kosyanenko E.V. Responsibility for crimes under the articles 210 and 210.1 of the criminal code of the Russian Federation. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii*, 2019, no. 2, pp. 147–152.
11. Merkurev V.V., Agapov P.V. Constitutional framework of combating extremist activities. *Zakonnost*, 2019, no. 4, pp. 8–13.
12. Skoblikov P.A. The highest position in the criminal hierarchy: problems of interpretation and application of art. 210 (4) of the Criminal code of the Russian Federation. *Zakon*, 2019, no. 7, pp. 104–119.
13. Gerasimova E.V., Chenchikovskiy A.D. Organized crime. The highest position in the criminal hierarchy:

- criminal law, its interpretation and application. *Vestnik Volzhskogo universiteta im. V.N. Tatishcheva*, 2020, vol. 1, no. 2, pp. 177–188.
14. Brilliantov A.V., Shcherbakov A.D. The theory of the dangerous condition of person: one step forward or two steps back? *Gosudarstvo i pravo*, 2020, no. 10, pp. 90–99.
 15. Aleksandrov V.B. About concepts of social being, social reality and social consciousness. *Upravlencheskoe konsultirovanie*, 2019, no. 3, pp. 62–71.
 16. Andrienko E.V., Efremenko A.A. Social mythbuilding and public mind control in the context of social transformations. *Ekonomicheskie i sotsialno-gumanitarnye issledovaniya*, 2019, no. 3, pp. 76–81.
 17. Subachev A.K. Problems of understanding the basis of criminal responsibility of accomplices. *Sotsialno-politicheskie nauki*, 2018, no. 6, pp. 44–47.
 18. Ukrainchik A.V. The foundation for accessority in the Russian construction of complicity. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii*, 2020, no. 4, pp. 120–126.
 19. Danilov D.O., Yani P.S. Joint participation (a group of individuals, a group of individuals by previous concert): position of the highest judicial body. *Zakonnost*, 2020, no. 1, pp. 41–45.
 20. Agapov P.V., Sukharenko A.N. Relevant issues of struggle against Russian criminal environment leaders. *Bezopasnost biznesa*, 2017, no. 5, pp. 33–39.
 21. Klenova T.V., Mnatsakanyan D.L. Actual problems of understanding the excessive act of an accomplice. *Yuridicheskii vestnik Samarskogo universiteta*, 2019, vol. 5, no. 3, pp. 68–73.
 22. Muraev P.P., Soloveva N.A. Characteristics of organized criminal groups. *Pravovaya paradigma*, 2018, vol. 17, no. 3, pp. 154–160.
 23. Klimenko Yu.A. Rules of qualification of crimes committed in complicity. *Zhurnal rossiyskogo prava*, 2017, no. 4, pp. 112–121.
 24. Pudovochkin Yu.E. Excessive qualification of complicity in a crime (review of judicial practice). *Vestnik Universiteta prokuratury Rossiyskoy Federatsii*, 2019, no. 3, pp. 81–88.
 25. Ardashev R.G., Turkova V.N. Problematic issues of proving “thief in law” status of an accused while investigating crimes. *Zakon i pravo*, 2019, no. 6, pp. 140–142.

CLASSIFICATION OF COMPLICITY IN THE HOLDING THE HIGHEST POSITION WITHIN THE CRIMINAL HIERARCHY

© 2021

S.V. Kondratyuk, postgraduate student of Chair “Criminal Law and Procedure”
Togliatti State University, Togliatti (Russia)

Keywords: the highest position within the criminal hierarchy; thief-in-law; criminal leader; complicity; status leader; thieves’ meeting; criminal hierarchy; article 210.1 of the RF Criminal Code.

Abstract: The author considered the classification of accomplices’ acts in obtaining by a person of the highest position within the criminal hierarchy (the thief-in-law status). The research took into account the causal connections between the elements of the co-enforcement system regarding such crime. The paper divided the objective aspect of obtaining the highest position within the criminal hierarchy (the status of a thief in the law) into stages depending on the content of the crime co-perpetrators actions. The author considered the situations with a voluntary refusal of a person from the obtained highest position within the criminal hierarchy (the status of a thief in the law) as well as the conditions for co-executors active repentance. The paper defines an applicant to obtain the highest position within the criminal hierarchy (the thief-in-law status) as a performer. The study established that the status leaders become the co-perpetrators of a crime participating in the decision to grant a person the highest position in the criminal hierarchy (the status of a thief in the law). The co-perpetrators of this crime also include persons who consciously and purposefully disseminate the information about the assignment of a person to the highest position in the criminal hierarchy (the status of a thief in the law). Personal voluntary renunciation of the acquired highest position in the criminal hierarchy (the status of a thief in the law) should be made openly, for example, using the status in social networks or a chat. Active repentance of the accomplices of the crime under consideration provides for the voluntary refusal of a person from the acquired highest position in the criminal hierarchy (the status of a thief in law).

ЦИФРОВИЗАЦИЯ КОЛЛЕКЦИЙ В СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЕ

© 2021

А.М. Мусеев, доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры «Уголовное право и процесс», заведующий кафедрой правовых дисциплин
Тольяттинский государственный университет, Тольятти (Россия)
Институт экономики и права (филиал) образовательного учреждения профсоюзов высшего образования
«Академия труда и социальных отношений» в г. Севастополе, Севастополь (Россия)

Ключевые слова: натурная коллекция; цифровая криминалистика; экспертные коллекции; автоматизированное рабочее место эксперта; судебно-экспертная технология.

Аннотация: Рассмотрена проблема расширительного применения локальных экспертных коллекций в судебно-экспертной практике. Показано, что необходимость расширительного применения коллекций данного вида, а также иных локальных справочно-вспомогательных средств связана с цифровизацией криминалистики. Уточнено определение понятия локальных экспертных коллекций. Оцифровку экспертных коллекций предложено производить согласно матричному принципу фиксации признаков объекта. Установлено, что целесообразность расширительного применения таких коллекций определена внедрением сетевого подхода в судебно-экспертную деятельность. Обоснована применимость семантических сетей для обеспечения эффективности использования экспертных коллекций. Значение расширительного применения оцифрованных коллекций определено необходимостью преодоления квалифицированного противодействия расследованию. Реализован технологический подход к проведению экспертиз с использованием образцов из экспертных коллекций. Предложено дополнить блок информационного обеспечения в технологиях судебных экспертиз ссылками на локальные коллекции, хранящиеся в облачном ресурсе. В блоке заданий на экспертное исследование предложено предусмотреть инициативное сопоставление исследуемого объекта с коллекционными эталонами на предмет фальсификации либо другого изменения его признаков. В нем предусмотрены меры по информационной безопасности. К таким мерам отнесены дублирование каналов передачи коллекций, а также технологии блокчейн. Предложена процедура валидации экспертных коллекций, размещаемых в сетевых ресурсах судебно-экспертных учреждений. Валидация экспертных коллекций содержит проведение научно-исследовательской работы на предмет адекватности их цифрового представления, а также апробацию экспертных коллекций в плане применимости для решения конкретных экспертных задач. Комплексное использование экспертных коллекций, представленных в цифровом формате, дополняет цифровую криминалистику новыми ресурсами судебных экспертиз.

ВВЕДЕНИЕ

Обзор экспертной практики свидетельствует, что сотрудники различных судебно-экспертных учреждений (далее – СЭУ) создают локальные коллекции объектов, а также справочно-вспомогательные учеты, эталоны, картотеки и т. п., служащие источниками информации в судебно-экспертной деятельности [1]. При производстве экспертиз такие коллекции приобретают значение образцов для экспертного исследования. Но их использование не выходит за пределы отдельного СЭУ. Между тем, по нашему мнению, локальный характер экспертных коллекций противоречит положению Закона РФ о СЭД. Действительно, ст. 11 Закона РФ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» определяет единство научно-методического подхода к экспертной практике для государственных СЭУ одного профиля.

По нашим наблюдениям, в локальные экспертные коллекции помещают объекты, получившие распространение в отдельном регионе. Например, к таким коллекциям относят образцы клеев номерных узлов и деталей автомобилей определенной марки и модели [2]. Натурные коллекции поддельных клеев отображают особенности источника их происхождения, расположенного, как правило, на данной территории. Кроме клеев, объектами исследования и коллекционирования становятся документы, сопровождающие транспортные средства [3].

В отдельных СЭУ созданы коллекции характерных для данного региона образцов самодельного оружия [4]. К коллекциям локального значения относят и образцы поддельных подписей на документах [5]. Как правило, экспертные коллекции приобретают значение для того региона, где подобного рода объекты подвергаются фальсификации или видоизменению преступниками. Между тем современный уровень технической оснащенности выводит преступность за границы территорий [6; 7], поэтому коллекции и другие локальные экспертные учеты, создаваемые отдельными экспертами либо территориальными СЭУ, приобретают значение для правоохранительной системы страны [8; 9]. Однако всеобщее применение локальных коллекций затруднено по ряду причин, среди которых выделяем: а) отсутствие подтверждения допустимости применения таких коллекций в экспертизах, проводимых по другим делам и другими экспертами; б) затрудненность установления достоверности такого рода образцов для экспертного исследования; в) отсутствие адекватной формы представления коллекционных объектов, пригодной для надежной передачи в другие СЭУ. Поэтому проблемы использования локальных экспертных коллекций не утрачивают актуальности.

Натурная коллекция представляет собой вид справочно-информационного фонда СЭУ [10]. Под экспертной коллекцией понимают систематизированное собрание однородных предметов, используемых судебными экспертами в своей профессиональной деятельности.

Вопрос их применимости эксперт решает самостоятельно, поскольку он участвует в формировании экспертной коллекции и несет юридическую ответственность за результат экспертизы, проведенной с применением собственных коллекций. Проблемы возникают при расширенном использовании локальных экспертных коллекций для производства экспертиз другими экспертами сторонних СЭУ [11]. В работе рассмотрены основные из указанных проблем.

Цель исследования – предложение технологии использования локальных коллекций в экспертной практике.

МЕТОДИКА ПРОВЕДЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

При рассмотрении проблем расширительного применения локальных экспертных коллекций в судебно-экспертной практике применялись общенаучные методы анализа и синтеза. Были использованы и частнонаучные методы, а именно формально-юридический (при обосновании применимости семантических сетей для обеспечения эффективности использования экспертных коллекций) и сравнительно-правовой (при дополнении блока информационного обеспечения в технологиях судебных экспертиз ссылками на локальные коллекции, хранящиеся в облачном ресурсе). Выводы сформулированы с использованием методов дедукции и индукции.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Проблема языкового описания признаков коллекционного объекта

Возможность доступа к локальным экспертным коллекциям для сторонних пользователей означает и представление в доступном виде содержащихся в них объектов. В судопроизводстве универсальной знаковой системой является естественный язык, поэтому формирование экспертных коллекций предпочтительней осуществлять на естественном (юридическом) языке. В противном случае возможно нарушение взаимопонимания между различными пользователями экспертных коллекций. Известно, что язык определяет форму мышления. Различия формы языкового описания объекта приводят к противоречиям [12]. В судопроизводстве для снижения степени противоречивости материалов дела используют язык юридических документов. Однако не все объекты, составляющие экспертную коллекцию, представлены в доступном для восприятия виде. Значительная их часть закодирована физическими признаками, различного рода изображениями, а также виртуальными образами и т. п. Такие источники судебно-экспертной информации недоступны для понимания большинством участников следственно-судебной деятельности. Поэтому полагаем целесообразным применение судебных экспертиз для перевода закодированной информации на юридический язык, доступный для лиц, не владеющих специальными знаниями. В системе средств кодирования локальных экспертных коллекций выделяем подсистему «язык юридический». Представленные на таком языке объекты пригодны для организации семантического поиска актуальных связей между ними. Так, универсальной формой представления объ-

ектов, размещенных в коллекции, становится система текстовых юридических документов.

Проблема способа представления коллекционных образцов

Перспективным способом представления объектов судебной экспертизы становится цифровизация [13]. Цифровизацию трактуют как замену аналоговых средств представления объектов их цифровым кодированием. Цифровая форма представления объектов открывает возможности для применения информационных сетей. Оцифровка различных типов локальных экспертных коллекций не представляет трудностей в техническом плане, поэтому применение цифровых технологий для представления экспертных коллекций считаем оправданным.

За рубежом проблему цифровизации судебной экспертизы не отделяют от цифровой криминалистики. Речь идет о криминалистическом исследовании информационных следов на интернет-сайтах. В практическом плане решен вопрос о создании единого криминалистического пространства стран Европы. Перспективным называют его дополнение информационными ресурсами России и Китая. Это открывает перспективы проведения совместных научных исследований в области киберпреступлений, экспертизы цифровых доказательств [14].

Цифровизацию рассматриваем как подход к использованию технических ресурсов в деятельности СЭУ. Она направлена на совершенствование рабочей среды экспертов, достижение оперативности их взаимодействия между собой, а также со следователем (судом), другими заказчиками экспертиз и экспертных исследований. Цифровизация становится приоритетом в организации работы СЭУ по экспертному, профилактическому, научно-методическому и другим направлениям [15]. Приоритет ее внедрения видим в оптимизации производства экспертиз, экспертных исследований, других направлений деятельности СЭУ. Посредством автоматизации цифровизация позволяет упростить и ускорить выполнение экспертиз и другой экспертной работы за счет минимизации сбоев, связанных с человеческим фактором. Упрощение и ускорение процессов в профессиональной деятельности СЭУ сокращает операционные расходы и повышает ее эффективность.

Выделим главное. Цифровизация предполагает описание объекта, помещаемого в экспертные коллекции, путем кодирования его признаков. Компонентом цифровизации признают сеть. Сетевой подход позволяет включить локальные экспертные коллекции в экспертные методики общего уровня. Перспективным представляется создание облачной инфраструктуры СЭУ. Перемещение локальных экспертных коллекций в облачную среду становится оправданным, с учетом цифровизации судебно-экспертной практики.

Проблема формата представления коллекционных объектов

Если для исследования представленного на экспертизу объекта необходимы образцы из экспертных коллекций сторонних СЭУ, то данный объект необходимо представить в формате, сравнимом с форматом коллекционных образцов. Для этого рекомендуем применять

матричную форму описания объектов. Ее сущность состоит в следующем. Объект, помещаемый в коллекцию, представляем как систему признаков, имеющих значение для экспертной практики. В каждом признаке выделяем его составляющие элементы: 1) информацию и 2) материальный носитель информации. Информация, передаваемая от размещенного в коллекции объекта и поступающая в процессе экспертного исследования, приобретает форму сигнала.

Признаки объекта распределяем по установленной экспертным исследованием природе его происхождения. Другим параметром признака называем экспертную задачу, в которой он использован. При таком подходе признаки приобретают две координаты: 1) природа происхождения (механическая, химическая, биологическая и т. п.) и 2) решаемая задача (идентификационные, диагностические, профилактические и другие признаки). Каждый признак объекта размещаем в ячейке матрицы, по строкам которой распределены признаки одной природы происхождения, а по столбцам – экспертные задачи, для решения которых применимы данные признаки. Предлагаемый матричный подход позволяет распределять признаки объекта и по другим параметрам, например характеру признака (динамическому/статическому), степени выраженности (слабовыраженный/выраженный), размерности (точечный, линейный, поверхностный, объемный). Указанный матричный подход позволяет представить локальную экспертную коллекцию в виде многомерной матрицы с добавлением координаты, по которой размещаем коллекционные объекты. В итоге экспертная коллекция в целом, а также ее объекты и признаки открыты для цифровизации. Кодирование объектов коллекции, а также их признаков предлагаем производить путем описания на естественном (юридическом) языке. В результате оцифрованные коллекции становятся пригодными для организации семантического поиска по масшиву объектов и признаков.

Достоверность локальных экспертных коллекций

С позиций информационного подхода рассмотрим вопрос обеспечения достоверности и объективности локальных экспертных коллекций. Относительно таких коллекций достоверность понимаем как характеристику объекта, размещенного в коллекции, отображающую его качество как источника информации, актуальной для судебно-экспертной практики. Содержанием этого критерия считаем убежденность эксперта, сформировавшего локальную коллекцию, в том, что собранные и систематизированные объекты действительно обладают признаками, принятыми в качестве оснований для систематизации. Поскольку в локальной коллекции размещают объекты экспертного исследования, то ее формируют эксперты определенной специальности. В связи с этим конкретизируем требования к судебно-эксперту, формирующему коллекцию, чтобы она представляла достоверный источник информации в судебно-экспертной деятельности. Без сомнения, такой эксперт обладает соответствующей специальной подготовкой, знаниями в области криминалистики, криминалистической регистрации [16]. Ему присущи качества, определяющие внутреннее убеждение эксперта: твер-

дая жизненная позиция, чувство личной ответственности за достоверность предоставляемых сведений, нравственные принципы. Отсюда выводим, что достоверность локальной экспертной коллекции обеспечена профессиональными качествами сформировавшего ее судебного эксперта.

Обращаем внимание, что наряду с достоверностью локальной коллекции, в экспертной практике приобретает значение ее объективный характер. Объективность понимаем как научную обоснованность процедуры отбора и представления объектов, размещаемых в локальной экспертной коллекции. Проблему научности связываем с неизбежной ограниченностью ресурсов, имеющихся в наличии у конкретного судебного эксперта. К ресурсам относим оснащенность научно-техническими средствами, обеспеченность вспомогательным персоналом, а также полномочия формировать локальные экспертные коллекции. Очевидно, все перечисленные требования относятся к компетенции СЭУ. Поэтому формируемые в СЭУ локальные экспертные коллекции следует признавать отвечающими критерию объективности.

Вместе с тем считаем необходимым установить факторы, негативно влияющие на объективность локальных коллекций. К негативным факторам относим различного рода умышленные воздействия, направленные на искажение информации, содержащейся в объектах коллекции. Такое воздействие на материальные носители приводит к изменению информации, а также полному или частичному уничтожению ее носителя. В процессе передачи информация может маскироваться посторонними сигналами. Негативные факторы имеют и объективную природу, например, естественное старение носителей информации или технические сбои в каналах ее передачи [17].

Как известно, для обеспечения объективности закрепленной на материальных носителях информации применяют принцип дублирования. Дублирование признано эффективным способом обеспечения целостности информации, т. е. ее устойчивости относительно искажающих воздействий различной природы. Оно направлено на защиту информации от случайных угроз и преднамеренных воздействий. В плане экспертных коллекций дублирование рассматриваем относительно: 1) информации, заключенной в признаке объекта; 2) материальных носителей информации, какими являются признаки объекта. Предлагаем также обеспечивать дублирование множественностью объектов, размещаемых в коллекции. Этим достигается избыточность носителей информации, а также количество и разнообразие каналов ее передачи для использования в судебно-экспертной практике. Тогда большое количество информационных сигналов, передаваемых в различных формах и по независимым каналам, обеспечивает объективизацию получаемой информации. Применение алгоритмов семантического поиска на этапе обработки сигналов, поступающих от коллекционных объектов, уменьшает избыточность до минимально достаточного уровня [18].

Для обеспечения восстановимости при преобразованиях информационного сигнала рекомендовано документировать все шаги и включения/выключения в процессе передачи информации по информационным

каналам связи. Такая процедура обозначена термином «принцип блокчейн». Считаем очевидным, что данный подход применим в судебно-экспертной практике при обращении к коллекциям, размещенным в облачных ресурсах. Так, принцип блокчейн рекомендуем реализовывать в судебно-экспертных технологиях.

Внутреннее убеждение эксперта

Подчеркиваем, что гарантию достоверности и объективности локальной экспертной коллекции обеспечивает эксперт в соответствии со своими профессиональными обязанностями. Выполнить это он может на основании собственной уверенности в требуемых качествах объектов, отобранных и объединенных им в коллекцию. В судебно-экспертизе такое отношение эксперта к результатам проведенной работы определено как его внутреннее убеждение. Применим эту категорию для определения достоверности и объективности локальных экспертных коллекций.

Основания внутреннего убеждения составляют фактические данные, признаки и свойства объектов, подлежащих изучению, обстоятельства дела, качества логичности и научной обоснованности выводов, а также мировоззренческие принципы и установки личности [19]. Субъективные элементы внутреннего убеждения определены психическими аспектами: оно формируется свободно, без влияния каких-либо внешних стереотипов. Его понимают как чувство личной уверенности эксперта в том, что конкретное решение является обоснованным. Значение внутреннего убеждения состоит и в моральной ответственности эксперта за последствия, к которым может привести занятая им позиция. Подытоживая сказанное, подчеркиваем, что объективную составляющую внутреннего убеждения формируют результаты экспертного исследования объекта, размещаемого в локальной коллекции. Субъективное содержание внутреннего убеждения составляет моральная добросовестность эксперта.

В итоге достоверность и объективность локальной экспертной коллекции определены применением научных средств для их формирования. Устойчивость информации относительно искажающих воздействий в процессе отбора и хранения объектов в коллекции достигается дублированием самих объектов, сопровождающих их информационных сообщений, а также форм представления признаков. В соответствии с принципом блокчейн ведется фиксация всех операций передачи и преобразования информации [20]. Гарантия достоверности и объективности сформированной экспертом коллекции основана на его внутреннем убеждении.

Проблема валидации экспертных коллекций

В научной литературе процедурой обеспечения применимости экспертных методик называют ее валидацию. Этому посвящено значительное количество современных работ [21]. Однако относительно локальных экспертных коллекций решение проблемы еще не предложено.

Согласно общепринятому пониманию, валидация подразумевает документальное оформление процедур, обеспечивающих соответствие заданным требованиям применяемой коллекции. Процедура валидации устанавливает гарантии, что использование данной локаль-

ной коллекции будет всегда приводить к приемлемым результатам. Валидация направлена на оценку применимости экспертных методик в судебно-экспертной практике. Относительно судебно-экспертных средств она производится СЭУ в установленном законом порядке [22]. Осуществляется валидация путем проведения исследований с целью обоснования, что определенное средство производства судебно-экспертизы отвечает заявленным требованиям к целевому использованию в судебно-экспертной деятельности. Валидация экспертных коллекций предполагает проведение научного исследования на предмет их расширительной применимости.

Проблему применения локальных экспертных коллекций в судебно-экспертной деятельности предлагаем разрешить по аналогии с установлением применимости частных экспертных методик. Действительно, в любой экспертной методике присутствуют операции по использованию образцов для экспертного исследования. Одним из видов таких образцов становятся объекты из локальных экспертных коллекций. Отсюда можно заключить, что исследование применимости коллекций данного вида аналогично валидации экспертных методик [23].

Так, в Республиканском центре судебных экспертиз МЮ ДНР (далее – РЦСЭ) производятся научные исследования по разработке экспертных методик применения отдельных справочно-информационных фондов, таких как словари специальных терминов, параметры замедления транспортных средств, образцы поддельных документов и т. п. В круг задач научных исследований включены информативность, устойчивость и идентификационное значение признаков объектов, размещаемых в справочно-информационных фондах. Планами научно-исследовательских работ данного направления предусмотрена апробация указанных информационных ресурсов. Промежуточные и итоговые отчеты по теме научно-исследовательской работы рассматривает и принимает ученый совет РЦСЭ. Считаем, что подлежат аналогичному исследованию и локальные экспертные коллекции, предназначенные для расширительного применения в судебно-экспертной практике. Апробация экспертной коллекции производится в ходе проведения научно-исследовательской работы по соответствующей теме. Тогда валидация конкретной экспертной коллекции сводится к принятию ученым советом СЭУ решения о пригодности ее применения при производстве судебных экспертиз.

Судебно-экспертная технология

Мы развиваем технологический подход в судебно-экспертной деятельности. Судебно-экспертную технологию трактуем как систему операций по эффективно-му применению имеющихся средств судебных экспертиз для выполнения конкретного экспертного задания. Такие технологии предусматривают обращение к сторонним научным учреждениям, в том числе и судебно-экспертным, по вопросам использования имеющихся у них информационных массивов [24].

Обращаем внимание, что объекты из экспертных коллекций применяются в судебно-экспертной деятельности в качестве образцов для сравнительного исследования. Сравнение исследуемого объекта с образцами

может происходить и с целью установления факта его изменения путем фальсификации или искажения, произведенного в ходе противодействия расследованию. Поэтому при производстве экспертиз считаем необходимой проверку на предмет наличия признаков искажения в исследуемом объекте. Так, рекомендуем в порядке экспертной инициативы перечень вопросов на экспертизу дополнить проверкой наличия признаков искажения объекта. Поскольку такие признаки имеют разнообразную природу и для их установления могут понадобиться специальные знания других направлений, экспертное исследование приобретает комплексный характер.

Необходимость установления признаков искажения поступившего объекта устанавливает руководитель СЭУ на этапе получения задания на производство экспертизы. В соответствии с применяемой судебно-экспертной технологией он назначает комиссию экспертов, принимая во внимание комплексный характер необходимых исследований. В процессе проведения исследований эксперты реализуют активную правовую позицию. Они, воспользовавшись правом на инициативу, применяют выбранные методики в оптимальном режиме. В случае необходимости комиссия экспертов привлекает незаинтересованные организации для проведения отдельных измерений и экспериментов. Локальные экспертные коллекции находят применение при решении задач, поставленных в том числе и в инициативном порядке. Поэтому включаем в судебно-экспертные технологии блок сравнительного исследования с образцами из локальных экспертных коллекций. По результатам проведенных исследований составляют заключения экспертной комиссии эксперта. Отмечаем, что установление признаков искажения поступившего объекта, проведенное согласно судебно-экспертной технологии, для следственных и судебных органов послужит обоснованием процессуальных решений профилактического характера.

Автоматизированное рабочее место эксперта

Организация работы эксперта с коллекциями, расположенными в облачном ресурсе, требует соответствующего программно-технического обеспечения. В настоящее время программно-технические комплексы внедрены в экспертную практику и составляют автоматизированное рабочее место эксперта (далее – АРМ). Такие АРМ обеспечивают условия для работы комиссии экспертов в форме телекоммуникационной конференции [25]. С помощью указанных АРМ реализовано дистанционное участие эксперта в судебном заседании. Очевидно, что посредством АРМ осуществим в экспертной практике и расширительный доступ к локальным экспертным коллекциям.

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ ИССЛЕДОВАНИЯ

1. Расширительное применение локальных коллекций в судебной экспертизе обеспечено цифровой формой их представления. Оцифровку конкретного объекта из экспертной коллекции предложено производить согласно матричному принципу представления его признаков. Цифровизация коллекций неотделима от сете-

вого способа обмена информацией между СЭУ. Организационным обеспечением применения экспертных коллекций служит АРМ эксперта. Эффективное использование сетей при производстве экспертиз требует решения ряда технических проблем, из которых мы выделяем вопрос информационной безопасности. В качестве организационного решения проблем безопасности предлагаем применение принципа дублирования каналов передачи оцифрованных коллекций. Перспективным представляется и применение принципа сохранения информации на всех этапах ее получения и переработки (технология блокчейн). Этим обеспечивается критерий достоверности экспертных коллекций, применимый к доказательствам в уголовном судопроизводстве. Тогда экспертные коллекции могут использоваться другими СЭУ в качестве образцов при производстве экспертиз.

2. Результат оцифровки экспертных коллекций подлжит валидации. Предложено осуществлять ее путем проведения научно-исследовательской работы (НИР) по соответствующим темам в научно-исследовательском СЭУ. Тема научных исследований формулируется как цифровизация экспертной коллекции и утверждается ученым советом СЭУ. В ходе НИР исследуются признаки объектов, входящих в коллекцию. Фиксируемые в ходе цифровизации признаки должны иметь значение для решения конкретных экспертных задач. Специальным исследованием также устанавливается адекватность оцифровки объектов, входящих в коллекцию, в аспекте решаемых задач. Результаты проведенной НИР обсуждаются и принимаются ученым советом СЭУ. В итоге использование данной экспертной коллекции рекомендовано в экспертной практике других СЭУ.

3. Инициативное использование оцифрованных локальных коллекций возможно на основе технологического подхода к судебной экспертизе. В судебно-экспертных технологиях предлагаем блок информационного обеспечения дополнить ссылками на локальные коллекции, хранящиеся в других СЭУ либо в облачном ресурсе. В блоке заданий на экспертное исследование предлагаем предусмотреть инициативное сопоставление исследуемого объекта с коллекционными эталонами, на предмет фальсификации либо другого изменения его признаков. Тем самым подтверждена необходимость включения в судебно-экспертные технологии блока экспертных исследований, направленных на выявление признаков видоизменения исследуемого объекта, произведенного в целях противодействия расследованию.

4. Судебно-экспертная технология применения локальных экспертных учетов, представленных в оцифрованном виде, содержит следующие операции. На подготовительной стадии при получении СЭУ задания и материалов на экспертизу руководитель СЭУ устанавливает необходимость привлечения сторонних экспертных коллекций для производства экспертизы, с учетом необходимости проведения профилактических исследований. Для производства назначенной экспертизы используются оцифрованные экспертные коллекции, прошедшие валидацию в установленном порядке. При необходимости эксперт в инициативном порядке формулирует дополнительные вопросы на исследование,

принимая во внимание профилактическую и прогностическую задачи экспертизы. На рабочей стадии судебно-экспертных технологий производится комплексное исследование представленных объектов с применением сторонних экспертных коллекций. На стадии сопровождения результатов экспертизы эксперты могут давать показания в плане разъяснения исследовательских процедур и их результатов. Экспертные выводы, полученные с применением сторонних коллекций, могут найти отражение в профилактическом и прогностическом направлениях деятельности следственных и судебных органов.

ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ И ВЫВОДЫ

Предложены меры информационной безопасности при формировании и использовании оцифрованных коллекций СЭУ. Основной из них признано дублирование каналов передачи информации и документирование актов ее обработки.

Показана необходимость валидации экспертных методик, разработанных на основе цифровизированных коллекций. Надежным способом валидации становится проведение исследований по планам НИР СЭУ.

Подтверждена перспективность экспертно-технологического подхода при внедрении цифровизированных коллекций в практику производства судебных экспертиз. Предложено дополнить блок заданий в судебно-экспертных технологиях исследованием представленного на экспертизу объекта на предмет наличия признаков его видоизменения. На последующих этапах судебно-экспертных технологий также предполагается активное использование массива оцифрованных экспертных коллекций.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Россинская Е.Р. Теория информационно-компьютерного обеспечения криминалистической деятельности: концепция, система, основные закономерности // Вестник Восточно-Сибирского института Министерства внутренних дел России. 2019. № 2. С. 193–202.
2. Чеснокова Е.В. К вопросу об оценке пригодности методики исследования маркировочных обозначений транспортных средств для судебно-экспертной деятельности // Теория и практика судебной экспертизы. 2018. Т. 13. № 3. С. 25–30.
3. Жаворонков В.А. Задачи судебной экспертизы маркировочных обозначений транспортных средств // Теория и практика судебной экспертизы. 2019. Т. 14. № 1. С. 70–79.
4. Латышов И.В., Гарманов В.В. Некоторые вопросы определения способа производства стрелкового огнестрельного оружия // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2020. Т. 11. № 1. С. 119–125.
5. Глебова О.Ю. Проблемы организации и функционирования криминалистического учета медицинских рецептов с признаками подлога // Известия Алтайского государственного университета. 2014. № 2-1. С. 94–98.
6. Вепрев С.Б., Нестерович С.А. О возможности использования технологии data mining при расследовании уголовных дел // Вестник Академии Следственного комитета Российской Федерации. 2019. № 3. С. 72–77.
7. Корниенко И.В., Фалеева Т.Г., Ракуц В.С., Иванов И.Н., Сидоренко Ю.С. Необходимость создания национального ДНК-хранилища биологических образцов в Российской Федерации // Теория и практика судебной экспертизы. 2018. Т. 13. № 4. С. 60–67.
8. Бедняков И.Л., Кубанов В.В. Использование в раскрытии преступлений результатов геномной учетно-регистрационной деятельности: современное состояние и перспективы развития // Юридический вестник Самарского университета. 2017. Т. 3. № 3. С. 90–93.
9. Россинская Е.Р. К вопросу о частной теории информационно-компьютерного обеспечения криминалистической деятельности // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2016. № 3-2. С. 109–117.
10. Россинская Е.Р. Цифровизация справочно-информационных фондов криминалистического и судебно-экспертного назначения как часть учения о цифровизации криминалистической регистрации // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2020. № 6. С. 23–32.
11. Сафонов А.А. Основы организационного и информационного обеспечения производства диагностических исследований в трасологии // Уголовное судопроизводство: проблемы теории и практики. 2019. № 1. С. 155–157.
12. Бирюков В.В., Бирюкова Т.П. Криминалистическая идентификация как специальный метод криминалистики и ее роль в расследовании преступлений // Сибирское юридическое обозрение. 2019. Т. 16. № 2. С. 209–215.
13. Семикаленова А.И. Цифровые следы: назначение и производство экспертиз // Вестник университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2019. № 5. С. 115–120.
14. Смахтин Е.В. Противодействие преступности криминалистическими средствами в Российской Федерации и за рубежом: сравнительно-правовой анализ // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2019. № 1. С. 165–172.
15. Сомик К.В., Хабибулин А.Г. Совершенствование противодействия экономической преступности, использующей возможности сети интернет и криптографических средств // Теория государства и права. 2020. № 4. С. 220–231.
16. Россинская Е.Р. Проблемы использования специальных знаний в судебном исследовании компьютерных преступлений в условиях цифровизации // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2019. № 5. С. 31–44.
17. Бычков В.В., Вехов В.Б. Электронное слепообразование преступной деятельности в сети интернет // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2020. № 1. С. 106–111.
18. Мочалов В.А., Мочалова А.В. Некоторые вопросы функционирования и построения сенсорных вопросно-ответных систем // International Journal of Open Information Technologies. 2018. Т. 6. № 12. С. 21–27.

19. Смирнова С.А., Колдин В.Я. Судебно-экспертные технологии: современный облик и перспективы // Теория и практика судебной экспертизы. 2019. Т. 14. № 4. С. 137–144.
20. Юмашева Е.В., Юмашев Д.В., Тимонов Д.А. Информационная безопасность в системах электронного документооборота с применением технологии блокчейн // Современные наукоемкие технологии. 2021. № 1. С. 63–68.
21. Перепечина И.О. Валидация судебно-экспертных методов как важный инструмент для обеспечения достоверности судебных доказательств // Закон и право. 2016. № 2. С. 131–133.
22. Чеснокова Е.В. Стандарты в области судебной экспертизы как инструмент реализации единого научно-методического подхода в судебно-экспертной деятельности // Вестник экономической безопасности. 2020. № 2. С. 242–246.
23. Смирнова С.А., Омелянюк Г.Г., Усов А.И. Актуальные проблемы законодательного закрепления инноваций судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации // Теория и практика судебной экспертизы. 2016. № 1. С. 26–35.
24. Моисеев А.М. Судебно-экспертная технология как средство объективизации следовой картины преступления // Вопросы криминологии, криминалистики и судебной экспертизы. 2015. № 2. С. 58–63.
25. Антонович Е.К. К вопросу о международной правосубъектности и уголовном судопроизводстве в условиях цифровизации // Актуальные проблемы российского права. 2020. Т. 15. № 6. С. 112–124.
8. Bednyakov I.L., Kubanov V.V. Use in the disclosure of crimes of the results of genome accounting and registration activities: modern status and prospects of development. *Yuridicheskiy vestnik Samarskogo universiteta*, 2017, vol. 3, no. 3, pp. 90–93.
9. Rossinskaya E.R. The issue of private theory of information and computer software criminalistics operations. *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomicheskie i yuridicheskie nauki*, 2016, no. 3-2, pp. 109–117.
10. Rossinskaya E.R. Digitalization of reference and information funds for criminalistic and forensic expertise purposes as a part of the doctrine on digitalization of criminalistic registration. *Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYuA)*, 2020, no. 6, pp. 23–32.
11. Safonov A.A. Organizational basics and information support of production diagnostic studies of trace analysis. *Ugolovnoe sudoproizvodstvo: problemy teorii i praktiki*, 2019, no. 1, pp. 155–157.
12. Biryukov V.V., Biryukova T.P. Criminalistics identification as special criminalistics method and in investigating crimes. *Sibirskoe yuridicheskoe obozrenie*, 2019, vol. 16, no. 2, pp. 209–215.
13. Semikalenova A.I. Digital footprints: purpose and production of expertise. *Vestnik universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYuA)*, 2019, no. 5, pp. 115–120.
14. Smakhtin E.V. Countering crime by forensic and techniques in the Russian Federation and abroad: comparative legal analysis. *Yuridicheskaya nauka i pravookhranitel'naya praktika*, 2019, no. 1, pp. 165–172.
15. Somik K.V., Khabibulin A.G. Improving counteraction to economic crime using the capabilities of the internet and cryptographic means. *Teoriya gosudarstva i prava*, 2020, no. 4, pp. 220–231.
16. Rossinskaya E.R. Problems the use of special knowledge for the judicial investigation of computer crimes in the conditions of digitalization. *Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYuA)*, 2019, no. 5, pp. 31–44.
17. Bychkov V.V., Vekhov V.B. Electronic tracing of criminal activities on the internet. *Rassledovanie prestupleniy: problemy i puti ikh resheniya*, 2020, no. 1, pp. 106–111.
18. Mochalov V.A., Mochalova A.V. Some operational and construction issues of question-answering sensor systems. *International Journal of Open Information Technologies*, 2018, vol. 6, no. 12, pp. 21–27.
19. Smirnova S.A., Koldin V.Ya. Forensic technologies: contemporary state and perspectives. *Teoriya i praktika sudebnoy ekspertizy*, 2019, vol. 14, no. 4, pp. 137–144.
20. Yumasheva E.V., Yumashev D.V., Timonov D.A. Information security in electronic document flow systems using blockchain technology. *Sovremennyye naukoemkie tekhnologii*, 2021, no. 1, pp. 63–68.
21. Perepechina I.O. Validation of forensic techniques as an important tool to ensure the reliability of forensic evidence. *Zakon i pravo*, 2016, no. 2, pp. 131–133.
22. Chesnokova E.V. Standards in the field of forensics as a tool for the implementation of a unified scientific and methodological approach to forensic activities. *Vestnik ekonomicheskoy bezopasnosti*, 2020, no. 2, pp. 242–246.

REFERENCES

1. Rossinskaya E.R. Theory of information and computer support of criminalistic activity: concept, system, basic patterns. *Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta Ministerstva vnutrennikh del Rossii*, 2019, no. 2, pp. 193–202.
2. Chesnokova E.V. Analysis of vehicle identification markings: validation of methodologies for forensic purposes. *Teoriya i praktika sudebnoy ekspertizy*, 2018, vol. 13, no. 3, pp. 25–30.
3. Zhavoronkov V.A. The tasks of forensic analysis of vehicle identification markings. *Teoriya i praktika sudebnoy ekspertizy*, 2019, vol. 14, no. 1, pp. 70–79.
4. Latyshov I.V., Garmanov V.V. Certain issues regarding the mode of production of small arms and firearms. *Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii*, 2020, vol. 11, no. 1, pp. 119–125.
5. Glebova O.Yu. Problems of organization and functioning of the criminal records of medical prescriptions with signs of forgery. *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2014, no. 2-1, pp. 94–98.
6. Veprev S.B., Nesterovich S.A. On the possibility of using data mining technology when investigating criminal cases. *Vestnik Akademii Sledstvennogo komiteta Rossiyskoy Federatsii*, 2019, no. 3, pp. 72–77.
7. Kornienko I.V., Faleeva T.G., Rakuts V.S., Ivanov I.N., Sidorenko Yu.S. The case for creating a national DNA repository of biological samples in the Russian Federation. *Teoriya i praktika sudebnoy ekspertizy*, 2018, vol. 13, no. 4, pp. 60–67.

23. Smirnova S.A., Omelyanyuk G.G., Usov A.I. Current problems of codification of innovations in forensic practice in the Russian Federation. *Teoriya i praktika sudebnoy ekspertizy*, 2016, no. 1, pp. 26–35.
24. Moiseev A.M. Forensic expert technology as a means of objectifying the trace picture of a crime. *Voprosy kriminologii, kriminalistiki i sudebnoy ekspertizy*, 2015, no. 2, pp. 58–63.
25. Antonovich E.K. International legal personality and criminal proceedings in the context of digitalization. *Aktualnye problemy rossiyskogo prava*, 2020, vol. 15, no. 6, pp. 112–124.

DIGITALIZATION OF COLLECTIONS IN FORENSIC INVESTIGATION

© 2021

A.M. Moiseev, Doctor of Sciences (Law), Professor,
professor of Chair “Criminal Law and Process”, Head of Chair of legal disciplines
Togliatti State University, Togliatti (Russia)
Institute of Economics and Law (branch) of educational institution of labor unions of higher education
“Academy of Labor and Social Relations” in Sevastopol, Sevastopol (Russia)

Keywords: on-site collection; digital criminalistics; expert collections; expert workstation; forensic-expert technology.

Abstract: The paper considers the issue of extensive application of local expert collections in forensic expert practice. The study shows that the necessity of extensive application of such collections and other local reference-assistive means occurs due to criminalistics digitalization. The author specifies the concept of local expert collections; proposes to carry out expert collections digitalization according to the matrix principle of the object’s characteristics fixation. The study identified that the practicality of the extensive application of such collections is caused by the network approach introduction to the forensic expert activity. The author proves the applicability of semantic networks to ensure the efficiency of using expert collections. The necessity to overcome the experienced counter-acting the investigation determines the importance of extensive application of digitalized collections. The author implements the technological approach to the expert studies using the specimen copies from expert collections; proposes to support the information provision block in the forensic expert study technologies with references to the local collections stored in a cloud resource. Within the block of assignments for forensic studies, it is offered to provide an initiative comparison of an object under the study with the collection standards regarding falsification or other change in its characteristics. It provides information security measures. Such measures are the collection exchange channel duplication and block-chain technology. The paper presents a validation procedure for expert collections located in network resources of forensic expert institutions. Expert collection validation involves the research activities regarding the adequacy of their digital representation and the expert collections approval in terms of applicability for solving particular expert tasks. Complex application of expert collections represented in digital format supplies digital criminalistics with new forensic investigation resources.

**СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОГО МЕРОПРИЯТИЯ
И СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ
НА ПРИМЕРЕ ОБСЛЕДОВАНИЯ ПОМЕЩЕНИЙ,
ЗДАНИЙ, СООРУЖЕНИЙ, ОСМОТРА МЕСТА ПРОИСШЕСТВИЯ И ОБЫСКА**

© 2021

А.В. Мурузиди, старший преподаватель кафедры «Уголовное право и процесс»
Н.В. Олиндер, кандидат юридических наук, заведующий кафедрой «Конституционное и административное право»
Тольяттинский государственный университет, Тольятти (Россия)

Ключевые слова: оперативно-розыскное мероприятие; оперативно-розыскная деятельность; следственные действия; осмотр места происшествия; уголовный процесс; обыск; изъятие; выемка; неотложное следственное действие; особенности обследования помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств; гласное и негласное обследование.

Аннотация: На практике встречаются случаи, когда оперативно-розыскные мероприятия как форма контроля зачастую проходят без должного процессуального оформления. Данный вопрос является очень острым и проблемным, так как, согласно нормам уголовно-процессуального кодекса, доказательства, полученные при исследовании места преступления в связи с нарушением процессуального законодательства, часто не могут считаться допустимыми. В статье рассматриваются существующие формы получения доказательств и фактов, касающихся преступления, при исследовании места преступления, две из которых являются процессуальными – осмотр и обыск, а одна относится к оперативно-розыскному мероприятию – обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств. Авторы проводят сравнительный анализ указанных форм и приходят к выводу о пробелах в российском уголовно-процессуальном законодательстве. Дается краткий обзор получения доказательств при исследовании мест преступления в законодательных актах бывших республик Советского Союза, в частности Республиках Казахстан, Беларусь, Эстония и Азербайджан. Рассмотрено законодательство об оперативно-розыскной деятельности зарубежных стран. По результатам проведенных исследований составлена сравнительная таблица, в которой отражены положительные и отрицательные моменты применяющегося законодательства; плюсы и минусы рассматриваемых следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий; исследованы вопросы приобщения материалов оперативно-розыскной деятельности к материалам уголовного дела. В качестве основного вывода авторы отмечают, что по своей сути и внутреннему содержанию рассматриваемые следственные действия (осмотр места происшествия, обыск) и оперативно-розыскное мероприятие (обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств) в некоторой степени дублируют друг друга.

ВВЕДЕНИЕ

Вопросы сбора и оценки доказательств занимают центральное место в уголовном процессе. Сведения, относящиеся к расследуемому преступлению, становятся доказательствами только в том случае, если они получены процессуальным путем, оформлены должным образом и отражают действительность. При рассмотрении вопроса относительно следственных действий все ясно и понятно, так как это прямая процессуальная форма получения доказательств, прямо предусмотренная уголовно-процессуальным законом. Однако в законодательстве Российской Федерации предусмотрена возможность проведения оперативно-розыскных мероприятий (ОРМ) в рамках оперативно-розыскной деятельности, которая не является процессуальной, но в ходе таких мероприятий могут быть получены сведения, относящиеся к расследуемому событию. В этом случае всегда возникает вопрос, как их правильно оформить, приобщить к материалам дела [1–3].

Любое действие влечет за собой последствия, и лицо, совершившее преступление, всегда оставляет следы, меняет само место, обстановку и картину преступления. Изменения могут быть значительными, видимыми и явными, а могут быть незначительными и неявными. Э. Локар утверждал, что «каждый контакт остав-

ляет след»¹. Поддерживая мнение Э. Локара, П. Арнольд говорил: «Место преступления – безмолвный свидетель, позволяющий понять и объяснить, что случилось»².

Следователь, дознаватель или сотрудник органа дознания, изучая место преступления или правонарушения, ведет поиск этих следов и изменений. Найденное впоследствии может стать источником доказательств, подтверждающих наличие преступления и виновность совершившего его лица. Процесс установления доказательств содержит в себе несколько моментов, и один из них – сбор доказательств. Как правило, этот момент начинается с исследования места преступления. Если это осмотр, обыск или иное следственное действие, проводимое указанными сотрудниками в рамках возбужденного уголовного дела, то проблем со сбором и введением в уголовное дело найденных предметов, вещей и документов нет, так как все совершаемые при обыске действия строго регламентированы уголовно-процессуальным законом.

¹ Локар Э. *Руководство по криминалистике*. М.: Юридиздат, 1941. 544 с.

² Макдермид Вэл. *Анатомия преступления: что могут рассказать насекомые, отпечатки пальцев и ДНК*. М.: Альпина нон-фикшн, 2016. 344 с.

Проблемы возникают, когда поиск доказательств (информации, которая может в дальнейшем стать доказательством) осуществляется до возбуждения уголовного дела с помощью оперативно-розыскного мероприятия, предусмотренного п. 8 ст. 6 Федерального закона № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – Закон «Об ОРД»), – «обследования помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств». Действия, производимые в ходе этих мероприятий указанными выше сотрудниками, не регламентированы Уголовно-процессуальным кодексом РФ (далее – УПК РФ), в связи с чем часто происходит «размытие» границ между оперативно-розыскным действием «обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств», осмотром места происшествия и обыском.

Большое внимание оперативно-розыскной деятельности и ее соотношению с уголовным процессом уделяли многие правоведы [4–6]. Так, авторы [7] не только дали полный анализ правового регулирования этих сфер, но и рассмотрели и соотнесли принципы уголовного процесса и оперативно-розыскной деятельности; проанализировали оперативно-розыскные мероприятия и следственные действия, а также рассмотрели вопрос порядка представления и использования результатов оперативно-розыскной деятельности на стадии возбуждения уголовного дела. На существование данной проблемы в своих исследованиях указывали многие ученые [8]. Например, в работе [9] автор делает вывод о том, что требуется исключить выемку из системы следственных действий, так как она не содержит какой-либо познавательной направленности и не имеет доказательственной значимости в понимании ст. 83 УПК РФ. Практики в своих работах также неоднократно указывали на существование проблем при проведении оперативно-розыскного мероприятия, предусмотренного п. 8 ст. 6 Закона «Об ОРД» [10–12]. В частности, сотрудники Управления Генеральной прокуратуры РФ в одной из статей указывали на частые нарушения сотрудниками органа дознания норм права при проведении гласного обследования помещений или осмотра места происшествия, что ставило под сомнение законность и обоснованность возбужденных уголовных дел именно на основании данных, полученных в ходе указанных мероприятий [8].

Цель работы – сравнительный анализ особенностей и правоприменительных проблем оперативно-розыскного мероприятия «обследование помещений, сооружений, участков местности и транспортных средств» и процессуального мероприятия «осмотр места происшествия».

МЕТОДИКА ПРОВЕДЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ

Для проведения исследования был использован метод наблюдения. С помощью наблюдения были выявлены особенности действий следователей, дознавателей и сотрудников органа дознания при реализации оперативно-розыскного мероприятия, предусмотренного п. 8 ст. 6 Закона «Об ОРД», – в качестве незаинтересованного лица и в качестве понятого при осмотре места происшествия на основании ч. 1 ст. 144 УПК РФ. С помощью метода сравнительного исследования проведено изучение реальных уголовных дел и Постанов-

лений Верховного суда РФ по уголовным делам, в которых доказательства были получены в результате проведения указанных выше мероприятий, в основном по ст. 228, 115, 112 и 119 Уголовного кодекса РФ (далее – УК РФ). По результатам исследования проанализирована имеющаяся по данной теме литература и информация в интернете. Изученные вопросы дали возможность прогнозировать тенденции развития рассматриваемых отношений.

Описываемое в статье исследование проходило в несколько этапов:

- изучение особенностей правового регулирования оперативно-розыскных мероприятий и следственных действий;
- выявление проблем процессуального закрепления данных, полученных в ходе оперативно-розыскных мероприятий;
- составление таблицы по результатам сравнительного исследования оперативно-розыскных мероприятий и следственных действий;
- формулирование выводов.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Анализ п. 8 ст. 6 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности»

12.08.1995 был принят Федеральный закон № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности», где в п. 8 ст. 6 гл. II было закреплено вышеуказанное оперативно-розыскное мероприятие. Ранее, до принятия этого закона, действия сотрудников органа дознания, а конкретно сотрудников оперативного подразделения, регламентировались внутренними локальными нормативными актами и приказами, большинство из которых были засекречены и предназначались для служебного пользования [12].

В п. 8 ст. 6 Закона «Об ОРД» закрепили право сотрудников оперативно-розыскных отделов проводить так называемый «оперативный осмотр». Впоследствии, как дополнение и разъяснение к указанному в Законе «Об ОРД» мероприятию, 01.04.2014 принята Инструкция «О порядке проведения сотрудниками органов внутренних дел Российской Федерации гласного оперативно-розыскного мероприятия обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств и Перечня должностных лиц органов внутренних дел Российской Федерации, уполномоченных издавать распоряжения о проведении гласного, оперативно-розыскного мероприятия, обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств»³. Однако она не прояснила,

³ МВД РФ. Приказ от 1 апреля 2014 года № 199. Об утверждении Инструкции о порядке проведения сотрудниками органов внутренних дел РФ гласного оперативно-розыскного мероприятия обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств и Перечня должностных лиц органов внутренних дел РФ, уполномоченных издавать распоряжения о проведении гласного оперативно-розыскного мероприятия, обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств // Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации.

URL: <http://docs.cntd.ru/document/499089850>.

что конкретно понимается под мероприятием «обследование» [13].

Толковый словарь С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведовой дает следующее определение слову «обследовать»: «Обследовать значит произвести осмотр, проверку чего-нибудь. Синоним слова обследовать – осмотреть»⁴. Правоведы, исследующие правовую природу оперативно-розыскных мероприятий, расшифровывают это понятие, исходя из пояснений, данных в толковых словарях, и под обследованием понимают осмотр объектов с целью обнаружения предметов, документов, указывающих на признаки преступной деятельности; получения информации, необходимой для решения задач оперативно-розыскной деятельности [14]. В Законе «Об ОРД» каких-либо разъяснений по этому поводу не дано. В Инструкции также не дано определения понятия «обследование», а только регламентировано проведение гласного оперативно-розыскного мероприятия «обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств». Действие Инструкции не распространяется на обследование жилых помещений. В некоторой степени раскрывается это понятие в модельном законе «Об оперативно-розыскной деятельности»⁵, где под обследованием понимают проникновение и осмотр строго оговоренных в законе объектов с определенной целью – обнаружение всего, что может относиться к расследуемому или проверяемому деянию, а также может помочь в решении других конкретных задач оперативно-розыскной деятельности.

Исходя из анализа вышеуказанных документов, можно определить основные аспекты понятия «обследование». Итак, обследование помещений является процессуальным действием. Оно делится на три вида: гласное, зашифрованное и негласное. Обследование жилища проводится с согласия проживающих в нем лиц или на основании решения суда. Негласно обследовать нежилые объекты и автотранспорт при отсутствии разрешения собственников и судебного решения можно только при проведении оперативно-розыскных мероприятий на основании ч. 3 ст. 8 Закона «Об ОРД», с последующим уведомлением об этом суда⁶. Такое обследование направлено на визуальное выявление следов преступления, чтобы после их выявления на основании рапорта сотрудника, его проводившего, было возможно получить разрешение суда или обосновать надобность гласного обследования владельцу помещения. Но в ходе негласного обследования выявленные возможные следы преступления или вещи, относящиеся к совершенному преступлению, пока доказательствами не являются [15].

Гласное обследование проводится на основании назначения уполномоченного должностного лица органов внутренних дел (ОВД РФ) путем вынесения распоряжения в установленной форме. Выносит это распоря-

жение начальник ОВД РФ или его заместители. Поводом для вынесения указанного распоряжения является информация о деянии, за которое можно привлечь к уголовной ответственности. Об этом сказано в п. 3 гл. II Инструкции. Обследование в ночное время возможно при обстоятельствах, не терпящих отлагательств, а также при наличии данных о событиях и действиях (бездействии), создающих угрозу экономической или экологической безопасности Российской Федерации. Цель – обнаружение следов преступления, информации, орудий преступления, похищенного имущества. Руководствуясь п. 1 ч. 1 ст. 15 Закона «Об ОРД», при обследовании изымают всё, что может относиться к материалу проверки или представлять оперативный интерес. Изъятие оформляется протоколом, составляющимся в соответствии с требованиями ст. 166 и 167 УПК РФ. В п. 12 Инструкция уточняет, что при проведении обследования подлежит изъятию. При изъятии можно применять технические средства. Обследование осуществляют до возбуждения уголовного дела и после его возбуждения. В п. 14 Инструкции оговорено, что при проведении мероприятия обязательно присутствие двух не заинтересованных в результатах обследования дееспособных граждан не младше 18 лет. К тому же данные граждане не должны являться родственниками кому-либо из участников мероприятия и быть подчиненными или подконтрольными кому-либо из них.

Обследование проводится непосредственно сотрудником оперативно-розыскного отдела (ОРО); конфидентом по поручению сотрудника ОРО; сотрудником организации, помещение которой обследуется; проживающим или родственником проживающего в жилом помещении лица. Несколько конкретизируется данное ОРМ в ст. 371, 372 и 375 Таможенного кодекса РФ (далее – ТК РФ). Согласно ст. 371 ТК РФ под осмотром понимается внешний визуальный осмотр, при котором не нарушается целостность осматриваемых объектов. На основании ст. 375 ТК РФ осмотр помещений проводится в минимальное время, требующееся для его проведения, и не может продолжаться более одного дня. В случае обнаружения предметов преступления или его следов в ходе негласного обследования, они должны сохраняться до проведения гласных процессуальных мероприятий по их изъятию или могут быть изъяты в случае гарантированности того, что их отсутствие владельцем не будет замечено. Результаты негласного обследования помещений оформляются в виде справки сотрудника ОРО. Справка не используется в качестве доказательств по понятиям ст. 84 УПК РФ. Любая информация, полученная при обследовании, как гласном, так и негласном или зашифрованном, не может использоваться в качестве доказательств без проведения процедур по их легализации, предусмотренных УПК РФ.

Осмотр места преступления или происшествия (ОМП)

На основании п. 1 ст. 144 УПК РФ орган дознания при проверке сообщения о преступлении или правонарушении имеет право производить осмотр места происшествия. Это положение было введено 04.03.2013 Федеральным законом № 23-ФЗ «О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской

⁴ Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. 4-е изд. доп. М.: Азбуковник, 1997. 944 с.

⁵ Модельный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» (принят постановлением на десятом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ от 6 декабря 1997 г. № 10-12).

⁶ Горяинов К.К., Овчинский В.С., Синилов Г.К. Теория оперативно-розыскной деятельности. М.: ИНФРА-М, 2006. 832 с.

Федерации и Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации». Прежде сотрудники полиции имели право проводить ОМП только как оперативно-розыскное мероприятие. Теперь же органы дознания имеет право проводить ОМП как следственное действие. К тому же осмотр проводится при наличии обстоятельств, не требующих отлагательств.

Как и в случае с понятием «обследование», уголовно-процессуальное право не дает определение понятию «осмотр места происшествия». Расшифровку данного понятия можно найти в любом учебнике по криминалистике. А.И. Бастрыкин понимал под осмотром места происшествия неотложное следственное действие, которое состоит из познавательных и удостоверительных операций следователя, выполняемых на месте обнаружения признаков совершенного или предполагаемого преступления с целью отыскания и закрепления следов, предметов и других объектов, позволяющих уяснить механизм происшедшего события и установить обстоятельства, имеющие значение для правильного разрешения дела, и считает осмотр места происшествия познавательным действием⁷. Р.С. Белкин, А.И. Винберг, Н.П. Яблоков, А.А. Шмидт и А.Н. Васильев утверждали, что осмотр – это непосредственное обнаружение и исследование объектов, имеющих значение для уголовного дела, их признаков, свойств, состояния и взаиморасположения^{8,9}. Таким образом, в криминалистике осмотр места происшествия считается разновидностью следственного осмотра, осуществляемого для обнаружения следов преступления, вещественных доказательств, выяснения обстановки и других обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела. В УПК РФ и в Модельном процессуальном кодексе понятие ОМП раскрывается через его цели, обозначенные выше.

УПК РФ предусматривает несколько видов осмотра (ст. 176–180, 185 и 186), и среди них – осмотр объектов, не относящихся к месту происшествия. Криминалистика подразделяет ОМП на виды несколько по-иному: по объекту, времени и объему; первоначальный, повторный и дополнительный и т.п. Общая задача ОМП в криминалистике – получить процессуально закреплённую информацию об обстоятельствах происшедшего события, объектах и лицах, имеющих к нему отношение, их связях и взаимодействиях. Но в процессе ОМП допускается и решение частных вопросов, таких как поиск свидетелей и очевидцев, обнаружение следов преступления, изъятие предметов и документов [16].

Осмотр места происшествия в УПК РФ регламентирован гл. 24. Цели осмотра прописаны в ст. 176 УПК РФ. Обязательно участие двух понятых. Понятие «поятой», его права и обязанности закреплены в ст. 60 УПК РФ. В исключительных случаях, прописанных в ч. 1 ст. 170 УПК РФ, возможно проведение ОМП при

отсутствии понятых, но с применением технических средств фиксации. Всем участникам ОМП, на основании ч. 5 ст. 164 УПК РФ, разъясняются цели ОМП, права и ответственность. Понятых, руководствуясь ст. 164 УПК РФ, предупреждают о запрете разглашения данных предварительного расследования и об ответственности за их разглашение по ст. 310 УК РФ. На основании п. 10 ст. 47, п. 9 ст. 46 и п. 9 ст. 42 УПК РФ об участии в ОМП могут ходатайствовать подозреваемый, потерпевший и свидетель. Об этом же на основании п. 5 ст. 53 УПК РФ может ходатайствовать и защитник. Решение о возможности их участия в ОМП принимает лицо, непосредственно проводящее ОМП. В случае необходимости к участию в ОМП могут привлекаться специалисты. Понятие «специалист» раскрыто в ст. 58 УПК РФ. Приглашение специалиста и его участие в ОМП регламентировано ст. 168 и 270 УПК РФ.

Перед началом ОМП всем участникам разъясняются их права и обязанности. Все действия, совершаемые в ходе ОМП, фиксируются в протоколе осмотра и разъясняются присутствующим. ОМП жилища производится только с разрешения проживающих в нем лиц или по решению суда. Возможно изъятие предметов, документов и т.д. На основании п. 3 ст. 177 УПК РФ данные, собранные при ОМП, в дальнейшем являются доказательствами.

При ОМП лицо, его проводящее, непосредственно воспринимает обстановку происшествия в целом и ее отдельные объекты, фиксирует эту обстановку и изымает все следы, вещи, предметы и документы, имеющие, по его мнению, значение для дела, для их дальнейшего изучения. На основании ч. 2 ст. 180 УПК РФ при ОМП в протоколах описываются все действия следователя, а также всё обнаруженное при осмотре в той последовательности, в какой производился осмотр, и в том виде, в каком обнаруженное наблюдалось в момент осмотра. Перечисляются и описываются все предметы, изъятые при осмотре. В протоколах также должно быть указано, в какое время, при какой погоде и каком освещении производился осмотр, какие технические средства были применены и какие получены результаты, какие предметы изъятые и опечатаны и какой печатью, куда направлены после осмотра труп или предметы, имеющие значение для дела. Описание обнаруженных следов или предметов производится в том виде, в котором они наблюдались, например, пишут не «пятно крови», а «пятно красного цвета» или не «золотая цепочка», а «цепочка из металла желтого цвета» и т.п. Таким образом, видно, что ОМП четко регламентировано УПК РФ.

Обыск

Хотя определение обыска УПК РФ не дает, по смыслу ст. 182 УПК РФ можно сделать вывод, что обыск – это урегулированное уголовно-процессуальным законом, обеспеченное государственным действием следственное мероприятие [17]. А.П. Рыжаков считал обыск «действием, заключающимся в обследовании помещений, участков местности и граждан в целях отыскания и изъятия предметов, документов, ценностей и (или) трупа, могущих иметь значение для уголовного дела, свидетельств их принадлежности конкретному лицу, а равно для отыскания разыскиваемого лица –

⁷ Криминалистика. Т. 1 / под общ. ред. А.И. Бастрыкина. М.: Экзамен, 2014. 511 с.

⁸ Винберг А.И. Криминалистика. М.: НКЮ СССР, 1940. 200 с.; Яблоков Н.П. Криминалистика. Базовый курс. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2014. 303 с.

⁹ Шмидт А.А. Сущность и понятие осмотра места происшествия // Следственные действия (криминалистические и процессуальные аспекты): межвузовский сборник научных трудов. Свердловск: СЮИ им. Р.А. Руденко, 1983. С. 89.; Васильев А.Н. Криминалистика. М.: Моск. ун-т, 1971. 564 с.

задержания преступника, либо освобождения пострадавшего»¹⁰. А.И. Бастрыкин считал обыск «сложным в структурно-функциональном отношении следственным действием с ярко выраженной поисковой направленностью»¹¹. Регламентация обыска и его цели зафиксированы в гл. 25 УПК РФ.

Производится обыск только в рамках возбужденного уголовного дела по постановлению следователя или дознавателя. При обыске обязательно присутствие понятых, и заменить их только на видеофиксацию обыска нельзя. Если в ходе обыска изымаются электронные носители, то обязательно участие в обыске специалиста. Об этом сказано в п. 9.1 ст. 186 УПК РФ. Обыск в жилище проводится только при наличии судебного решения. В исключительных случаях обыск допускается без судебного решения с уведомлением об этом прокурора и судью в течение 24 часов. Обыск может проводиться не только у подозреваемого или обвиняемого, но и в помещении свидетеля и даже лица, не занимающего никакого процессуального положения, если известно, что в этих помещениях скрываются искомые предметы и документы [18]. Обыск может проводиться как непосредственно следователем, так и, по его поручению, сотрудниками органа дознания. Классифицируется обыск в зависимости от объекта, последовательности производства обыска, по количеству обыскиваемых объектов. Обыск имеет познавательную структуру и доказательственное значение, а значит, основная цель обыска – собрание доказательств.

Результаты сравнительного анализа

Проведенный выше анализ оперативно-розыскного мероприятия и следственных действий позволил выделить их общие черты и основные различия между ними. Результаты исследования представлены в таблице 1.

Изъятие и выемка

УПК РФ понятие «изъятие» не раскрывает. Обычно под словом «изъять» понимают действие по удалению чего-либо, откуда-либо или у кого-либо¹². Анализ гл. 25 УПК РФ дает основание для следующего понимания данного действия: изъять – значит забрать у лица, из помещения или участка местности при отсутствии сопротивления собственника помещения или участка местности, если таковой имеется, т. е. добровольно, по решению компетентного лица предметы или документы, имеющие или могущие иметь, по мнению этого лица, значение для уголовного дела или для возбуждения такового, без предварительного их поиска, обнаруженные в ходе обследования или осмотра места преступления или происшествия [19]. Изъятие производится только в том случае, если нет возможности провести обследование обнаруженных предметов или документов по месту их обнаружения, т. е. когда требуется их

криминалистическое исследование [9]. Не регламентировано УПК РФ.

Понятие «выемка» также в УПК РФ не дано. Анализ ст. 182–183 УПК РФ дает возможность так определить указанное действие: выемка – действие следственного органа, когда без обыска, добровольно или принудительно изымаются документы и предметы, имеющие значение для расследуемого уголовного дела, из определенного места, помещения, квартиры, учреждения, у граждан [20]. Выемка проводится при точном знании о том, какой предмет, или документ требуется изъять и где он находится. Выемка строго регламентирована УПК РФ.

По результатам проведенного исследования можно сделать вывод о недостаточном правовом регламентировании процедуры обследования и нечетком разграничении оперативно-розыскных мероприятий и следственных действий. Для решения выявленной коллизии можно обратиться к зарубежному законодательству.

Анализ положений об обследовании и осмотре места происшествия, обыске в законодательстве стран ближнего и дальнего зарубежья

Законодательство об оперативно-розыскной деятельности бывших союзных республик в основном совпадает с действующим законодательством РФ или дублирует его, но имеет некоторые особенности, вызывающие определенный интерес. Так, ст. 10 закона «Об оперативно-розыскной деятельности» Республики Азербайджан состоит из 10 частей и содержит 18 ОРМ. В ч. 1 п. 8 ст. 10 прописана такая мера, как «вход в здание, в том числе жилые здания, а также другие скрытые строения, сооружения и на земельные участки, и проведение досмотра»¹³. Условия применения ОРМ по входу в здания и т. д. прописаны в ч. 1 и 2 ст. 13 данного закона.

По закону «Об оперативно-розыскной деятельности» Республики Казахстан сотрудники полиции могут заходить на территорию и в помещение организаций только после согласования с их владельцами. Об этом сказано в п. 8 ст. 8 закона. Есть в нем статья, которая говорит о возможности оперативного проникновения на территорию, участки местности или в помещения. Сами ОРМ в законе разбиты на два вида: общие и специальные (ст. 11). Общие проводят без санкции прокурора, специальные – с его санкции. Досмотр жилых помещений, рабочих и иных мест, а также транспортных средств относится к общему ОРМ. Судебное разрешение на проведение ОРМ не требуется. В ст. 1 поясняются основные понятия, используемые в законе [21].

Ст. 2 закона «Об оперативно-розыскной деятельности» Республики Беларусь дает расшифровку основным понятиям, применяемым в законе. В п. 8 ст. 2 закона сказано, что «обследование является осмотром помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств с целью возможного обнаружения признаков

¹⁰ Рыжаков А.П. *Предварительное расследование*. М.: ИД «Филинь», 1997. 213 с.

¹¹ *Криминалистика*. Т. 1 / под общ. ред. А.И. Бастрыкина. М.: Экзамен, 2014. 511 с.

¹² Дель Д.А. *Изъятие или выемка: столкновение понятий в стадии возбуждения уголовного дела // Современное уголовно-процессуальное право – уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования*. 2020. Т. 1. № 1. С. 195–199.

¹³ Закон Азербайджанской Республики об оперативно-розыскной деятельности. URL: <https://www.legal-tools.org/doc/7871f5/pdf/>. <https://www.mia.gov.az/>.

Таблица 1. Результаты сравнения обследования помещения, осмотра места происшествия и обыска

Обследование	Осмотр	Обыск
Предусмотрено Законом «Об ОРД»	Предусмотрено гл. 24 УПК РФ и ст. 144 УПК РФ	Предусмотрено гл. 25 УПК РФ
Оперативное мероприятие	Процессуальное мероприятие	Процессуальное мероприятие
Три вида: негласное, зашифрованное и гласное	Только гласное	Только гласное
Проводится до и после возбуждения уголовного дела	Проводится до и после возбуждения уголовного дела	Проводится при наличии возбужденного уголовного дела
Цель: поиск и изъятие предметов и документов, которые возможно будут относиться к преступлению	Цель: поиск и изъятие предметов и документов, которые возможно будут относиться к преступлению	Цель: поиск и изъятие предметов и документов, которые конкретно относятся к преступлению
Изъятые вещи, предметы и документы не являются доказательствами	Изъятые вещи, предметы и документы могут являться доказательствами	Изъятые вещи, предметы и документы являются доказательствами
Производится по распоряжению начальника ОРО, его заместителей либо по решению суда	Производится по решению следователя, дознавателя, сотрудника органа дознания либо суда	Производится по решению следователя, дознавателя, сотрудника органа дознания либо суда
Основание: оперативная информация либо сообщение (заявление) от граждан о совершении в отношении них правонарушения (преступления)	Основание: сообщение (заявление) от граждан о совершении в отношении них правонарушения (преступления)	Основание: возбужденное уголовное дело
У участников обследования может отсутствовать юридический статус	У участников осмотра может отсутствовать юридический статус	Все участники обыска наделены юридическим статусом
Обследование проводят сотрудники органа дознания, конфиденты или сотрудник, имеющий право вхождения на объект	Осмотр проводят следователь, дознаватель, сотрудник органа дознания	Обыск проводят следователь, дознаватель, сотрудник органа дознания
Отсутствие понятых – наличие двух незаинтересованных лиц	Обязательно наличие не менее двух понятых. В некоторых случаях возможно отсутствие понятых при видео- и фотофиксации	Обязательно наличие не менее двух понятых, их присутствие обязательно в любых случаях. Обыск только с применением видео- и фотофиксации при отсутствии понятых запрещен
Не поддерживаются мерами процессуального принуждения; требования лиц, проводящих обследование, не обязательны для выполнения собственниками помещения или жилища в отсутствие возбужденного уголовного дела; должно прекращаться по первому требованию собственников помещения или жилища. Изъятие вещей, документов и предметов только с согласия собственников имущества	Не поддерживаются мерами процессуального принуждения; требования лиц, проводящих осмотр, не обязательны для выполнения собственниками помещения или жилища в отсутствие возбужденного уголовного дела; должно прекращаться по первому требованию собственников помещения или жилища. Изъятие вещей, документов и предметов только с согласия собственников имущества	Поддерживаются мерами процессуального принуждения; требования лиц, проводящих обыск, обязательны для выполнения собственниками помещения или жилища
Обследуется только место преступления, правонарушения	Осматривается только место преступления, правонарушения	Обыск может производиться в любом месте, если есть основания предполагать, что там могут находиться предметы, вещи и документы, относящиеся к уголовному делу
Внешний визуальный осмотр	Внешний визуальный осмотр	Поисковое мероприятие

преступления»¹⁴. Само мероприятие закреплено в п. 8 ст. 11 закона; все ОРМ, ограничивающие права граждан, проводятся с санкции прокурора или его заместителей (ст. 14).

Закон «Об оперативно-розыскной деятельности» Республики Эстония подразделяет все ОРМ на специальные и исключительные (п. 1 ч. 2 ст. 12). К исключительным относятся мероприятия, проводимые негласно, в том числе и обследование зданий, помещений и жилища. Материалы об ограничении конституционных прав граждан рассматривает судья единолично и незамедлительно (ч. 1 ст. 13). По закону «Об оперативно-розыскной деятельности» Эстонии гласно обследование или осмотр жилища не проводится^{15,16}. Таким образом, мы видим более четкое законодательное закрепление всех особенностей проведения оперативно-розыскных мероприятий. В частности, там оставили только негласные оперативно-розыскные мероприятия, убрав гласные, что исключает путаницу между оперативно-розыскными мероприятиями и следственными действиями.

В государствах Западной Европы и США отсутствует единый закон «Об оперативно-розыскной деятельности». ОРМ в этих странах регулируется отдельными законодательными актами, причем в большинстве стран термин «оперативно-розыскная деятельность» даже не используется. На Западе и в США давно осознали, что права и свободы частного лица не могут превышать интересы государственной и общественной безопасности, но при этом приняты все меры, чтобы максимально защитить права граждан при проведении ОРМ. Для многих ОРМ приняты свои законы. К тому же в США нет четкой границы между оперативными и процессуальными действиями, и часто их проводит один и тот же человек – детектив. Досудебное производство в США носит смешанный характер. Оперативно-розыскное законодательство США тесно связано с уголовным процессом, и использование результатов ОРМ в доказывании является обязательной частью судебного разбирательства [22; 23]. Законодательство об оперативно-розыскной деятельности в странах Западной Европы регламентируется отдельными законодательными актами и законами.

Таким образом, мы видим отсутствие четкого разграничения между уголовным процессом и оперативно-розыскной деятельностью ввиду практически полного отсутствия последней. Все оперативные мероприятия являются частью уголовного процесса, что автоматически исключает противоречия, существующие в законодательстве нашей страны [24].

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

Проведенный анализ указанных мероприятий позволяет выделить проблемы, которые требуют своего решения.

¹⁴ Закон Республики Беларусь об оперативно-розыскной деятельности. URL: <http://belzakon.net>. https://kodeksy-by.com/zakon_rb_ob_operativno-rozysknoj_deyatelnosti.htm

¹⁵ Смирнов М.П. Полиция зарубежных стран и ее оперативно-розыскная деятельность. М.: Академия МВД РФ, 1996. 237 с.

¹⁶ Уголовно-процессуальный Кодекс Эстонии Принят 12 декабря 2003 г. RT I 2003, 27, 166. Вступил в силу 1 июля 2004 г. URL: <https://www.riigiteataja.ee/akt/129062012002#>.

1. Понятие ОРМ, прописанное в п. 8 ч. 1 ст. 6 Закона «Об ОРД», не раскрыто как в самом законе, так и в ст. 5 УПК РФ, поэтому каждое должностное лицо, уполномоченное осуществлять ОРМ, по-своему трактует его.

2. В Законе «Об ОРД» отсутствует конкретное ОРМ, указывающее на возможность проникновения в жилище, помещение и т. д. при возникновении надобности в его скрытом обследовании.

3. Не совсем понятно наличие возможности проведения гласного обследования жилища, помещений и т. д., так как после принятия ФЗ № 23-ФЗ и поправок в ст. 144 УПК РФ нет надобности проводить данное мероприятие в связи с возможностью сразу проводить осмотр места происшествия.

4. Размыты границы между гласным обследованием, осмотром и обыском. В связи с этим обследование или осмотр фактически перерастают в обыск, о чем неоднократно упоминается в определениях Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда РФ.

5. В Законе «Об ОРД» и УПК РФ не прописана процедура проведения обследования и осмотра. Об этом тоже неоднократно упоминается в определениях Верховного суда РФ, в частности в определении КС РФ от 27.06.2017 № 1419-О по жалобе Козлова Дмитрия Юрьевича¹⁷, в определении КС РФ от 24.10.2005 № 448-О по жалобе Каланчева Вадима Анатольевича¹⁸. Верховный суд РФ неоднократно отмечал, что Закон «Об ОРД» детально процедуру проведения ОРМ не определяет.

6. Ни Закон «Об ОРД», ни Инструкция к нему, ни УПК РФ не дают четкого представления о следующем:

1) в каком порядке и как должны действовать сотрудники правоохранительных органов в случае отказа впускать уполномоченных лиц в жилище до возбуждения уголовного дела даже при наличии судебного разрешения. Суд дает разрешение на гласное обследование и осмотр, но это разрешение не обязательно для исполнения для граждан при отсутствии возбужденного уголовного дела. Все положения Закона «Об ОРД» прописаны только для сотрудников ОВД РФ и не обязательны для исполнения гражданами, так как ОРМ не поддерживается законодательно мерами принуждения, как при обыске, а осмотр часто проводится с целью проверки наличия признаков преступления;

2) как проводить в случае необходимости обследование или осмотр принудительно;

3) каковы права и обязанности всех лиц, участвующих в обследовании или осмотре. Данный вопрос возникает в связи с тем, что до возбуждения уголовного дела у всех участников указанных мероприятий нет юридического статуса, а следовательно, нет четко установленных (прописанных) прав и обязанностей.

Открытое регулирование оперативно-розыскной деятельности носит рамочный, фрагментарный характер, что проявляется в следующем.

¹⁷ Определение Конституционного Суда РФ от 27 июня 2017 г. № 1419-О по жалобе Козлова Дмитрия Юрьевича. URL: <http://legalacts.ru/sud/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-27062017-n-1419-o/>.

¹⁸ Определение КС РФ от 24.10.2005 № 448-О по жалобе Каланчева Вадима Анатольевича. URL: <https://legalacts.ru/doc/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-24112005-n-448-o-ob/>.

1. Процедура судебного санкционирования ОРМ не предполагает наличие сторон, открытости и гласности, а также состязательности.

2. Результаты ОРД следует расценивать не как готовые доказательства, а как источники сведений о фактах.

3. Проведение ОРМ не может подменять процессуальные действия.

ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ

Для решения выявленных проблем и противоречий предлагаем:

1) установить четкое разграничение между ОРМ, прописанным в п. 8 ст. 6 Закона «Об ОРД», и ОМП, предусмотренным УПК РФ, либо, в связи с законодательной возможностью проведения ОМП органом дознания, отменить гласное обследование в связи с его ненужностью после внесенных поправок в ст. 144 УПК РФ, используя опыт Республики Эстония;

2) внести в Закон «Об ОРД» понятийный аппарат, как это сделано в Республиках Казахстан и Беларусь, либо использовать понятийный аппарат, имеющийся в модельном законе «Об оперативно-розыскной деятельности»;

3) предусмотреть возможность принудительного проведения ОМП до возбуждения уголовного дела, прописав в УПК РФ меры принудительного характера, поддерживающие данное мероприятие, как при обыске;

4) прописать в УПК РФ или Законе «Об ОРД» права, обязанности и юридический статус лиц, участвующих в проведении обследования и осмотра при отсутствии возбужденного уголовного дела;

5) в ст. 5 УПК РФ раскрыть понятия «изъятие», «выемка», «осмотр места происшествия», «обследование».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Россинский С.Б. Проблемы использования в уголовном процессе результатов оперативно-розыскной деятельности требует окончательного разрешения // *Lex Russia (Русский закон)*. 2018. № 10. С. 70–84.
2. Выговтов А.Е. Уголовно-процессуальная политика и использование информации, полученной при проведении оперативно-розыскных мероприятий // *Baikal Research Journal*. 2020. Т. 11. № 1. С. 16–22.
3. Дядченко А.А., Карташов И.И. Проблемы представления результатов оперативно-розыскной деятельности для использования в процессе доказывания // *Вестник Воронежского института МВД России*. 2016. № 1. С. 186–191.
4. Гирько С.И., Харченко С.В. О соотношении уголовно-процессуальной и оперативно-розыскной деятельности // *Закон и право*. 2019. № 2. С. 127–132.
5. Ларинков А.А. Понятие результатов оперативно-розыскной деятельности и их соотношение с уголовно-процессуальными доказательствами // *Криминалистика*. 2018. № 2. С. 28–35.
6. Суденко В.Е. Следственные действия и оперативно-розыскное мероприятие и их соотношение в уголовном процессе // *Военное право*. 2020. № 5. С. 161–167.
7. Меретуков Г.М., Лунина Е.С., Липка А.О. Уголовный процесс и оперативно-розыскная деятельность // *Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета*. 2016. № 115. С. 1009–1022.
8. Голиков А.А., Ларинков А.А. Современные особенности и правоприменительные проблемы оперативно-розыскного мероприятия обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств // *Российский журнал правовых исследований*. 2018. Т. 5. № 4. С. 153–159.
9. Россинский С.Б. Размышления о сущности выемки как объекта уголовно-процессуального регулирования // *Вестник Московского университета МВД России*. 2018. № 1. С. 42–45.
10. Грибунов О.П., Залескина А.Н. Актуальные проблемы, возникающие при проведении оперативно-розыскного мероприятия «обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств» в отношении субъектов предпринимательской деятельности // *Сибирский юридический вестник*. 2020. № 3. С. 91–95.
11. Малахов А.С. Правовое регулирование гласного оперативно-розыскного мероприятия «обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств» // *Вестник Воронежского института МВД России*. 2019. № 1. С. 170–174.
12. Шляхтин Е.П., Каунов А.В. Проблемы при проведении гласного обследования в оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел // *Вестник Казанского юридического института МВД России*. 2020. Т. 11. № 4. С. 537–544.
13. Каунов А.В. Документальное оформление гласного обследования и участие представителей общественности в его проведении // *Вестник Сибирского юридического института МВД России*. 2020. № 4. С. 201–205.
14. Неупокоева И.А., Шеховцова Л.С., Кочерова Л.А. Осмотр места происшествия как информационная основа расследования преступления // *Закон и право*. 2018. № 6. С. 136–139.
15. Бравилова Е.А. Осмотр места происшествия как способ изъятия предметов и документов до возбуждения уголовного дела // *Судебная власть и уголовный процесс*. 2020. № 1. С. 44–52.
16. Леонов А.И., Ахмедов У.Н. Проблемы производства процессуальных и следственных действий при проверке сообщения о преступлении // *Вестник Воронежского института ФСИН России*. 2017. № 1. С. 154–161.
17. Марков А.И., Николаев А.В., Арзуманян А.А. Осмотр места происшествия и преступная инсценировка // *Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление*. 2019. № 9. С. 120–125.
18. Меркулов М.А., Абросимов И.И. Актуальные проблемы производства обыска и выемки в контексте обеспечения безопасности прав участников уголовного процесса // *Вестник Прикамского социального института*. 2020. № 1. С. 40–44.
19. Ротар А.И. Обыск и выемка: сравнительно-правовой анализ норм УПК РФ // *Вестник Северо-Восточного государственного университета*. 2016. № 25. С. 90–95.
20. Костюк А.В. Выемка как процессуальное действие в уголовном судопроизводстве // *Гуманитарные,*

социально-экономические и общественные науки. 2020. № 4. С. 112–115.

21. Хоршева В.С., Токарева Е.В. Некоторые организационно-тактические проблемы производства выемки // Вестник Волгоградской Академии МВД России. 2018. № 3. С. 157–164.
 22. Нодиров М.А. Сравнительный анализ законов об оперативно-розыскной деятельности стран содружества независимых государств // Отечественная юриспруденция. 2019. № 7. С. 53–58.
 23. Дикарев В.Г., Гаврюшкин Ю.Б. Некоторые особенности правового регулирования оперативного внедрения в странах Европы и США // Вестник всероссийского института повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации. 2016. № 1. С. 97–101.
 24. Ивенин В.О. Об уголовно-правовом обеспечении оперативно-розыскной деятельности в зарубежном законодательстве // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2018. Т. 1. № 2. С. 160–171.
- REFERENCES**
1. Rossinskiy S.B. The problem of using the results of criminal intelligence and surveillance operations should be finally resolved. *Lex Russia (Russkiy zakon)*, 2018, no. 10, pp. 70–84.
 2. Vytovtov A.E. Criminal procedure policy and use of information obtained when performing investigative measures. *Baikal Research Journal*, 2020, vol. 11, no. 1, pp. 16–22.
 3. Dyadchenko A.A., Kartashov I.I. The problem of representation result of operational activities for use in the course of proving. *Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii*, 2016, no. 1, pp. 186–191.
 4. Girko S.I., Kharchenko S.V. On the correlation of the criminal-procedural and investigative activities. *Zakon i pravo*, 2019, no. 2, pp. 127–132.
 5. Larinkov A.A. The notion of results of operative crime detection activities and their correlation with the evidence under the law of criminal procedure. *Kriminalist*, 2018, no. 2, pp. 28–35.
 6. Sudenko V.E. Investigative actions and operational-search measures and their correlation in criminal proceedings. *Voennoe pravo*, 2020, no. 5, pp. 161–167.
 7. Meretukov G.M., Lunina E.S., Lipka A.O. Criminal process and operational and investigative activity. *Politematicheskii setevoy elektronnyy nauchnyy zhurnal Kubanskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta*, 2016, no. 115, pp. 1009–1022.
 8. Golikov A.A., Larinkov A.A. Modern features and law-enforcement problems of the operational-search measure “inspection of premises, buildings, structures, sections of terrain and vehicles”. *Rossiyskiy zhurnal pravovyykh issledovaniy*, 2018, vol. 5, no. 4, pp. 153–159.
 9. Rossinskiy S.B. Reflections on the nature of the seizure of the object of the criminal procedure regulation. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii*, 2018, no. 1, pp. 42–45.
 10. Gribunov O.P., Zaleskina A.N. Actual problems that arise during the operational search event “inspection of premises, buildings, structures, terrain and vehicles” in relation to business entities. *Sibirskiy yuridicheskii vestnik*, 2020, no. 3, pp. 91–95.
 11. Malakhov A.S. Legal regulation of the overt operational-search measures “inspection of premises, buildings, strips of land and vehicles”. *Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii*, 2019, no. 1, pp. 170–174.
 12. Shlyakhtin E.P., Kaunov A.V. Public survey in internal affairs bodies investigation: challenges. *Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii*, 2020, vol. 11, no. 4, pp. 537–544.
 13. Kaunov A.V. Documentation of public inspection and participation of members of the community in its conduct. *Vestnik Sibirskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii*, 2020, no. 4, pp. 201–205.
 14. Neupokoeva I.A., Shekhovtsova L.S., Kocherova L.A. Inspection of the scene as an information basis investigation of crimes. *Zakon i pravo*, 2018, no. 6, pp. 136–139.
 15. Bravilova E.A. An examination of the crime scene as a way to seize items and documents before the institution of criminal proceedings. *Sudebnaya vlast i ugolovnyy protsess*, 2020, no. 1, pp. 44–52.
 16. Leonov A.I., Akhmedov U.N. Production of procedural and investigative actions if you check the message about the crime. *Vestnik Voronezhskogo instituta FSIN Rossii*, 2017, no. 1, pp. 154–161.
 17. Markov A.I., Nikolaev A.V., Arzumanyan A.A. A crime scene examination and criminal feign. *Nauka i obrazovanie: khozyaystvo i ekonomika; predprinimatelstvo; pravo i upravlenie*, 2019, no. 9, pp. 120–125.
 18. Merkulov M.A., Abrosimov I.I. Actual problems of search and seizure in the context of ensuring the security of the rights of participants in criminal proceedings. *Vestnik Prikamskogo sotsialnogo instituta*, 2020, no. 1, pp. 40–44.
 19. Rotar A.I. Search and seizure: comparative legal analysis of the norms of the russian federation code of criminal procedure. *Vestnik Severo-Vostochnogo gosudarstvennogo universiteta*, 2016, no. 25, pp. 90–95.
 20. Kostyuk A.V. Seeming as a procedural action in criminal proceedings. *Gumanitarnye, sotsialno-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki*, 2020, no. 4, pp. 112–115.
 21. Khorosheva V.S., Tokareva E.V. Some organizational and tactical problems of seizure execution. *Vestnik Volgogradskoy Akademii MVD Rossii*, 2018, no. 3, pp. 157–164.
 22. Nodirov M.A. A comparative analysis of laws concerning law enforcement operations of the Commonwealth of Independent countries. *Otechestvennaya yurisprudentsiya*, 2019, no. 7, pp. 53–58.
 23. Dikarev V.G., Gavryushkin Yu.B. Some features of legal regulation operational implementation in Europe and the USA. *Vestnik vserossiyskogo instituta povysheniya kvalifikatsii sotrudnikov Ministerstva vnutrennikh del Rossiyskoy Federatsii*, 2016, no. 1, pp. 97–101.
 24. Ivenin V.O. On the criminal legal framework of operative-search activity in the foreign law. *Vestnik Volzhskogo universiteta im. V.N. Tatishcheva*, 2018, vol. 1, no. 2, pp. 160–171.

**THE COMPARATIVE ANALYSIS OF LAW ENFORCEMENT OPERATIONS
AND INVESTIGATIVE ACTIVITIES ON THE EXAMPLE OF EXAMINATION
OF PREMISES, BUILDINGS, STRUCTURES, CRIME SCENE EXAMINATION, AND SEARCH**

© 2021

A.V. Muruzidi, senior lecturer of Chair “Criminal Law and Procedure”
N.V. Olinder, PhD (Law), Head of Chair “Constitutional and Administrative Law”
Togliatti State University, Togliatti (Russia)

Keywords: criminal intelligence; operative search activity; investigative activities; crime scene examination; criminal procedure; search; seizure; caption; urgent investigative action; special aspects of examination of premises, buildings, structures, terrain compartments, and vehicles; public and non-public examination.

Abstract: In practice, criminal intelligence as a form of control is often carried out without proper procedural arrangement. This issue is very urgent and problematic as, according to the criminal procedure code, evidence obtained when examining a crime scene in respect of procedural legislation violation often cannot be considered admissible. The paper considers the existing forms of gathering evidence and facts of a crime when investigating a crime scene; two of them – inspection and search – are procedural; one is a criminal intelligence action – premises, buildings, structures, terrain compartments, and vehicles examination. The authors carried out a comparative analysis of these forms and concluded on the gaps in the Russian criminal procedure legislation. The paper gives a brief overview of obtaining evidence when investigating crime scenes in the legislative acts of the former republics of the Soviet Union, in particular the Republics of Kazakhstan, Belarus, Estonia, and Azerbaijan. The authors considered the legislation on the operative search activity of foreign countries. The paper presents a comparative table reflecting the positive and negative aspects of the applicable legislation, the advantages and disadvantages of investigative activities and criminal intelligence under the study; studies the issues of entering the materials of operative search activity into the crime case file. As the basic conclusion, the authors highlight that by nature and inner content, the investigative activities under the study (a crime scene examination, a search) and criminal intelligence (premises, buildings, structures, terrain compartments, and vehicles; public and non-public examination) duplicate each other in some degree.

МЕХАНИЗМЫ СНИЖЕНИЯ ЛАТЕНТНОСТИ КОРРУПЦИОННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН

© 2021

А.В. Рамазанов, кандидат экономических наук, доцент,
старший преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин
Казанский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, Казань (Россия)

Ключевые слова: латентность коррупционных преступлений; противодействие коррупции; профилактика коррупционных преступлений; коррупция в Республике Татарстан.

Аннотация: В статье раскрываются условия и особенности совершения коррупционных преступлений на территории Республики Татарстан и предлагаются универсальные методы и инструменты для выявления коррупционных преступлений в органах власти и управления. Нашли отражение возможные пути снижения латентности коррупционных преступлений, среди которых выделены усиление теоретико-правовой подготовки сотрудников правоохранительных органов, привлечение экспертов на стадии предварительного расследования, исключение создания дополнительных структур, органов, документов в борьбе с коррупционными правонарушениями и преступлениями. Для снижения коррупционных рисков предложено внедрение открытой информационной системы документооборота между правоохранительными органами для приема обращений о фактах коррупционных правонарушений и преступлений. Остается открытым вопрос о конфиденциальности и защите заявителя, в случае если обращение касается коррупции в правоохранительных органах. Предложены иные способы выявления коррупционных преступлений в органах власти и управления посредством совершенствования оперативно-розыскной деятельности. Автором предложено часть 3.1 статьи 17 закона «О государственной гражданской службе» дополнить не только словами о возможной предпринимательской деятельности (в том числе деятельности самозанятого) бывшего государственного гражданского служащего, но и о запрете таких видов деятельности для его близких родственников для исключения использования служебного положения в личных целях. При этом предложено в статье 13.3 закона «О противодействии коррупции» исключить обязанность для организаций разрабатывать антикоррупционные документы, сохранив рекомендательный характер данных действий, поскольку ответственность за отсутствие таких документов действующим законодательством не предусмотрена.

ВВЕДЕНИЕ

Латентность преступлений, в том числе коррупционных, остается актуальной проблемой в современном мире, что подтверждается различными научными публикациями. В частности, Э.И. Тамазов на основании результатов социологического исследования выявил основные факторы, детерминирующие латентность коррупционных преступлений, совершаемых сотрудниками органов внутренних дел в сфере охраны общественного порядка. К ним относятся: «1) факторы, связанные с виктимологическими особенностями коррупционных преступлений; 2) факторы, связанные с организационной спецификой функционирования и негативными проявлениями бюрократии в органах внутренних дел; 3) факторы, связанные со спецификой субъектов преступной коррупционной деятельности – сотрудников органов внутренних дел; 4) факторы, связанные со спецификой преступной деятельности как объекта противодействия.» [1, с. 342–343]. С.В. Березюк, Н.В. Яремчук доказали прямую связь между уровнем теневизации государственного сектора экономики и «градуса» коррупционного климата в стране [2]. А.А. Волков, А.П. Волков, изучив особенности коррупционных преступлений в высших учебных заведениях, отмечают, что «взятничество – довольно скрытый (латентный) процесс, потому и трудно выявляемый, и трудно доказуемый.» [3, с. 113].

Достаточное количество исследований посвящено разработке общих мер противодействия коррупционным преступлениям. Стоит отметить работу П.Н. Кобца, который исследовал роль «Группы двадцати» в борьбе

с коррупцией на глобальном уровне [4]. О.В. Фролова, В.В. Фролов, рассмотрев особенности коррупции в России, предложили пути противодействия данному виду преступности, включающие правовые и неправовые методы [5]. М.С. Кязимов, Н.К. Алиев полагают, что средством борьбы с коррупцией является принятие государством мер по сокращению теневизации экономики [6]. С.Н. Швердяев источником муниципальной коррупции считает инициативность местных предпринимателей, в связи с этим предлагает мероприятия по совершенствованию муниципального законодательства, законодательства о противодействии коррупции [7].

П.А. Скобликов предложил меры предупреждения бездействия и безответственности чиновников при выполнении ими своих прямых должностных обязанностей, в том числе связанных с рассмотрением обращений граждан [8]. Т.Я. Хабриева отметила необходимость усиления социального (общественного) контроля в борьбе с коррупцией в России [9]. Д.Н. Мухамадиева подтвердила важность цифровизации государственных и муниципальных услуг для снижения коррупционных преступлений [10].

Достаточное количество научных и учебно-методических работ посвящено профилактике и выявлению коррупции в органах внутренних дел. В частности, А.Е. Федюнин, В.Ю. Алферов рассмотрели особенности совершенных коррупционных преступлений экспертами-криминалистами ОВД [11]. Особенности деятельности следователя по успешному выявлению коррупционных преступлений посвящены работы Д.И. Аминова, А.М. Багмета, В.В. Бычкова, Н.Д. Эриашвили, которые предложили тактику и методику действий следователя при расследовании коррупционных

преступлений [12]. Н.Н. Подольная на основе совместного использования уголовно-правовой и криминалистической классификации предлагает усовершенствовать частные методики расследования должностных преступлений коррупционной направленности [13].

С.Л. Миролубов обратил внимание на важность использования результатов оперативно-розыскной деятельности при расследовании преступлений экономической направленности и на необходимость тесного взаимодействия органов дознания и следственных подразделений [14]. М.А. Григорьева, А.А. Ларинков проанализировали типичные ошибки, допускаемые органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность и предварительное расследование преступлений коррупционной направленности [15].

Н.В. Габоев раскрыл механизмы совершения коррупционных преступлений при формировании и расходовании средств дорожных фондов [16]. Ю.В. Быковская разработала рекомендации по выявлению и документированию сотрудниками органов внутренних дел коррупционных преступлений в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд [17]. Л.К. Фазлиева, Э.Н. Хисамутдинова выявили проблемы правового регулирования в сфере закупок для государственных нужд [18].

При этом ограничено количество работ, где затрагивались бы вопросы коррупции в органах власти и управления. А ведь именно субъекты, наделенные властно-распорядительными полномочиями, имеют больше возможностей не только для злоупотребления своими полномочиями и их превышения, но и для сокрытия совершенных преступлений.

Цель исследования – разработка механизмов снижения латентности коррупционных преступлений для последующего применения в деятельности правоохранительных органов.

МЕТОДИКА ПРОВЕДЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ

На основе изучения эмпирических данных по Республике Татарстан (РТ), в том числе оценки деятельности Комиссии по координации работы по противодействию коррупции в Республике Татарстан, и обзора научной литературы по теме исследования выявлены и обобщены основные проблемы, возникающие при реализации полномочий правоохранительных органов в сфере противодействия и борьбы с коррупционными преступлениями.

Для решения данных проблем разработаны общие направления снижения латентности коррупционных преступлений в органах власти и управления, в том числе предложен алгоритм сбора и обработки информации о коррупционных правонарушениях и преступлениях, позволяющий снизить латентность коррупции в органах власти и управления.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЙ

Оценка антикоррупционной политики Республики Татарстан

По итогам 2019 года в Республике Татарстан выявлено 873 преступления коррупционной направленности. По коррупционным посягательствам размер при-

чиненного ущерба составил 690 млн рублей, обеспечено возмещением 276 млн рублей. Выявлено 284 факта взяточничества, из которых 41 в крупном размере, средний размер взятки – 116 тыс. рублей. Общая сумма денежных вознаграждений составила 33,1 млн рублей. Выявлен 81 факт получения взятки, 203 факта дачи взятки и посредничества во взяточничестве. В суды направлены дела по 333 коррупционным преступлениям, по главе 30 Уголовного кодекса РФ (далее – УК РФ) – 175 фактов¹.

В 2020 году в Татарстане проведена работа по анализу сведений о доходах, расходах, имуществе и обязательствах имущественного характера. Выявлено 11 нарушений в органах государственной власти и 75 – в органах местного самоуправления. К дисциплинарной ответственности привлечен 71 служащий (5 государственных и 66 муниципальных)².

По данным прокуратуры Республики Татарстан, по итогам 1-го полугодия 2020 года в результате принятого комплекса мер в республике правоохранительными органами выявлено на 36,5 % больше преступлений коррупционной направленности. Отмечается активизация их деятельности по выявлению фактов взяточничества, в том числе совершенных в крупном размере. Между тем требует усиления работа по возмещению ущерба, причиненного коррупционными преступлениями. Судами с вынесением обвинительных приговоров рассмотрено 51 уголовное дело о преступлениях коррупционной направленности в отношении 64 лиц³.

Указанные выше данные красноречиво свидетельствуют о повышении эффективности борьбы с коррупцией в Республике Татарстан, но количество возбужденных уголовных дел могло быть и больше, с точки зрения автора, если бы отдельные государственные структуры в Республике Татарстан, например Комиссия по координации работы по противодействию коррупции в Республике Татарстан, не брали на себя обязанности правоохранительных органов, решая судьбу коррупционера.

Руководствуясь высказываниями заместителя начальника антикоррупционного управления Республики Татарстан Р. Гатина, автор статьи приходит к предположениям о причинах такой негативной ситуации, при которой многие чиновники в Татарстане, совершившие коррупционные преступления, остаются безнаказанными.

Например, Р. Гатин приводит такую информацию: «В Ютазинском районе бюджетникам в конце года выплатили положенную премию (в сумме около 1 млн рублей), а потом собрали ее обратно по указанию

¹ Республика Татарстан. Сводный отчет о состоянии коррупции и реализации мер антикоррупционной политики в Республике Татарстан в 2019 году.

URL: <https://anticorruption.tatarstan.ru/reports/2019.htm>.

² Отчет об исполнении государственной программы «Реализация антикоррупционной политики Республики Татарстан на 2015–2023 годы» по итогам 2020 года.

URL: https://anticorruption.tatarstan.ru/rus/file/pub/pub_2698543.pdf.

³ В прокуратуре Татарстана подведены итоги работы ведомства в первом полугодии 2020 года // Прокуратура Республики Татарстан. URL:

https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_16/mass-media/news?item=51041675.

«отдельного руководителя подразделения исполкома». Но собранные деньги, заявил он, не украли, а направили на «благое дело»: закупили оборудование в спортзал. Естественно, когда факт незаконной деятельности был обнаружен, средства вернули. Но, так как у чиновника не было умысла что-то красть, до уголовного дела не дошло⁴. Может быть умысла «что-то украсть не было», как сказал Р. Гатин, но как же статья 286 УК РФ? Фактически Р. Гатин и другие чиновники, не относящиеся к правоохранительным органам, принимают решения о том, привлекать коррупционера к уголовной ответственности или нет.

Коллега Р. Гатина А.Ю. Панкратов и Э.И. Слепнева из Министерства юстиции Республики Татарстан, по нашему мнению, неправомерно указывают, что следует различать дисциплинарные проступки (неисполнение или ненадлежащее исполнение служебных обязанностей, в частности служебного распорядка органа и должностного регламента) и коррупционные правонарушения (несоблюдение ограничений и запретов, требований о предотвращении или об урегулировании конфликта интересов и неисполнение обязанностей, установленных в целях противодействия коррупции) [19]. На наш взгляд, данные авторы сужают область проявления коррупции, выделяя из категории коррупционных дисциплинарные проступки в виде неисполнения или ненадлежащего исполнения служебных обязанностей, поскольку в большинстве случаев именно такие действия чиновников прямо указывают на их профессиональную некомпетентность и халатность в деятельности, которая может допускаться преднамеренно в личных интересах либо интересах третьих лиц.

Фактически получается, что группа государственных и муниципальных служащих, совершающих коррупционные деяния, – это организованная преступная группа, которая, пользуясь властными полномочиями, уходит от социального контроля, вовлекая в коррупционную цепочку надзорные и контрольные органы, призванные противодействовать коррупции.

Нередки ситуации, когда члены антикоррупционных комиссий сами являются коррупционерами. В качестве примера можно привести ситуацию с Р.И. Камаловым из Министерства экологии и природных ресурсов РТ⁵, который, будучи первым заместителем министра экологии и природных ресурсов РТ, возглавлял антикоррупционную комиссию в данном министерстве. Примечательно еще, что ранее на Р.И. Камалова был наложен судебный штраф за создание административных барьеров бизнесу⁶. После увольнения (14 июня 2019 года) Р.И. Камалов в августе 2019 года учредил собственный

бизнес, непосредственно связанный с его деятельностью, которой он занимался на государственной службе⁷.

В ч. 3.1 ст. 17 закона «О государственной гражданской службе»⁸ есть требование получить согласие соответствующей комиссии, в случае если бывший государственный гражданский служащий продолжает трудовую деятельность в коммерческой организации. По нашему мнению, ч. 3.1 ст. 17 закона «О государственной гражданской службе» следует дополнить не только словами о возможной предпринимательской деятельности (в том числе деятельности самозанятого) бывшего государственного гражданского служащего, но и о запрете таких видов деятельности для его близких родственников. В связи с этим ч. 3.1 ст. 17 закона «О государственной гражданской службе» необходимо изложить в следующем виде:

«Гражданин, замещавший должность гражданской службы, включенную в перечень должностей, установленный нормативными правовыми актами Российской Федерации, и его близкие родственники в течение двух лет после увольнения с гражданской службы не вправе без согласия соответствующей комиссии по соблюдению требований к служебному поведению государственных гражданских служащих и урегулированию конфликтов интересов *заниматься предпринимательской деятельностью, в том числе уплачивать налог на профессиональный доход, замещать на условиях трудового договора должности в организации...*» (выделено нами. – А. Р.).

Направления снижения латентности коррупционных преступлений

Органы власти и управления, обладая властными и распорядительными полномочиями, в том числе нормотворческим правом, создают вокруг себя защитный ореол, с помощью которого повышается латентность возможных коррупционных преступлений с их стороны.

Определим общие направления снижения латентности коррупционных преступлений в органах власти и управления.

1. Систематическое повышение уровня знаний и навыков сотрудников правоохранительных органов, занимающихся выявлением преступлений коррупционной направленности, либо привлечение экспертов по соответствующему направлению.

Справедливы доводы А.Е. Федюнина, В.Ю. Алферова в части того, что сотрудники, занимающиеся выявлением преступлений коррупционной направленности, не обладают достаточными познаниями в той сфере, в которой осуществляет трудовую деятельность коррупционер. Ученые отмечают, что «одним из признаков, указывающих на возможность коррупционной составляющей в деятельности эксперта, является несоблюдение установленного порядка проведения экспертизы, поскольку заключение эксперта является доказательством в уголовном судопроизводстве (ч. 3 ст. 74

⁴ «Надо отдать должное руководителю бюро, который был инициатором обращения в органы». Силовики Татарстана про «рак за 300 тысяч», проверки в минцифре и минэкологии и деле Ильдуса Касьмова // Бизнес Online. URL: <https://www.business-gazeta.ru/article/448487>.

⁵ Вечный зам минэкологии Татарстана «засыпался» на песке? // Реальное время. URL: <https://realnoevremya.ru/articles/142641-pervyy-zamministra-ekologii-tatarstana-ushel-iz-za-skandala>.

⁶ Яковлева Ю. Суд оштрафовал теперь второго заместителя министра экологии Татарстана Рустема Камалова за создание административных барьеров бизнесу // KazanFirst. URL: <https://kazanfirst.ru/articles/342481>.

⁷ ООО «ЭЦЭСП» // Чекко: проверка контрагентов. URL: <https://checko.ru/company/ehchesp-1191690069075>.

⁸ О государственной гражданской службе Российской Федерации: федеральный закон от 27.07.2004 № 79-ФЗ: ред. от 08.06.2020 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2004. № 31. Ст. 3215.

УПК РФ), и самым непосредственным образом влияет на разрешение уголовного дела» [11, с. 34].

Объект посягательства должностных преступлений – отношения, обеспечивающие нормальную работу органов государства и органов местного самоуправления. При наличии подозрений, что эксперт является соучастником коррупционного преступления, следует обращать внимание на сбои в делопроизводстве, функционировании определенного органа государственной власти. Эти сбои и нарушения функционирования являются теми обстоятельствами, которые должны привлекать к себе внимание органов, чья функция – выявление преступлений рассматриваемого вида. Сбои в делопроизводстве и нарушения функционирования органа государственной власти должны устанавливаться и закрепляться в качестве доказательств уже на начальном этапе предварительного расследования. И если этого не сделать на этапе предварительного расследования, то это существенно затруднит выявление такого рода преступлений.

Как правило, эксперт привлекается на стадии судебного производства (ст. 17 Уголовно-процессуального кодекса РФ (далее – УПК РФ))⁹. Но и стадия предварительного расследования допускает привлечение экспертов, в частности, об этом говорят нормы ст. 6 и 17 закона об «Оперативно-розыскной деятельности». Фактически следует привлекать таких экспертов, которые смогут выявить недостатки (преступления) в деятельности других экспертов.

2. Создание в стране единой автоматизированной межведомственной системы принятия заявок в правоохранительные органы от граждан о фактах коррупции с последующим распределением их в соответствующий орган согласно нормам УПК РФ или Кодекса об административных правонарушениях РФ (далее – КоАП РФ).

Аналогичная возможность реализована в Республике Татарстан на сайте «Услуги.Татарстан.ру». Данная интернет-платформа курируется Уполномоченным по правам человека в РТ¹⁰, соответственно, главным недостатком указанной возможности является посредничество при передаче информации о фактах коррупции, когда информация о коррупции не сразу попадает в правоохранительные органы. Другим минусом текущего варианта системы является необходимость обязательного прикрепления некоей фотографии, адреса совершения коррупционного преступления.

3. Необходимость исключения создания дополнительных органов, структур по борьбе с коррупционными преступлениями и правонарушениями и их профилактике.

Примером создания дополнительных структур является созданная в Татарстане Комиссия по координации работы по противодействию коррупции в Республике Татарстан¹¹, которая является постоянно действующим

координационным органом при президенте Республики Татарстан. В состав данной комиссии входят главы МВД, ФСБ, прокуратуры, Следственного комитета РФ по Республике Татарстан, отдельные министры, некоторые главы муниципальных образований, руководители структурных подразделений аппарата главы Республики Татарстан. Получается, что представители региональных органов исполнительной власти в рамках деятельности данной комиссии потенциально могут давать указания федеральным правоохранительным органам и априори быть чистыми от коррупционных проявлений? Действующие федеральные законы прямо запрещают какое-либо стороннее вмешательство в деятельность правоохранительных органов. Однако непонятны критерии отбора и допуска в состав данной комиссии.

Полагаем, что необходимо пересмотреть вопрос о деятельности Комиссии по координации работы по противодействию коррупции в Республике Татарстан, поскольку члены комиссии, не являющиеся представителями правоохранительных органов, потенциально могут прикрывать коррупционеров или сами могут выступать коррупционерами, решая вопросы привлечения или непривлечения к ответственности каждого из чиновников, выбирая меру ответственности для чиновника (дисциплинарная – когда информация не доходит до правоохранительных органов, уголовная – когда информация доходит до правоохранительных органов).

4. Необходимость исключения создания излишней документации по борьбе с коррупционными преступлениями и правонарушениями и их профилактике.

Ст. 13.3 закона «О противодействии коррупции»¹² обязывает организации разрабатывать и принимать меры по предупреждению коррупции, в ней также указаны возможные документы, которые может разработать организация. Министерством труда и социальной защиты РФ в ноябре 2013 года изданы Методические рекомендации по предупреждению и противодействию коррупции. При этом отсутствует законодательно установленная ответственность за отсутствие необходимой документации. В связи с этим необходимо исключить из ст. 13.3. закона «О противодействии коррупции» обязанность для организаций разрабатывать антикоррупционные документы, сохранив рекомендательный характер данных действий.

Разработка алгоритма сбора и обработки информации о коррупционных правонарушениях и преступлениях

Представим алгоритм сбора и обработки информации о коррупционных правонарушениях и преступлениях, позволяющий снизить латентность коррупции в органах власти и управления (рис. 1).

На текущий момент возможность приема заявок об известных заявителю фактах коррупции реализована через личное обращение заявителя либо через интернет-приемную соответствующего правоохранительного

⁹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 18.12.2001 № 174-ФЗ: ред. от 24.04.2020, с изм. от 09.07.2020 // Российская газета. 2001. № 249.

¹⁰ Рустам Минниханов передал «Народный контроль» уполномоченному по правам человека РТ // Бизнес Online. URL: <https://www.business-gazeta.ru/article/82435>.

¹¹ Комиссия по координации работы по противодействию коррупции в Республике Татарстан // Официальный Татар-

стан. URL: <https://anticorruption.tatarstan.ru/anticorruption/members.htm>.

¹² О противодействии коррупции: федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ: ред. от 24.04.2020 // Консультант-Плюс: справочно-правовая система. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82959/.

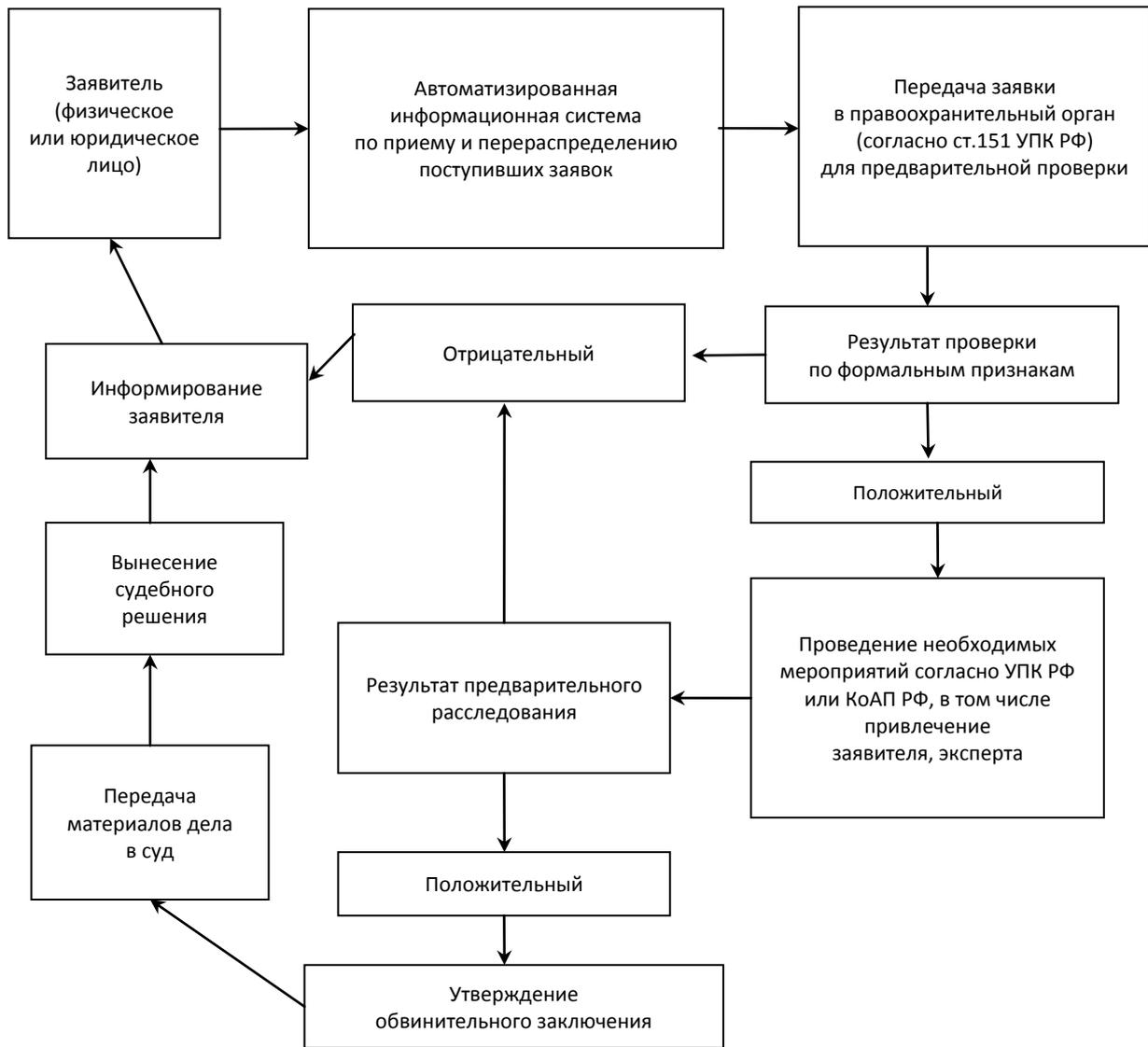

Рис. 1. Алгоритм сбора и обработки информации о коррупционных правонарушениях и преступлениях, позволяющий снизить латентность коррупции в органах власти и управления

органа. Предлагаемая нами на рис. 1 схема приема и обработки обращений о коррупционных правонарушениях и преступлениях представляет собой открытую информационную платформу документооборота между правоохранительными органами, где наглядно будет отображаться информация следующего характера:

- количество поданных обращений всего (Всего обращений);
- количество обращений всего, находящихся в работе, в том числе с указанием количества заявок, находящихся отдельно в каждом из правоохранительных органов (Обращений в работе);
- количество заявок, отклоненных на стадии предварительной проверки заявки по формальным признакам (Обращений отклонено сразу);
- количество заявок, отклоненных по результатам судебного производства (Обращений отклонено после);
- количество положительно рассмотренных заявок всего, в том числе с указанием количества заявок, в отношении которых коррупционеры привлечены к уголовной ответ-

ственности, к административной ответственности, к дисциплинарной ответственности (Обращения удовлетворены).

Количество обращений можно перепроверить с помощью формулы:

$$\text{ОКПЗ} = \text{ОвР} + \text{ООС} + \text{ООП} + \text{ОУ},$$

где ОКПЗ – общее количество поданных заявок;
 ОвР – обращений в работе;
 ООС – обращений отклонено сразу;
 ООП – обращений отклонено после;
 ОУ – обращения удовлетворены.

Формальные признаки предварительной проверки заявки следует проводить с учетом норм КоАП РФ и УК РФ (таблица 1). Отметим, что органы прокуратуры к административным правонарушениям коррупционной направленности относят только две статьи КоАП РФ – 19.28, 19.29 [20].

Наличие большинства формальных признаков дает основания направить обращение заявителя в соответ-

Таблица 1. Формальные признаки предварительной проверки заявки о коррупции

Возможное наказание для коррупционера		Формальные признаки проверки сообщения заявителя
КоАП РФ (отдельные статьи коррупционного характера)	Статья 19.28	Наличие данных, позволяющих идентифицировать юридическое лицо или его представителя (инициатора передачи материальных и нематериальных благ и/или услуг), и/или данных о должностном лице, лице, выполняющем управленческие функции в организации
	Статья 19.29	Наличие данных о действующем или бывшем чиновнике, получающем дополнительные доходы не от научной, не от образовательной, не от творческой деятельности
УК РФ	Статьи 290, 291, 291.1, 291.2, 159, 160, 184, 200.5, 204, 204.1, 204.2, 292, 304 УК РФ*	Проверка наличия состава преступления по статьям 8, 29, 31 Общей части УК РФ и по статьям Особенной части УК РФ

* О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях: Постановление Пленума Верховного суда РФ № 24 от 09 июля 2013 г. (с изменениями, внесенными постановлениями Пленума от 3 декабря 2013 г. № 33 и от 24 декабря 2019 г. № 59).

вующий правоохранительный орган для проведения предварительного расследования.

Приведем примеры не соответствующих формальным признакам сообщений, не позволяющих идентифицировать субъектов правонарушения или преступления: «в таком-то министерстве, в таком-то городе берут взятки», «у нас плохие дороги, значит, деньги разворовываются из бюджета», «я считаю, что Иванов как сотрудник банка крадет оттуда деньги, потому что он хорошо живет» и т. п.

Обращение заявителя об известном ему факте коррупции в обязательном порядке (помимо данных о самом заявителе) должно содержать следующие элементы:

а) наличие минимум одного субъекта коррупционной сделки, которого можно идентифицировать (данные о юридическом лице, чиновнике, включая внешние признаки);

б) источник информации о коррупционной сделке: «увидел лично», «услышал лично», «услышал через третьих лиц», «являюсь участником данной коррупционной сделки в качестве... (взяткодателя, взяткополучателя и др.)», «прочитал», «нашел», «обнаружил» и т. п.;

в) дату получения информации о коррупционной сделке: конкретная либо примерная дата (в зависимости от сути сообщения);

г) дату совершенной или предполагаемой коррупционной сделки;

д) место совершенной или предполагаемой коррупционной сделки;

е) иные сведения и документы, позволяющие установить факт совершенной или планируемой коррупционной сделки;

ж) подтверждение заявителя, что он ознакомлен с информацией о том, что в случае сообщения заявителем заведомо ложной информации в отношении него может быть возбуждено уголовное дело по ст. 306 УК РФ.

Информация о заявителе должна быть доступна только правоохранительным органам, имеющим доступ

к данной системе, но с учетом ограничений и запретов, в том числе установленных федеральными законами. Доступ к данной системе должны иметь одновременно Контрольное управление Президента Российской Федерации, руководители правоохранительных органов (прокуратура, Следственный комитет, ФСБ, МВД), руководители и сотрудники специализированных подразделений соответствующих правоохранительных органов. Ведомственным распределением поступивших заявок должно заниматься уполномоченное подразделение органов прокуратуры. Необходимо учитывать имеющуюся обязанность органов прокуратуры выявлять в СМИ информацию о состоянии законности в регионе¹³. При этом Контрольное управление Президента Российской Федерации должно осуществлять общий контроль и мониторинг¹⁴ поступивших и обработанных заявок через предлагаемую систему.

Сложно обеспечить конфиденциальность и безопасность заявителя в рамках предлагаемой автоматизированной системы (рис. 1), если в обращении заявитель сообщает о фактах коррупции в конкретном правоохранительном органе, имеющем доступ в эту систему. В данном случае универсальным решением будет обращение заявителя напрямую в органы прокуратуры.

Считаем, что предложенная нами схема приема обращений заявителей о фактах коррупции позволит снизить латентность коррупционных преступлений в органах власти и управления.

¹³ О взаимодействии органов прокуратуры со средствами массовой информации: Приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 23.10.2009 № 341 (ред. от 28.02.2014) // Консультант-Плюс: справочно-правовая система. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_107361/. (доступ по расписанию)

¹⁴ Указ Президента РФ от 08.06.2004 № 729 (ред. от 25.07.2014) «Об утверждении Положения о Контрольном управлении Президента Российской Федерации» // Консультант-Плюс: справочно-правовая система. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=166283&dst=100000001%2C0#03585634631591572>.

ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ И ВЫВОДЫ

Таким образом, комплексный подход в борьбе с коррупционными преступлениями заключается:

– в создании единой информационно-аналитической системы, позволяющей принимать обращения о готовящихся, совершенных коррупционных преступлениях, координировать деятельность правоохранительных структур в данном направлении;

– в обеспечении конфиденциальности и защиты заявителей (свидетелей) от преступных посягательств коррупционеров;

– в использовании преимуществ сети Интернет для получения открытых сведений, содержащих признаки коррупционных преступлений.

Предложенные автором мероприятия не требуют больших финансовых и временных затрат, направлены на координацию и повышение эффективности деятельности правоохранительных органов в борьбе с коррупционными преступлениями с использованием существующих возможностей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Тамазов Э.И. Латентность коррупционных преступлений, совершаемых сотрудниками органов внутренних дел в сфере охраны общественного порядка // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского Юридические науки. 2019. Т. 5. № 1. С. 336–344.
2. Bereziuk S., Yaremchuk N. Corruption as a destructive factor of economic development // *The Scientific Heritage*. 2020. № 47-6. P. 11–21.
3. Волков А.А., Волков А.П. Коррупция в высших учебных заведениях Российской Федерации: поиск путей устранения // Вестник Екатеринбургского института. 2020. № 3. С. 109–117.
4. Кобец П.Н. Международное сотрудничество «Группы двадцати» по предупреждению коррупции: диалектика развития // Актуальные проблемы экономики и права. 2021. Т. 15. № 1. С. 94–105.
5. Фролова О.В., Фролов В.В. Организованная преступность и коррупция в России: проблемы противодействия // *Инновации. Наука. Образование*. 2021. № 25. С. 102–107.
6. Кязимов М.С., Алиев Н.К. Эффективное противодействие коррупции и теневой экономики – главное условие экономической безопасности каждого государства // *Теневая экономика*. 2019. Т. 3. № 4. С. 245–251.
7. Шевердяев С.Н. Проблемы противодействия муниципальной коррупции, затрагивающей предпринимателей // *Право и экономика*. 2017. № 10. С. 5–14.
8. Скобликов П.А. Коррупционные и иные нарушения при рассмотрении обращений граждан. Возможные меры предупреждения // *Законодательство*. 2019. № 1. С. 59–70.
9. Хабриева Т.Я. Социальный контроль и противодействие коррупции // *Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения*. 2017. № 4. С. 5–10.
10. Мухамадиева Д.Н. Цифровизация против коррупции. Возникновение е-коррупции // Вестник Самар-

ского государственного экономического университета. 2019. № 1. С. 9–13.

11. Федюнин А.Е., Алферов В.Ю. Выявление коррупционных преступлений в экспертно-криминалистических учреждениях органов внутренних дел // Вестник Московского университета им. С.Ю. Витте. Серия 2: Юридические науки. 2015. № 2. С. 33–38.
12. Аминов Д.И., Багмет А.М., Бычков В.В., Эриашвили Н.Д. Квалификация деяния: Тактика и методика расследования коррупционных преступлений. Настольная книга следователя. М.: Юнити, 2015. 319 с.
13. Подольная Н.Н. Основы алгоритмизации выявления, раскрытия и расследования должностных преступлений коррупционной направленности // *Наука. Общество. Государство*. 2020. Т. 8. № 1. С. 139–147.
14. Миролубов С.Л. К вопросу о предпосылках использования результатов оперативно-розыскной деятельности при расследовании преступлений экономической направленности // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2014. № 1. С. 60–63.
15. Григорьева М.А., Ларинков А.А. Проблемы уголовного преследования за совершение преступлений коррупционной направленности // *Российский следователь*. 2017. № 1. С. 11–15.
16. Габоев Н.В. Механизмы совершения коррупционных преступлений при формировании и расходовании средств дорожных фондов // Научный портал МВД России. 2020. № 1. С. 86–93.
17. Быковская Ю.В., Сафохина Е.А. Выявление коррупционных преступлений в сфере закупок для государственных и муниципальных нужд. М.: Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2018. 103 с.
18. Фазлиева Л.К., Хисамутдинова Э.Н. Проблемы правового регулирования, обуславливающие наличие коррупционного фактора в сфере закупок для государственных нужд // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2020. № 2. С. 103–108.
19. Панкратов А.Ю., Слепнева Э.И. Привлечение к ответственности за дисциплинарные проступки и коррупционные правонарушения. Казань: Управление Президента Республики Татарстан по вопросам антикоррупционной политики, 2017. 38 с.
20. Илий С. Деятельность органов Прокуратуры Российской Федерации по административному преследованию физических и юридических лиц за совершение коррупционных правонарушений // *Актуальные проблемы экономики и права*. 2016. № 4. С. 27–44.

REFERENCES

1. Tamazov E.I. Latency of corruption crimes committed by employees of internal affairs officers in the sphere of protection of public order. *Uchenye zapiski Krymskogo federalnogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo Yuridicheskie nauki*, 2019, vol. 5, no. 1, pp. 336–344.
2. Bereziuk S., Yaremchuk N. Corruption as a destructive factor of economic development. *The Scientific Heritage*, 2020, no. 47-6, pp. 11–21.
3. Volkov A.A., Volkov A.P. Corruption in higher education institutions of the Russian federation: finding ways

- to eliminate it. *Vestnik Ekaterininskogo instituta*, 2020, no. 3, pp. 109–117.
4. Kobets P.N. International cooperation of G20 in preventing corruption: dialectics of development. *Aktualnye problemy ekonomiki i prava*, 2021, vol. 15, no. 1, pp. 94–105.
 5. Frolova O.V., Frolov V.V. Organized criminality and corruption in Russia: the problems of countering. *Innovatsii. Nauka. Obrazovanie*, 2021, no. 25, pp. 102–107.
 6. Kyazimov M.S., Aliev N.K. Effective counteraction to corruption and the shadow economy as the main condition for the economic security of each state. *Tenevaya ekonomika*, 2019, vol. 3, no. 4, pp. 245–251.
 7. Sheverdyayev S.N. Issues of countering the municipal corruption affecting entrepreneurship. *Pravo i ekonomika*, 2017, no. 10, pp. 5–14.
 8. Skoblikov P.A. Corruption and other violations in the consideration of the appeal of citizens. Possible preventive measures. *Zakonodatelstvo*, 2019, no. 1, pp. 59–70.
 9. Khabrieva T.Ya. Social control and anti-corruption. *Zhurnal zarubezhnogo zakonodatelstva i sravnitel'nogo pravovedeniya*, 2017, no. 4, pp. 5–10.
 10. Mukhamadieva D.N. Digitalization against corruption. Emergence of e-corruption. *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta*, 2019, no. 1, pp. 9–13.
 11. Fedyunin A.E., Alferov V.Yu. Identification of corruption crimes in forensic bodies. *Vestnik Moskovskogo universiteta im. S.Yu. Vitte. Seriya 2: Yuridicheskie nauki*, 2015, no. 2, pp. 33–38.
 12. Aminov D.I., Bagmet A.M., Bychkov V.V., Eriashvili N.D. *Kvalifikatsiya deyaniya: Taktika i metodika rassledovaniya korruptsionnykh prestupleniy. Nastol'naya kniga sledovatelya* [Classification of actions: Tactics and methods of corruption crimes investigation. Crime investigator handbook]. Moscow, Yuniti Publ., 2015. 319 p.
 13. Podolnaya N.N. Fundamentals of detection, disclosure and investigation of crimes of corruption orientation algorithmization. *Nauka. Obshchestvo. Gosudarstvo*, 2020, vol. 8, no. 1, pp. 139–147.
 14. Mirolyubov S.L. Concerning the issue of prerequisites for using the results of criminal intelligence when investigating the economic crimes. *Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii*, 2014, no. 1, pp. 60–63.
 15. Grigoreva M.A., Larinkov A.A. Issues of criminal prosecution for commission of corruption offenses. *Rossiyskiy sledovatel*, 2017, no. 1, pp. 11–15.
 16. Gaboev N.V. Mechanisms for committing corruption crimes in the formation and expenditure of road funds. *Nauchnyy portal MVD Rossii*, 2020, no. 1, pp. 86–93.
 17. Bykovskaya Yu.V., Safokhina E.A. *Vyyavlenie korruptsionnykh prestupleniy v sfere zakupok dlya gosudarstvennykh i munitsipalnykh nuzhd* [Identification of corruption crimes in the sphere of procurements for national and local needs]. Moscow, Moskovskiy universitet MVD Rossii imeni V.Ya. Kikotya Publ., 2018. 103 p.
 18. Fazlieva L.K., Khisamutdinova E.N. The problems of legal regulation causing the presence of a corruption factor in the field of procurement for state needs. *Vestnik Ufimskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii*, 2020, no. 2, pp. 103–108.
 19. Pankratov A.Yu., Slepneva E.I. *Privlechenie k otvetstvennosti za distsiplinarnye prostupki i korruptsionnye pravonarusheniya* [Bringing to responsibility for disciplinary offences and corruption crimes]. Kazan, Upravlenie Prezidenta Respubliki Tatarstan po voprosam antikorrupcionnoy politiki Publ., 2017. 38 p.
 20. Iliy S. Activity of the prosecutor's office bodies of the Russian Federation for administrative prosecution of physical and juridical persons for corruption law breaches. *Aktualnye problemy ekonomiki i prava*, 2016, no. 4, pp. 24–44.

MECHANISMS FOR REDUCING THE LATENCY OF CORRUPTION CRIMES ON THE EXAMPLE OF THE REPUBLIC OF TATARSTAN

© 2021

A.V. Ramazanov, PhD (Economics), Associate Professor, senior lecturer of Chair of Civil Law Disciplines
Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Kazan (Russia)

Keywords: latency of corruption crimes; corruption combating; corruption preventive measures; corruption in the Republic of Tatarstan.

Abstract: The author describes the conditions and peculiarities of committing corruption-related offenses in the territory of the Republic of Tatarstan and proposes universal methods and tools for detecting corruption crimes in government and management bodies. The paper reflects possible ways to reduce the latency of corruption crimes, among which the author highlights the strengthening of theoretical and legal training of law enforcement officers, the involvement of experts at the stage of a preliminary investigation, the exclusion of the creation of additional structures, bodies, documents in the fight against corruption offenses and crimes. To reduce corruption risks, the author proposes to introduce an open information system of document flow between the law enforcement agencies for receiving appeals about the facts of corruption offences and crimes. The issue of confidentiality and protection of an applicant remains open if the appeal concerns corruption in law enforcement agencies. The author proposes other methods of detecting corruption crimes in government and management bodies by improving operational and investigative activities. The author proposed to supplement part 3.1 of Article 17 of the law “Concerning the State Civil Service” with the words both about the possible business activities (including the activities of a self-employed) of a former state civil servant and the prohibition of such activities for his/her close relatives to exclude the jobbery. It is proposed article 13.3 of the law “Concerning Combating Corruption” should exclude the obligation for organizations to develop anti-corruption documents while maintaining the advisory nature of these actions since the current legislation does not provide for liability for the absence of such documents.

ОТКАЗ ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБВИНИТЕЛЯ ОТ ОБВИНЕНИЯ

© 2021

В.Ю. Стельмах, кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного процесса
Уральский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, Екатеринбург (Россия)

Ключевые слова: уголовное судопроизводство; судебные стадии; прокурор; государственный обвинитель; вышестоящий прокурор; отказ от поддержания обвинения.

Аннотация: Действующий российский уголовно-процессуальный закон предусматривает возможность отказа государственного обвинителя от поддержания обвинения, что влечет обязательное прекращение уголовного преследования. Вместе с тем некоторые процессуальные аспекты отказа от поддержания обвинения регламентированы неполно, что вызывает затруднения в правоприменительной практике. В работе кратко проанализирована правомерность внедрения компромиссных начал в уголовное судопроизводство, поскольку отказ от уголовного преследования зачастую интерпретируется как частный случай компромисса. Автор аргументирует, что компромисс подходит для деятельности, базирующейся на диспозитивности и частных началах (гражданского судопроизводства), однако не может быть движущей силой уголовного судопроизводства, имеющего публично-правовой характер и направленного на достижение истины об обстоятельствах совершенного преступления. Рассматривается возможность в рамках действующего законодательства воспрепятствовать принятию необоснованного решения об отказе от поддержания обвинения. Анализируется возможность обращения потерпевшего к вышестоящему прокурору, а также самостоятельное осуществление уголовного преследования потерпевшим. Констатируется, что действующий закон в части регламентации отказа от поддержания обвинения не в полной мере соответствует назначению и социальной направленности уголовного судопроизводства. В связи с этим анализируются подзаконные акты Генерального прокурора Российской Федерации, упорядочивающие данную процедуру и предусматривающие необходимость получить предварительное согласие от прокурора, утвердившего обвинительное заключение. Делается вывод о необходимости корректировки закона в целях оптимизации регламентации отказа от поддержания обвинения, формулируются конкретные предложения.

ВВЕДЕНИЕ

Отказ государственного обвинителя от обвинения, его правовая сущность и процессуальный порядок недостаточно изучены в уголовно-процессуальной науке. Несмотря на то, что отдельные аспекты данного правового явления активно обсуждались в научной литературе [1–3], остаются неразработанными существенные вопросы, прежде всего о процессуальных средствах предотвращения принятия необоснованного решения. Эта проблематика обсуждалась в общем виде [4–6]. Не в полной мере исследованы возможности участия вышестоящего прокурора в принятии решения об отказе от обвинения [7–9]. Такое состояние дел создает предпосылки для нарушения субъективных прав граждан [10], невыполнения целей уголовного судопроизводства [11–13].

Цель работы – изучение правовой природы отказа государственного обвинителя от поддержания обвинения, выявление возможности или невозможности повлиять на это решение

МЕТОДИКА ПРОВЕДЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ

В работе проанализировано соотношение конкретного уголовно-процессуального явления с более общим феноменом – состязательностью уголовного судопроизводства. Уделено внимание предлагаемой в науке модели компромисса в уголовно-процессуальной деятельности. Изучены полномочия государственного обвинителя и вышестоящего прокурора. На базе сопоставления отказа от поддержания обвинения с этими явлениями сделаны выводы о правовой сущности отказа от обвинения и порядке принятия данного решения.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЙ

Отказ прокурора от обвинения и состязательность уголовного судопроизводства

Судебные стадии российского уголовного процесса построены по состязательному типу. Обвинение по делам публичного и частно-публичного обвинения поддерживают представители органов прокуратуры, причем в ходе судебного разбирательства участвующий в нем прокурор наделяется статусом государственного обвинителя. Одним из решений, которые государственный обвинитель вправе принять, является отказ от дальнейшего поддержания государственного обвинения.

Следует отметить, что в момент принятия Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) доминировали представления об абсолютном характере состязательности. Она, в отличие от советского периода, рассматривалась не как средство достижения главной цели – установления истины по делу, а как самоценность [13]. Значение и роль состязательности в уголовном судопроизводстве представляет собой тему отдельного исследования, применительно же к настоящей работе необходимо ограничиться констатацией того, что абсолютизация состязательности обусловила конструирование в УПК РФ весьма неоднозначных процессуальных механизмов. Одним из них являлся порядок участия прокурора (государственного обвинителя) в судебном разбирательстве при рассмотрении дела по существу, то есть в суде первой инстанции.

Начнем с того, что первые редакции УПК РФ предусматривали участие исключительно государственного обвинителя, то есть сотрудника прокуратуры, которому поручено поддерживать обвинение по конкретному

уголовному делу. Такая нормативная конструкция в принципе не оставляла места для вышестоящего прокурора, которому оставалась роль стороннего наблюдателя за деятельностью своего подчиненного при поддержании обвинения.

Весьма показательно, как на теоретическом уровне объяснялось фактическое отстранение вышестоящего прокурора от любого участия в рассмотрении дела. Говорилось, что государственный обвинитель в ходе судебного разбирательства может заключить некоторые компромиссные договоренности со сторонами (разумеется, прежде всего со стороной обвинения), а вышестоящий прокурор в результате своего вмешательства может эти договоренности разрушить. Таким образом, фактически признавался субъективный и не вполне легальный характер подобных договоренностей, то, что главное условие их существования – не выверенная и соответствующая закону позиция, а прежде всего какие-то личные договоренности, своего рода «обмен». Не учитывался и совершенно неравноценный с социальной точки зрения характер такого обмена. Если обвиняемый шел лишь на то, чтобы признать свою вину в содеянном, то есть не терял ничего сверх того, что он и должен был потерять по закону, то сторона обвинения частично отказывалась от уголовного преследования за реально совершенное преступление. В результате подобных действий нарушались принципы законности и неотвратимости уголовной ответственности, игнорировались социально важные интересы потерпевшего и государства.

Компромиссные начала в уголовном судопроизводстве

Совершенно очевидно, что в основе приведенных обоснований лежит гипертрофированно понимаемая идея компромисса в уголовном судопроизводстве, когда вся уголовно-процессуальная деятельность рассматривается не как единое движение, направленное на достижение социально значимого результата (установление обстоятельств совершения преступления, правильную квалификацию действий обвиняемого и назначение ему адекватного и справедливого наказания), а как конгломерат автономных взаимоотношений официальных представителей стороны обвинения (органов предварительного расследования и прокуратуры) и стороны защиты (обвиняемого и его защитника), которые якобы должны стремиться к достижению устраивающих обе стороны согласованных договоренностей.

Представляется, однако, что идея компромисса в уголовном судопроизводстве если и допустима, то в весьма скромных масштабах и сугубо в отдельных вопросах, но уж точно она не может претендовать на роль главной движущей силы уголовного процесса. Компромисс легко и естественно укладывается в рамки диспозитивной деятельности с главенствующими частными началами; таким, в частности, является гражданское судопроизводство, направленное на решение конфликтов, не представляющих общественной опасности. Уголовное судопроизводство имеет существенно отличающееся социальное назначение. По своей правовой природе оно представляет собой реакцию государства на совершенное преступление, то есть общественное опасное деяние, угрожающее не только конкретному

потерпевшему, но потенциально – всему обществу [14]. Поэтому уголовное судопроизводство должно быть направлено на установление обстоятельств совершения преступления, независимо от каких-либо компромиссов между органами уголовного преследования и стороной защиты. Те же «льготные» правила, которые имеются в уголовно-процессуальном законе (например, возможность прекращения уголовного дела по нереабилитирующим обстоятельствам, гарантированное снижение срока наказания при выполнении условий досудебного соглашения о сотрудничестве), в своей основе имеют не компромисс, а снисхождение, то есть учет официальными органами уголовного судопроизводства позитивного постреступного поведения обвиняемого и определенное его «прощение» (полностью, как при прекращении уголовного дела, либо частично, как при уменьшении размера наказания). Важным отличием модели снисхождения от модели компромисса является то, что общественные ценности, олицетворяемые сторонами, признаются неравными друг другу.

Правовая сущность отказа государственного обвинителя от обвинения

Вместе с тем некоторые механизмы, укладываемые в логику компромисса, остаются в уголовном судопроизводстве, причем их существование в нынешнем виде вызывает большие вопросы [15].

Одним из таких механизмов является порядок отказа государственного обвинителя от обвинения. Следует отметить, что сама по себе законодательно закрепленная возможность отказа от обвинения, безусловно, не несет ничего негативного. Такое право позволяет ускорить принятие по делу законного решения и способности субъективные права лица, необоснованно подвергающегося уголовному преследованию [16]. Н.Ю. Решетова справедливо отмечает: «Если государственный обвинитель активно и профессионально участвовал в исследовании доказательств, принял все возможные и допустимые законом меры по восполнению недостатков предварительного следствия, его отказ от обвинения не только будет подтверждать объективность избранной позиции и свидетельствовать об отсутствии у него предвзятости и обвинительного уклона, но и послужит одним из эффективных средств прокурорского контроля за качеством предварительного расследования» [17, с. 47]. Однако конкретное воплощение этой возможности в УПК РФ вызывает серьезные вопросы.

Основания и порядок отказа государственного обвинителя от обвинения

Основанием для отказа от обвинения является сформировавшееся в ходе судебного разбирательства у государственного обвинителя убеждение в том, что представленные доказательства не подтверждают предъявленное подсудимому обвинение (ч. 7 ст. 248 УПК РФ). В.С. Шадрин отмечает, что «отказ государственного обвинителя от обвинения означает его несогласие с выдвинутым по уголовному делу обвинением, его отрицательную оценку результатов осуществлявшегося в отношении обвиняемого уголовного преследования» [18, с. 59].

Необходимо учитывать, что УПК РФ по буквальному смыслу относит принятие решения об отказе от обвинения к исключительной компетенции государственного

обвинителя. Вместе с тем приказом Генерального прокурора Российской Федерации этот порядок несколько скорректирован, причем данная корректировка целиком соответствует духу закона, поскольку учитывает особенности организационного построения и функционирования органов прокуратуры и не противоречит назначению и принципам уголовного судопроизводства. В соответствии с п. 8 приказа Генерального прокурора Российской Федерации от 25 декабря 2012 года № 465 «Об участии прокуроров в судебных стадиях уголовного судопроизводства», если в качестве государственного обвинителя участвует прокурор, утвердивший обвинительное заключение, он самостоятельно принимает решение об отказе от обвинения. В остальных случаях государственный обвинитель обязан доложить прокурору, поручившему поддерживать государственное обвинение. В случае согласия с позицией государственного обвинителя прокурор дает ему указание отказаться от обвинения. Если прокурор полагает, что оснований для отказа от обвинения не имеется, он решает вопрос о замене государственного обвинителя либо поддерживает обвинение лично. Генеральный прокурор Российской Федерации обращает при этом внимание на недопустимость оказания любого давления со стороны прокурора на государственного обвинителя, принуждения его к отстаиванию выводов органов предварительного расследования, не подтвержденных исследованными в ходе судебного разбирательства доказательствами.

Отказ государственного обвинителя от обвинения должен быть мотивированным и должен быть заявлен суду в письменной форме (абз. 2 п. 7 приказа Генерального прокурора Российской Федерации от 25 декабря 2012 года № 465 «Об участии прокуроров в судебных стадиях уголовного судопроизводства»). Именно письменная форма позволяет четко зафиксировать факт и мотивы отказа от поддержания обвинения. При этом следует отметить, что правила, изложенные в приказе Генерального прокурора Российской Федерации, строго говоря, для суда не обязательны, и суд не должен проверять выполнение предписанного порядка.

Суд должен рассмотреть отказ государственного обвинителя с участием сторон обвинения и защиты на основании исследования всех материалов дела, касающихся позиции государственного обвинителя [19]. Исходя из этого, суд обязан принять отказ государственного обвинителя от обвинения и не вправе признать подсудимого виновным по той части обвинения, по которой произошел отказ [20]. Вместе с тем решение суда может быть принято только после завершения исследования доказательств в условиях состязательности (п. 20 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2017 года № 51 «О практике применения законодательства при рассмотрении уголовных дел в суде первой инстанции (общий порядок судопроизводства)»). Возможность принятия отказа прокурора от обвинения только после завершения исследования справедливо интерпретируется в науке как то, что отказ может быть заявлен исключительно после завершения судебного следствия [21; 22].

Вместе с тем, и это главное, позиция потерпевшего, несогласного с отказом государственного обвинителя от обвинения, не имеет юридического значения. Даже

если суд завершит исследование всех доказательств, полный отказ государственного обвинителя от обвинения в любом случае влечет прекращение уголовного дела полностью, а частичный – в соответствующей части. Потерпевший, таким образом, лишается права на доступ к правосудию.

Возможность предотвращения необоснованного отказа государственного обвинителя от обвинения

Возникает вопрос, каким образом можно предотвратить необоснованный отказ прокурора от обвинения. Очевидно, что суд лишен каких-либо возможностей для этого. Даже усматривая необоснованность отказа прокурора от обвинения, он вынужден принять такой отказ и, соответственно, прекратить уголовное дело. Безусловно, такое положение в определенной мере нарушает самостоятельность суда, поскольку обязывает суд выполнять волю не просто одной из сторон, а одного представителя этой стороны, без учета мнений других представителей этой же стороны.

С одной стороны, вряд ли можно согласиться с тем, что решение прокурора об отказе от обвинения можно приравнять к ходатайству перед судом. Очевидно, что рассматриваемое решение все же носит иную природу. Однако и настоящее состояние, когда данное решение практически не имеет механизмов опротестования и изменения, далеко не оптимально.

Возможности потерпевшего помешать отказу от обвинения в рамках действующего нормативного регулирования являются сугубо теоретическими. Представляется, что потерпевший вправе обратиться к вышестоящему прокурору, если полагает, что позиция государственного обвинителя направлена на отказ от обвинения. В свою очередь, вышестоящий прокурор должен заслушать государственного обвинителя и, при подтверждении его планов необоснованно отказаться от обвинения, принять меры к замене государственного обвинителя. Очевидной слабостью предлагаемого порядка является то, что государственный обвинитель не должен предварительно информировать участников уголовного судопроизводства о своем отказе от обвинения. Соответственно, потерпевший узнает об этом решении только в момент его провозглашения, когда обращение к вышестоящему прокурору не имеет смысла.

Вышестоящий прокурор не вправе отменить решение государственного обвинителя. Таким образом, после его объявления в суде это решение принимает необжалуемый и неотменяемый характер (за исключением случаев, когда оно отменяется вместе с постановлением о прекращении дела).

Представляется весьма утопичным предоставление потерпевшему права на самостоятельное осуществление уголовного преследования обвиняемого после отказа государственного обвинителя от обвинения (заявление и поддержание субсидиарного уголовного иска). Это право противоречит публичному характеру уголовного судопроизводства, а его фактическая реализация крайне затруднительна в силу отсутствия у потерпевшего властных полномочий и юридических познаний. Превращение же уголовного судопроизводства в состязание двух адвокатов (защитника и представителя потерпевшего), при устранении от участия органа прокуратуры, полностью противоречит смыслу уголовного процесса.

Единственная возможность хоть каким-то образом воздействовать на государственного обвинителя – привлечь его к дисциплинарной ответственности, что, разумеется, никак не сказывается на решении по существу уголовного дела.

При этом отказ государственного обвинителя от обвинения обязателен только для суда первой инстанции. Он может быть преодолен судом апелляционной или кассационно-надзорной инстанции по жалобе потерпевшего. Судебная практика в данном вопросе только формируется, и говорить о ее стабилизации крайне преждевременно, но отдельные решения уже принимаются судами субъектов Российской Федерации¹. Таким образом, отказ государственного обвинителя от обвинения может быть признан незаконным только одновременно с признанием незаконным всего решения суда первой инстанции.

Представляется, что необходимо закрепить в УПК РФ следующие правила:

- обязанность государственного обвинителя сообщить в судебном заседании о намерении отказаться от обвинения;
- право участников судебного разбирательства обратиться с жалобой к вышестоящему прокурору на решение государственного обвинителя;
- обязательность утверждения решения об отказе от обвинения прокурором, утвердившим обвинительное заключение.

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

В настоящей работе проведено исследование не изученных в научной литературе аспектов такого правового явления, как отказ государственного обвинителя от обвинения. Автор приходит к выводу, что отказ от обвинения не может расцениваться как компромисс между сторонами обвинения и защиты. Его правовая природа принципиально иная, он обусловлен убежденностью государственного обвинителя в невиновности подсудимого в инкриминируемом деянии. Следовательно, отказ от государственного обвинения является выражением не столько состязательности, сколько публичности уголовного судопроизводства, он вызывается не личной позицией государственного обвинителя, а результатами исследования доказательств.

Однако в настоящее время решение об отказе от обвинения принимается государственным обвинителем, по сути, единолично. Государственный обвинитель при этом действует не столько от лица прокуратуры, сколько от себя лично.

В исследовании впервые анализировался вопрос о возможности обращения потерпевшего к вышестоящему прокурору для отмены решения государственного обвинителя, а также о полномочиях вышестоящего прокурора. На основе системного анализа закона сделан вывод о том, что возможность постановки перед вышестоящим прокурором вопроса о необходимости

отмены решения государственного обвинителя не запрещена, однако реальный механизм воплощения этого права отсутствует. Соответственно, в правоприменительной практике потерпевший не имеет возможности обратиться к вышестоящему прокурору. Такая законодательная конструкция была создана сознательно, для сведения к минимуму вмешательства вышестоящих прокуроров в деятельность государственного обвинителя. Однако на современном этапе развития данный подход утратил актуальность, он противоречит как независимости суда, так и назначению прокурора в уголовном судопроизводстве.

С учетом полученных результатов сделан вывод о необходимости значительных изменений нормативной конструкции отказа от государственного обвинения. Новый процессуальный порядок должен предусматривать открытый и гласный характер этой процедуры, предварительное извещение сторон о принимаемом решении, возможность обращения сторон к вышестоящему прокурору для обеспечения законности отказа от обвинения.

ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ

Таким образом, отказ государственного обвинителя от обвинения в целом не противоречит назначению уголовного судопроизводства. Однако отказ от обвинения не должен нарушать права участников уголовного судопроизводства и должен допускать возможность его эффективного обжалования. Действующая правовая конструкция таких возможностей не предоставляет, в ее рамках решение государственного обвинителя становится не только обязательным для суда и сторон, но и окончательным, не подлежащим какому-либо изменению. Это противоречит самостоятельности суда и может повлечь ущемление прав потерпевших. В силу отмеченных факторов требуется корректировка нормативной конструкции отказа государственного обвинителя от обвинения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Михайлов В.А. Право прокурора распоряжаться обвинением в суде и его пределы // Уголовная юстиция. 2013. № 1. С. 37–46.
2. Лавнов М.А. Современная модель отказа прокурора от обвинения и перспективы ее совершенствования в российском уголовном процессе // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2013. № 6. С. 204–208.
3. Леви А. Отказ государственного обвинителя от обвинения // Законность. 2006. № 6. С. 41–43.
4. Рябина Т.К. Спорные вопросы прекращения уголовного дела или уголовного преследования на предварительном слушании ввиду отказа прокурора от обвинения // Законность. 2017. № 12. С. 41–45.
5. Ковалева А.В. Значение института отказа прокурора от обвинения для установления объективной истины в уголовном процессе // Теория и практика общественного развития. 2016. № 10. С. 109–112.
6. Якимович Ю.К. Участие потерпевшего в уголовном преследовании // Уголовное судопроизводство. 2014. № 4. С. 17–20.

¹ Справка о работе Воронежского областного суда по рассмотрению уголовных дел в апелляционном порядке за 6 месяцев 2018 года // Воронежский областной суд. URL: <http://obsud.vrn.sudrf.ru/modules.php?name=document&id=446> (дата обращения: 11.01.2021 г.).

7. Бозров В.М., Попова Е.В. Отказ прокурора от обвинения // Российское право: образование, практика, наука. 2019. № 6. С. 46–52.
8. Бабаев С.Н. Некоторые аспекты отказа прокурора от поддержания государственного обвинения в суде первой инстанции // Судебная власть и уголовный процесс. 2012. № 1. С. 132–142.
9. Черкова М.Ю. Правовые последствия отказа прокурора от обвинения для потерпевшего и суда // Вестник Костромского государственного университета. 2017. Т. 23. № 4. С. 262–266.
10. Шишкин А.А. К вопросу о соответствии полномочий прокурора в отказе от обвинения конституционным принципу презумпции невиновности // Законность и правопорядок в современном обществе. 2011. № 6. С. 226–230.
11. Щербаков Ю. Отказ прокурора от обвинения: последствия для потерпевшего // Законность. 2002. № 2. С. 29–31.
12. Николаев А.В. Отказ прокурора от обвинения // Научный вестник Волгоградского филиала РАНХиГС. Серия: Юриспруденция. 2016. № 2. С. 55–57.
13. Дикарев И.С. Уголовный процесс – «тихая революция» сменилась реакцией // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5: Юриспруденция. 2013. № 3. С. 98–103.
14. Титов П.М. Некоторые проблемы законодательной регламентации уголовного судопроизводства по делам частного обвинения // Российская юстиция. 2019. № 6. С. 62–64.
15. Гизатуллин И.А. О некоторых уголовно-процессуальных нормах, ограничивающих реализацию принципа независимости судей // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2015. № 3. С. 100–106.
16. Иванова О.Г. Проблемы совершенствования процессуального положения потерпевшего в сфере уголовного судопроизводства // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 12. С. 199–205.
17. Решетова Н.Ю. Соотношение конституционного принципа независимости судей и отказа прокурора от обвинения // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2019. № 4. С. 45–52.
18. Шадрин В.С. Отказ государственного обвинителя от обвинения в современных условиях // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2016. № 3. С. 58–66.
19. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 23 декабря 2005 года № 46-О05-60 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2007. № 1. С. 8–9.
20. Постановление Президиума Верховного Суда Российской Федерации от 4 апреля 2007 года № 534-П06 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2007. № 11. С. 10–11.
21. Головки Л.В. Институты отказа прокурора от обвинения и изменения обвинения в суде: постсоветские перспективы в условиях теоретических заблуждений // Государство и право. 2012. № 2. С. 50–67.
22. Рыкова О.А. Право суда не согласиться с государственным обвинителем // Пробелы в российском законодательстве. 2014. № 6. С. 190–192.

REFERENCES

1. Mikhaylov V.A. The prosecutor's right to manage the charges in the court and its limits. *Ugolovnaya yustitsiya*, 2013, no. 1, pp. 37–46.
2. Lavnov M.A. Modern model of dropped charge and the prospects for improvement in the Russian criminal procedure. *Vestnik Saratovskoy gosudarstvennoy yuridicheskoy akademii*, 2013, no. 6, pp. 204–208.
3. Levi A. Denial of prosecution by the public prosecutor. *Zakonnost*, 2006, no.6, pp. 41–43.
4. Ryabinina T.K. Disputable issues of termination of a criminal case or criminal prosecution at a pre-trial hearing on account of charges dropped by a public prosecutor. *Zakonnost*, 2017, no. 12, pp. 41–45.
5. Kovaleva A.V. Prosecutor's decision to drop charges: significance of the institution for the establishment of objective truth during criminal process. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*, 2016, no. 10, pp. 109–112.
6. Yakimovich Yu.K. Participation of the defendant in criminal prosecution. *Ugolovnoe sudoproizvodstvo*, 2014, no. 4, pp. 17–20.
7. Bozrov V.M., Popova E.V. Public prosecutor's waiver of prosecution. *Rossiyskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka*, 2019, no. 6, pp. 46–52.
8. Babaev S.N. Some aspects of the prosecutor's refusal to maintain public prosecution in the court of first instance. *Sudebnaya vlast i ugolovnyy protsess*, 2012, no. 1, pp. 132–142.
9. Cherkova M.Yu. Legal consequences of the prosecutor's refusal of the prosecution for the victim and the court. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2017, vol. 23, no. 4, pp. 262–266.
10. Shishkin A.A. On the question of the conformity of the powers of the prosecutor in refusing to accuse the constitutional principle of the presumption of innocence. *Zakonnost i pravoporyadok v sovremennom obshchestve*, 2011, no. 6, pp. 226–230.
11. Shcherbakov Yu. Prosecutor's refusal to charge: consequences for the victim. *Zakonnost*, 2002, no. 2, pp. 29–31.
12. Nikolaev A.V. The failure of the prosecutor from prosecution. *Nauchnyy vestnik Volgogradskogo filiala RANKhiGS. Seriya: Yurisprudentsiya*, 2016, no. 2, pp. 55–57.
13. Dikarev I.S. Criminal procedure: "quiet revolution" is changed by reaction. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 5: Yurisprudentsiya*, 2013, no. 3, pp. 98–103.
14. Titov P.M. Some problems of legislative regulation of criminal proceedings in cases of private prosecution. *Rossiyskaya yustitsiya*, 2019, no. 6, pp. 62–64.
15. Gizatullin I.A. On some criminal procedural rules that limit the implementation of the principle of judicial independence. *Biblioteka kriminalista. Nauchnyy zhurnal*, 2015, no. 3, pp. 100–106.
16. Ivanova O.G. Problems of improving the procedural position of the victim in criminal proceedings. *Aktualnye problemy rossiyskogo prava*, 2015, no. 12, pp. 199–205.
17. Reshetova N.Yu. Correlation between the constitutional principle of the independence of judges and the prosecutor's refusal to prosecute. *Vestnik Universiteta*

- prokuratury Rossiyskoy Federatsii*, 2019, no. 4, pp. 45–52.
18. Shadrin V.S. The refusal of the public prosecutor from prosecution in modern conditions. *Sibirskie ugovno-protsessualnye i kriminalisticheskie chteniya*, 2016, no. 3, pp. 58–66.
19. Decision of the Judicial Board on Criminal Cases of the Supreme Court of the Russian Federation of December 23, 2005 No. 46-O05-60. *Byulleten Verkhovnogo Suda Rossiyskoy Federatsii*, 2007, no. 1, pp. 8–9.
20. Decision of the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation of April 4, 2007 No. 534-П06. *Byulleten Verkhovnogo Suda Rossiyskoy Federatsii*, 2007, no. 11, pp. 10–11.
21. Golovko L.V. Institutions of the prosecutor's refusal to charge and change charges in court: post-Soviet prospects in the face of theoretical misconceptions. *Gosudarstvo i pravo*, 2012, no. 2, pp. 50–67.
22. Rykova O.A. It is a legal right to disagree with a public prosecutor. *Probely v rossiyskom zakonodatelstve*, 2014, no. 6, pp. 190–192.

STATE ACCUSER'S WAIVER OF PROSECUTION

© 2021

V.Yu. Stelmakh, PhD (Law), Associate Professor, professor of Chair of Criminal Procedure
Ural Law Institute of the Russian Federation Ministry of Internal Affairs, Yekaterinburg (Russia)

Keywords: criminal proceedings; judicial stages; procurator; state accuser; superior public procurator; the refusal to handle the prosecution.

Abstract: The current Russian criminal procedural law provides the possibility of the state accuser's waiver to handle the prosecution, which entails a mandatory cessation of criminal proceedings. However, some procedural aspects of the refusal to hold the charge are not fully regulated, which causes difficulties in law enforcement practice. The paper briefly analyses the legality of introducing compromise principles into criminal proceedings since the refusal to prosecute is often interpreted as a particular case of compromise. The author argues that concord is suitable for activity based on dispositivity and particular principles (civil proceedings), though cannot be a driving force of criminal proceedings of the public legal nature aimed at achieving the truth about the circumstances of a crime committed. The paper considers the possibility, within the framework of the current legislation, to prevent an unreasonable decision of the refusal to hold the charge. The author analyzes the ability of a victim to refer to the superior public procurator as well as to implement the criminal prosecution independently. The paper states that the current law in terms of the regulation of waiver of prosecution does not fully correspond to the purpose and social orientation of criminal proceedings. In this regard, the author analyzes the by-laws of the General Procurator of the Russian Federation arranging this procedure and providing for the necessity for prior consent of a procurator who approved the indictment. The paper concludes that the law needs to be adjusted to optimize the regulation of the waiver of prosecution and formulates concrete proposals.

ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ И ТЕХНОГЕННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ: ОСОБЕННОСТИ ПОНЯТИЙНОГО АППАРАТА И ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

© 2021

Е.В. Чукова, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры «Предпринимательское и трудовое право»
Тольяттинский государственный университет, Тольятти (Россия)

Ключевые слова: национальная безопасность; экологическая безопасность; техногенная безопасность; экологическое право; окружающая среда; устойчивое развитие; стратегия экологической безопасности.

Аннотация: Экологическая безопасность не является новым направлением научных исследований, однако до сих пор в науке отсутствует единство в определении понятия, не исследуются признаки и меры обеспечения экологической безопасности. В работе предпринята попытка рассмотреть особенности понятийного аппарата экологической и техногенной безопасности, закрепленные как в отечественном, так и в зарубежном законодательстве. Исследуются нормы экологического законодательства, как российского, так и иностранного, закрепляющие ценности правовой безопасности в рассматриваемой сфере, а также практика Конституционного Суда Российской Федерации. Анализируются различные взгляды на понятие экологической безопасности. В рамках исследования поставлена задача определить различия в содержании рассматриваемых категорий, что является непременным условием эффективной деятельности правоприменителя в сфере обеспечения соответствующих видов безопасности. Предпринята попытка разработать единый подход к пониманию экологической и техногенной безопасности в первую очередь как научных категорий, которые в дальнейшем способны стать основанием для последовательной реализации политики национальной безопасности в рамках правоотношений по защите окружающей природной среды, обеспечения баланса частных и публичных интересов. Новизна исследования заключается в выводах об объеме и содержании понятий экологической и техногенной безопасности. В результате исследования сформулированы отличия в содержании таких категорий, как «экологическая безопасность» и «техногенная безопасность», признаки экологической и техногенной безопасности, а также даны их определения.

ВВЕДЕНИЕ

Несмотря на то, что вопросам регулирования экологической безопасности в Российской Федерации, как и в любом государстве, уделяется большое внимание, и данный вид безопасности – весьма востребованная тема научных изысканий, единого понимания ее содержания, а также надлежащего механизма правового регулирования и механизма ее реализации до настоящего времени не сложилось. Экологическая безопасность рассматривается с точки зрения ее обеспечения [1], в качестве составной части национальной безопасности [2–4], в качестве правовой категории [5]. Вопросам техногенной безопасности в юридической науке внимания практически не уделяется за редким исключением [6], но есть исследования специалистов в сфере управления промышленной безопасностью [7] и безопасностью в сфере труда [8–10].

Цель работы – выявление особенностей и признаков экологической и техногенной безопасности, а также формулирование понятийного аппарата указанных категорий.

МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Классический для юриспруденции формально-юридический метод позволил провести анализ существующих в нормативных правовых актах дефиниций, а также разработать юридические понятия «экологическая безопасность», «техногенная безопасность».

С использованием различных методов научного познания проводилось обобщение практики Конституционного Суда РФ и Европейского суда по правам человека по вопросам закрепления обязанности государства по применению мер, обеспечивающих экологическую и техногенную безопасность.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЙ

Проблемы правового регулирования экологической и техногенной безопасности

В юридической науке существует мнение, что на сегодняшний день «требуются новые теоретические и методологические подходы к пониманию... понятия экологическая безопасность» [11, с. 100]. Несмотря на легитимацию в действующем законодательстве, до сих пор нет четких разграничений между понятиями «экологическая безопасность» и «техногенная безопасность».

В настоящее время обеспечение экологической безопасности в качестве цели или результата деятельности фигурирует в большинстве нормативных правовых актов, входящих в круг экологического законодательства, но сама категория «экологическая безопасность» содержится только в Федеральном законе «Об охране окружающей среды». В ст. 1 указанного акта раскрывается понятие экологической безопасности как состояния защищенности природной среды и жизненно важных интересов человека от возможного негативного воздействия хозяйственной и иной деятельности, чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера, их последствий.

Что касается категории «техногенная безопасность», то она в действующем российском законодательстве не закреплена. В отличие от отечественного законодательства, в нормативных актах стран ближнего зарубежья, например в ст. 2 Кодекса гражданской защиты Украины, закрепляется понятие техногенной безопасности как отсутствия риска возникновения аварий или катастроф на потенциально опасных объектах. Техногенная безопасность характеризует состояние защиты населения

и территорий от чрезвычайных ситуаций техногенного характера. Техногенная безопасность является особой (специфической) функцией защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций. В российском стандарте «Безопасность в чрезвычайных ситуациях. Техногенные чрезвычайные ситуации. Термины и определения» приводится дефиниция понятия «техногенная чрезвычайная ситуация».

Контекстный поиск посредством справочно-правовой системы «Консультант плюс» выявил, что термин «экологическая безопасность» встречается в российском законодательстве почти 3 000 раз, а «техногенная безопасность» – более 20 раз. В разных контекстах исследуемые категории появляются в Федеральном законе «Об охране окружающей среды». Термин «экологическая безопасность» упоминается в нем 19 раз: в преамбуле – в качестве цели государственной политики, в ст. 1 дается ее определение, категория упоминается в принципах охраны окружающей среды, среди прав и обязанностей субъектов по охране окружающей среды, в качестве цели нормирования и экологической сертификации, в части требований в области охраны окружающей среды при реализации различных видов деятельности.

Стратегия экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 года, утвержденная Указом Президента РФ от 19.04.2017 № 176, включает экологическую безопасность в состав национальной безопасности.

В Распоряжении Правительства РФ от 07.02.2011 № 165-р «Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Приволжского федерального округа до 2020 года» в качестве цели обеспечения экологической безопасности и охраны окружающей среды названо создание экологически безопасных и комфортных условий проживания человека. Получается, что целью экологической безопасности является создание безопасных условий проживания человека, хотя на уровне федерального законодательства экологическая безопасность трактуется через состояние защищенности, в том числе от воздействия человека.

Обеспечение экологической безопасности указано в качестве одного из принципов организации дорожного движения в Федеральном законе от 29 декабря 2017 года № 443-ФЗ «Об организации дорожного движения в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Кодекс внутреннего водного транспорта Российской Федерации упоминает об экологической безопасности в части осуществления контроля за размещением и функционированием объектов природоохранного назначения.

Обеспечение промышленной, энергетической и экологической безопасности послужило целью создания Комиссии при Президенте Российской Федерации по вопросам стратегии развития топливно-энергетического комплекса и экологической безопасности, что непосредственно прописано в указе Президента РФ от 15.06.2012 № 859.

Решением Комиссии Таможенного союза от 09.12.2011 № 877 утвержден Технический регламент Таможенного союза «О безопасности колесных транспортных средств», раздел 4 которого устанавливает требования

к экологической безопасности транспортного средства через соответствие 4 экологическому классу, но в этом случае экологическая безопасность – это не состояние защищенности, а свойство транспортного средства. Российский законодатель исходит из так называемой техногенной концепции, основанной на оценке загрязнений, нормировании допустимых выбросов в различные среды, создании очистных и ресурсосберегающих систем, присвоении классов опасности и экологических классов [12].

На уровне государств – участников СНГ Модельный экологический кодекс под экологической безопасностью понимает систему политических, правовых, экономических, технологических и иных мер, направленных на обеспечение гарантий защищенности окружающей среды и жизненно важных интересов человека и гражданина от возможного негативного воздействия хозяйственной и иной деятельности и угроз возникновения чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера в настоящем и будущем времени.

В зарубежном законодательстве используется термин *protection of the environment* (охрана окружающей среды). Так, в канадском законодательстве декларируется, что охрана окружающей среды имеет большое значение для благополучия канадцев и что основной целью является содействие устойчивому развитию путем предотвращения загрязнения. Обеспечение устойчивого развития должно быть основано на экологически эффективном использовании природных, социальных и экономических ресурсов и признании необходимости учета экологических, экономических и социальных факторов при принятии всех решений государственными и частными субъектами. На правительство возложена функция предотвращения загрязнения в качестве национальной цели и приоритетного подхода к охране окружающей среды.

Закон Канады «Об охране окружающей среды» предусматривает превентивные меры, например создание планов предотвращения загрязнений. Любому лицу или группе лиц может быть направлено уведомление о подготовке и реализации проекта предотвращения загрязнения в отношении вещества или группы веществ на определенной территории. Проект предотвращения загрязнения должен быть исполнен, по результатам исполнения требуется подать в течение 30 дней после его завершения письменное заявление о том, что реализация завершена. Указанный закон побуждает разрабатывать проекты таким образом, чтобы предотвратить значительное неблагоприятное воздействие на окружающую среду. Воздействие на окружающую среду ограничено следующими направлениями: среда обитания рыб, водные виды, находящиеся под угрозой исчезновения, перелетные птицы, территории федеральных земель, международные последствия и воздействие на коренные народы в результате изменения окружающей среды.

Минимизация последствий нарушения экологического законодательства может быть обеспечена с помощью добровольных мер по сокращению выбросов, административных постановлений, административных штрафов или судебного преследования. При совершении повторного нарушения может грозить штраф до 6 млн долларов в день плюс 5 лет лишения свободы.

Может быть конфискована прибыль, полученная в результате несоблюдения требований, назначена компенсация затрат на очистку, а также использован ряд других средств правовой защиты. Например, могут быть применены *mesures de rechange* (альтернативные меры по охране окружающей среды), под которыми понимаются меры, помимо судебного разбирательства, использующиеся в отношении лица, предположительно совершившего преступление, причинившее вред окружающей среде¹. Органам власти в зависимости от обстоятельств также предоставляется право ограничивать деятельность, осуществляемую в соответствии с законом, или останавливать ее, или ставить ее в зависимость от новых условий, чтобы исправить ситуацию².

Реализация проекта будет разрешена только в том случае, если должностное лицо, принимающее решение, убедится в том, что проект вряд ли окажет значительные неблагоприятные воздействия на окружающую среду, или, если такие последствия вероятны, решит, что они «оправданы обстоятельствами». После того как проект рассмотрен, издается административный акт, в котором излагаются условия, которым проект должен соответствовать.

В китайском законодательстве также не фигурирует термин «экологическая безопасность», но Китай был одной из первых развивающихся стран, осуществивших стратегию устойчивого развития. С 1992 года Китай определил устойчивое развитие в качестве основной национальной стратегии. Однако загрязнение окружающей среды и экологическая деградация в Китае по-прежнему являются серьезными проблемами и наносят огромный ущерб экономике и качеству жизни. Начало XXI века стало критическим моментом для усилий Китая по поддержанию быстрого экономического развития, активизации усилий по охране окружающей среды и сдерживанию экологической деградации [13].

Таким образом, термины «экологическая безопасность» и «техногенная безопасность» используются в действующем законодательстве без какой-либо системы. Только в одном акте экологическая безопасность упоминается и в качестве цели, и в контексте принципов охраны окружающей среды, и среди прав и обязанностей субъектов по охране окружающей среды, и в качестве цели нормирования и экологической сертификации, и в части требований в области охраны окружающей среды при реализации различных видов деятельности. В свою очередь, четкое представление о содержании рассматриваемых категорий является непременным условием эффективного правового регулирования. Важно выработать единый подход к пониманию экологической и техногенной безопасности в первую очередь как научных категорий, которые в дальнейшем способны стать основанием для последовательной реализации

политики национальной безопасности в рамках экологических правоотношений и правоотношений по защите окружающей природной среды.

Экологическая безопасность в доктрине

Можно выделить несколько точек зрения ученых на понятие экологической безопасности. Первая точка зрения объединяет научные исследования, в рамках которых экологическая безопасность рассматривается через состояние защищенности личности, общества и государства от деяний, причиняющих вред окружающей среде. Некоторые авторы предлагают понимать экологическую безопасность либо как состояние защищенности личности, общества и государства от деяний, направленных на причинение вреда окружающей среде [14], либо как состояние защищенности от угроз, создаваемых последствиями вредного воздействия на окружающую среду [15].

Указанный подход довольно сложно опровергнуть, поскольку он тем или иным образом подтверждается нормами действующего законодательства, но определение экологической безопасности через состояние защищенности нельзя считать безупречным по следующим основаниям. Как известно, категория «состояние» характеризуется тем, что с помощью этого понятия описываются переменные свойства объекта, устойчивые, пока над объектом не проведены какие-либо действия. Из буквального толкования некоторых нормативных положений следует, что экологическая безопасность обеспечивается в том числе проведением мониторинга, обеспечением взаимодействия государственных органов и природопользователей, посредством контроля за обращением отходов, т. е. достижение защищенности природной среды и жизненно важных интересов человека требует как минимум активных действий со стороны государства, общества, юридических лиц и граждан.

Во вторую группу входят работы, рассматривающие экологическую безопасность в качестве одного из элементов национальной безопасности, что также подтверждается нормами действующего законодательства [16]. Экологическая безопасность является составной частью национальной безопасности и в силу этого выступает обязательным условием устойчивого развития и основой сохранения и поддержания надлежащего качества окружающей природной среды. В этой связи в Стратегии национальной безопасности определены стратегические цели обеспечения экологической безопасности. Стратегия определяет и пути достижения стратегических целей и меры, которые принимаются органами власти и институтами гражданского общества в целях противодействия угрозам экологической безопасности. Основы государственной политики в области обеспечения экологической безопасности заложены также в Стратегии экологической безопасности на период до 2025 года.

Приверженцы еще одного подхода придерживаются взгляда на экологическую безопасность как на систему мер, устраняющих угрозу гибели людей в результате антропогенного воздействия на окружающую среду. Конституционным Судом Российской Федерации подчеркивалось, что обязанностью государства является защита права каждого гражданина на благоприятную

¹ *Canadian Environmental Protection Act S.C. 1999, p. 33 // Government of Canada.*

URL: <https://www.canada.ca/en/environment-climate-change/services/canadian-environmental-protection-act-registry/publications/canadian-environmental-protection-act-1999.html>.

² *Rodney Northey. Environmental protection // Gowling WLG.* URL: <https://gowlingwlg.com/en/insights-resources/guides/2020/doing-business-in-canada-environmental-protection/>.

окружающую среду, и эту обязанность государство исполняет путем реализации мер по охране окружающей среды, по предотвращению опасной с точки зрения экологии деятельности, предупреждения и ликвидации последствий техногенных чрезвычайных ситуаций (Определение Конституционного Суда РФ от 14.01.2016 № 135-О, Постановление Конституционного Суда РФ от 25.10.2016 № 21-П). Такая трактовка обязанностей государства Конституционным Судом косвенно подтверждает приведенную точку зрения на экологическую безопасность как на систему мер.

Декларация Рио-де-Жанейро по окружающей среде и развитию от 14 июня 1992 года в 15-м принципе закрепляет принцип принятия мер предосторожности, который рекомендует государствам принимать адекватные и соразмерные меры, направленные на устранение риска необратимого ущерба, нанесенного окружающей среде, и меры для защиты права на здоровую и безопасную окружающую среду, даже если отсутствует полная научная уверенность в их применении и техническое обоснование (Постановление Европейского суда по правам человека от 27.01.2009 по делу «Татар (Tatar) против Румынии» (жалоба № 67021/01)). Есть исследования, в которых экологическая опасность и безопасность рассматриваются с экономических позиций [17].

В зарубежной доктрине встречаются исследования экологической безопасности через изучение рисков, возникающих в результате воздействия деятельности человека на окружающую среду и обратного воздействия загрязненной окружающей среды, трансформированной в результате воздействия человека на природную среду, на здоровье, генетику, мир человеческой жизни и другое [18]. Техногенная безопасность в юридической доктрине также рассматривается через категорию риска [19].

Понятие и признаки экологической и техногенной безопасности

Каждая из приведенных точек зрения на экологическую безопасность имеет право на существование, но, на наш взгляд, наиболее перспективным является определение экологической и техногенной безопасности через состояние защищенности, в рамках которого определенными правовыми средствами обеспечивается минимизация риска наступления ущерба, ликвидация последствий чрезвычайной ситуации, а также оценка опасных последствий чрезвычайной ситуации либо отсутствие неприемлемых рисков.

Обеспечение безопасности и защита интересов граждан, организаций, общества и государства при возникновении угроз природного и техногенного характера являются условиями надлежащей охраны прав и свобод граждан, а также публичных интересов. Обеспечить полную безопасность сложно, в связи с чем основной задачей органов государственной власти является обеспечение приемлемого уровня риска или минимизация последствий чрезвычайных ситуаций.

Приказ МЧС России от 25.10.2004 № 484 устанавливает показатели риска природных чрезвычайных ситуаций, техногенных чрезвычайных ситуаций и биолого-социальных чрезвычайных ситуаций. Можно выделить три стратегии риска: избежание риска, т. е. ликви-

дация возможности его наступления, принятие риска и оценка последствий после ликвидации рискованной ситуации, управление риском, т. е. ограничение и минимизация последствий [20]. Природные риски отличаются от техногенных тем, что их в большинстве своем сложно предотвратить, но можно принять меры по минимизации рисков и ликвидации последствий природной чрезвычайной ситуации. В связи с указанным выше, признаком экологической безопасности является возможность применения мер по минимизации риска, ликвидации последствий природной чрезвычайной ситуации, а также оценка опасных последствий природной чрезвычайной ситуации. Для техногенных чрезвычайных ситуаций устанавливается и такой показатель, как приемлемый риск, в связи с чем признаком техногенной безопасности является отсутствие неприемлемого риска нанесения ущерба правам, интересам, имуществу граждан и юридических лиц, публичных образований, окружающей природной среде.

Таким образом, экологическую безопасность можно определить как состояние защищенности жизненно важных интересов физических лиц, юридических лиц, общества, государства, природной среды, в рамках которого определенными правовыми средствами обеспечивается минимизация риска, ликвидация последствий природной чрезвычайной ситуации, а также оценка опасных последствий природной чрезвычайной ситуации. В свою очередь, под техногенной безопасностью можно понимать состояние защищенности жизненно важных интересов физических лиц, юридических лиц, общества, государства, природной среды, при котором определенными правовыми средствами обеспечивается отсутствие неприемлемых рисков негативного воздействия хозяйственной и иной деятельности, чрезвычайных ситуаций техногенного характера, их последствий, а также равновесие между потребностями отдельных субъектов и требованиями защиты окружающей природной среды.

ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ И ВЫВОДЫ

1. Экологическую безопасность можно определять через состояние защищенности, в рамках которого определенными правовыми средствами обеспечивается минимизация риска, ликвидация последствий природной чрезвычайной ситуации, а также оценка опасных последствий природной чрезвычайной ситуации.

2. В рамках техногенной безопасности допускается наличие приемлемых рисков негативного воздействия хозяйственной и иной деятельности, чрезвычайных ситуаций техногенного характера, их последствий.

3. В рамках техногенной безопасности обеспечивается равновесие между потребностями отдельных субъектов и требованиями защиты окружающей природной среды.

Статья выполнена при поддержке РФФИ, проект № 19-011-00083 А «Юридическая ответственность в механизме обеспечения национальной безопасности».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Агафонов В.Б., Игнатьев Д.А. Особенности понятийного аппарата охраны окружающей среды

- и обеспечения экологической безопасности при пользовании недрами в законодательстве Российской Федерации и зарубежных стран // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 5. С. 221–238. DOI: <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2018.90.5.221-235>.
2. Харьков В.Н. Обеспечение экологической безопасности и устойчивое развитие как конституционные принципы экологической политики Российской Федерации // Экологическое право. 2019. № 4. С. 3–6.
 3. Воронцов С.А., Понеделков А.В., Нувахов Т.А. Экологическая безопасность как составная часть национальной безопасности России: проблемы и направления их разрешения // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2017. № 3. С. 134–137.
 4. Вагина О.В., Гаевская Е.Ю., Савина Л.Я. Экологическая безопасность как составная часть национальной безопасности Российской Федерации // Бизнес, Менеджмент и Право. 2018. № 2. С. 27–29.
 5. Краснова И.О. Экологическая безопасность как правовая категория // Lex Russica (Русский закон). 2014. Т. 96. № 5. С. 543–555. DOI: [10.7256/1729-5920.2014.5.9506](https://doi.org/10.7256/1729-5920.2014.5.9506).
 6. Галицкая Н.В. Организационно-правовая характеристика техногенной безопасности в России // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2018. № 1. С. 104–109.
 7. Cudecka-Purina N. Increase of Technogenic Safety of a Waste Management Company // Safety of Technogenic Environment. 2017. № 8. P. 37–41.
 8. Серегина Л.В. Право на безопасный труд с учетом вызовов научно-технологического развития Российской Федерации // Журнал российского права. 2020. № 6. С. 79–94. DOI: <https://doi.org/10.12737/jrl.2020.068>.
 9. Дементьев А.Н., Дементьева О.А., Бондарь В.Н. Экспертиза нормативных правовых актов в сфере реализации промышленной политики в Российской Федерации. М.: НОРМА, 2020. 232 с.
 10. Pohjola M.V. 8.08. – Assessment of Impact to Health, Safety, and Environment in the Context of Materials Processing and Related Public Policy // Comprehensive Materials Processing. 2014. Vol. 8. P. 151–162. DOI: <https://doi.org/10.1016/B978-0-08-096532-1.00814-1>.
 11. Жаворонкова Н.Г., Агафонов В.Б. Теоретико-методологические проблемы правового обеспечения экологической, биосферной и генетической безопасности в системе национальной безопасности Российской Федерации // Lex russica (Русский закон). 2019. № 9. С. 96–108. DOI: [10.17803/1729-5920.2019.154.9.096-108](https://doi.org/10.17803/1729-5920.2019.154.9.096-108).
 12. Хоружая Т.А. Оценка экологической опасности. М.: Книга сервис, 2002. 208 с.
 13. Zhang K.-M., Wen Z.-G. Review and challenges of policies of environmental protection and sustainable development in China // Journal of Environmental Management. 2008. Vol. 88. № 4. P. 1249–1261. DOI: [10.1016/j.jenvman.2007.06.019](https://doi.org/10.1016/j.jenvman.2007.06.019).
 14. Шеншин В.М. Экологическая безопасность как объект уголовно-экологической политики России // Российский следователь. 2018. № 6. С. 68–71.
 15. Зверева А.И. Экологические преступления, посягающие на безопасность водных объектов: характеристика и разграничение со смежными деликтами. М.: Проспект, 2019. 200 с.
 16. Русин С.Н. Экологическая безопасность в системе национальной безопасности Российской Федерации (новации, достижения и проблемы новой Стратегии национальной безопасности и проекта Стратегии экологической безопасности) // Административное право и процесс. 2017. № 5. С. 25–28.
 17. Жаворонкова Н.Г., Агафонов В.Б. Стратегические направления правового обеспечения экологической безопасности в Арктической зоне Российской Федерации // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 7. С. 161–171. DOI: [10.17803/1994-1471.2019.104.7.161-171](https://doi.org/10.17803/1994-1471.2019.104.7.161-171).
 18. Absattarov R.B. Environmental safety is a universal issue // Bulletin Abay Kazakh National Pedagogical University. 2017. URL: <https://articlekz.com/en/article/18507>.
 19. Лукьянова В.Ю. Технический регламент в системе российского законодательства. 2-е изд., доп. и перераб. М.: ЮРИДИЧЕСКАЯ ФИРМА КОНТРАКТ, 2017. 208 с.
 20. Риски финансовой безопасности: правовой формат / отв. ред. И.И. Кучеров, Н.А. Поветкина. М.: ИНФРА-М, 2018. 304 с.

REFERENCES

1. Agafonov V.B., Ignatev D.A. Peculiarities of the conceptual framework of environmental protection and ensuring environmental safety in the use of subsoil in the legislation of the Russian Federation and foreign countries. *Aktualnye problemy rossiyskogo prava*, 2018, no. 5, pp. 221–238. DOI: <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2018.90.5.221-235>.
2. Kharkov V.N. Environmental security and stable development as constitutional principles of the environmental policy of the Russian Federation. *Ekologicheskoe pravo*, 2019, no. 4, pp. 3–6.
3. Vorontsov S.A., Ponedelkov A.V., Nuvakhov T.A. Environmental safety as an integral part of national security of Russia: problems and directions of their solution. *Nauka i obrazovanie: khozyaystvo i ekonomika; predprinimatelstvo; pravo i upravlenie*, 2017, no. 3, pp. 134–137.
4. Vagina O.V., Gaevskaya E.Yu., Savina L.Ya. Environmental security as a constituent component of the national security of the Russian Federation. *Biznes, Menedzhment i Pravo*, 2018, no. 2, pp. 27–29.
5. Krasnova I.O. Environmental Safety as a Legal Category. *Lex Russica (Russkiy zakon)*, 2014, vol. 96, no. 5, pp. 543–555. DOI: [10.7256/1729-5920.2014.5.9506](https://doi.org/10.7256/1729-5920.2014.5.9506).
6. Galitskaya N.V. Organizational and legal characteristics of the technogenic safety in Russia. *Vestnik Saratovskoy gosudarstvennoy yuridicheskoy akademii*, 2018, no. 1, pp. 104–109.
7. Cudecka-Purina N. Increase of Technogenic Safety of a Waste Management Company. *Safety of Technogenic Environment*, 2017, no. 8, pp. 37–41.
8. SerEGINA L.V. The right to safe work considering the challenges of scientific and technological development

- of the Russian Federation. *Zhurnal rossiyskogo prava*, 2020, no. 6, pp. 79–94. DOI: <https://doi.org/10.12737/jrl.2020.068>.
9. Dementev A.N., Dementeva O.A., Bondar V.N. *Ekspertiza normativnykh pravovykh aktov v sfere realizatsii promyshlennoy politiki v Rossiyskoy Federatsii* [Expert examination of regulatory legal acts in the sphere of industrial policy implementation in the Russian Federation]. Moscow, NORMA Publ., 2020. 232 p.
 10. Pohjola M.V. 8.08. – Assessment of Impact to Health, Safety, and Environment in the Context of Materials Processing and Related Public Policy. *Comprehensive Materials Processing*, 2014, vol. 8, pp. 151–162. DOI: <https://doi.org/10.1016/B978-0-08-096532-1.00814-1>.
 11. Zhavoronkova N.G., Agafonov V.B. Theoretical and methodological problems of legal support of ecological, biosphere and genetic safety in the system of national security of the Russian Federation. *Lex russica (Russkiy zakon)*, 2019, no. 9, pp. 96–108. DOI: [10.17803/1729-5920.2019.154.9.096-108](https://doi.org/10.17803/1729-5920.2019.154.9.096-108).
 12. Khoruzhaya T.A. *Otsenka ekologicheskoy opasnosti* [The Assessment of Environmental Danger]. Moscow, Kniga servis Publ., 2002. 208 p.
 13. Zhang K.-M., Wen Z.-G. Review and challenges of policies of environmental protection and sustainable development in China. *Journal of Environmental Management*, 2008, vol. 88, no. 4, pp. 1249–1261. DOI: [10.1016/j.jenvman.2007.06.019](https://doi.org/10.1016/j.jenvman.2007.06.019).
 14. Shenshin V.M. Environmental security as an object of the Russian criminal and environmental policy. *Rossiyskiy sledovatel*, 2018, no. 6, pp. 68–71.
 15. Zvereva A.I. *Ekologicheskie prestupleniya, posyagayushchie na bezopasnost vodnykh obektov: kharakteristika i razgranichenie so smezhnymi deliktami* [Ecological crimes encroaching on the safety of water bodies: characterization and delimitation with related torts]. Moscow, Prospekt Publ., 2019. 200 p.
 16. Rusin S.N. Environmental security in the national security system of the Russian Federation (innovations, achievements and problems of the new national security strategy and the environmental security strategy project). *Administrativnoe pravo i protsess*, 2017, no. 5, pp. 25–28.
 17. Zhavoronkova N.G., Agafonov V.B. Strategic directions of legal support of environmental safety in the arctic zone of the Russian Federation. *Aktualnye problemy rossiyskogo prava*, 2019, no. 7, pp. 161–171. DOI: [10.17803/1994-1471.2019.104.7.161-171](https://doi.org/10.17803/1994-1471.2019.104.7.161-171).
 18. Absattarov R.B. Environmental safety is a universal issue. *Bulletin Abay Kazakh National Pedagogical University*, 2017. URL: <https://articlekz.com/en/article/18507>.
 19. Lukyanova V.Yu. *Tekhnicheskij reglament v sisteme rossiyskogo zakonodatelstva* [Technical regulation in the system of Russian legislation]. 2nd ed., dop. i pererab. Moscow, YuRIDICHESKAYA FIRMA KONTRAKT Publ., 2017. 208 p.
 20. Kucherov I.I., Povekina N.A., eds. *Riski finansovoy bezopasnosti: pravovoy format* [Risks of financial security: legal format]. Moscow, INFRA-M Publ., 2018. 304 p.

ECOLOGICAL AND TECHNOGENIC SAFETY: SPECIAL ASPECTS OF CONCEPTUAL FRAMEWORK AND PROBLEMS OF LEGAL REGULATION

© 2021

E.V. Chuklova, PhD (Law), Associate Professor, assistant professor of Chair “Business and Labor Law”
Togliatti State University, Togliatti (Russia)

Keywords: national security; ecological safety; technogenic safety; environmental law; environment; sustainable development; environmental security strategy.

Abstract: Ecological safety is not a new area of scientific research, however, there is still no single definition of the concept, and no signs and measures to ensure ecological safety are studied. The paper attempts to consider special aspects of the conceptual framework of environmental and technogenic safety enshrined both in domestic and foreign legislation. The author examines the environmental legislation norms, both Russian and foreign enshrining legal security values in this area, as well as the practice of the Constitutional Court of the Russian Federation; analyzes various views on the concept of ecological safety. The research sets a goal to identify differences in the content of categories under the study, which is a prerequisite for the efficient activity of an executor of law in the sphere of provision of corresponding types of safety. The author attempts to develop a unified approach to the understanding of ecological and technogenic safety firstly as scientific categories, which in the future can become the basis for consistent implementation of national security policy in the framework of the legal protection of the environment to balance private and public interests. The novelty of the study is in the conclusions about the scope and content of the concepts of environmental and technogenic safety. As a result of the study, the author formulates the differences in the wording of such categories as ecological safety and technogenic safety, attributes of ecological and technogenic safety, and gives their definitions.

ОПЫТ РЕГЛАМЕНТАЦИИ ПОЛНОМОЧИЙ ЗАЩИТНИКА ПО УСТАВУ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА 1864 ГОДА И УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМУ КОДЕКСУ РФ

© 2021

С.В. Юношев, кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой «Уголовное право и процесс»

М.Ю. Жирова, кандидат юридических наук, доцент кафедры «Уголовное право и процесс»

Тольяттинский государственный университет, Тольятти (Россия)

Ключевые слова: защитник; адвокат; подзащитный; право на защиту; процессуальный статус; полномочия; уголовное судопроизводство; Устав уголовного судопроизводства 1864 года; Уголовно-процессуальный кодекс.

Аннотация: Статья посвящена проблеме совершенствования процессуального статуса защитника в современном уголовном судопроизводстве. Проанализированы соответствующие положения Устава уголовного судопроизводства 1864 года. Констатируется, что одним из значимых результатов Великой судебной реформы императора Александра II стало появление профессиональной адвокатуры. При этом статус защитника, утвержденный Уставом, отличался небывалой до этого проработанностью, предоставлением защитнику таких полномочий, которых не знало предшествующее законодательство. В статье анализируются конкретные процессуальные полномочия защитника с точки зрения определения оптимальной модели их регламентации. Показывается, что в целом положения Уголовно-процессуального кодекса РФ шагнули далеко вперед относительно аналогичных положений Устава, особенно что касается допуска защитника на стадию предварительного расследования. Представляется, однако, что для решения целого ряда проблемных аспектов современного статуса защитника опыт соответствующей процессуальной регламентации в Уставе может выступать ориентиром совершенствования данного статуса. В частности, обращается внимание на то, что согласно нормам Устава защитник был менее ограничен в праве выписывать сведения и делать копии из материалов уголовного дела. Обосновывается, что защитник в дореволюционный период имел существенно больше возможностей представлять суду доказательства, в частности, это относилось к свидетельским показаниям. Согласно положениям Устава стороны процессуально были уравнены в праве обращения к специальным знаниям, чего нет в современном уголовном судопроизводстве. Констатируется, что в настоящее время право защитника на собирание доказательств имеет ряд серьезных пробелов и ограничений в отличие от аналогичного права в период действия Устава.

ВВЕДЕНИЕ

Несмотря на развернутую процессуальную регламентацию статуса адвоката, и в более узком смысле – защитника, в действующем законодательстве и в литературе постоянно и настойчиво звучат требования о необходимости существенно расширить процессуальные возможности защиты [1; 2]. В первую очередь это относится к существующим ограничениям по участию защитника в доказывании, в частности к его декларируемому в законодательстве (ч. 3 ст. 86 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ)), но не обеспеченному соответствующими механизмами праву собирать доказательства или к его возможности обращаться к специальным знаниям.

В свете данной проблемы авторы считают целесообразным обратиться к опыту процессуальной регламентации статуса защитника в Уставе уголовного судопроизводства 1864 года (далее – Устав), который был и, добавим, до сих пор остается «замечательнейшим памятником нашего законодательства, одним из самых ценных украшений великого освободительного царствования, памятником, утвердившим в нашей жизни драгоценные ростки законности и правды» [3, с. 45].

Процессуальное положение защитника в уголовном судопроизводстве всегда было предметом пристального внимания ученых-процессуалистов, начиная со второй половины XIX века и вплоть до настоящего времени. Ни один из известных процессуалистов дореволюционного периода не обошел этот аспект в своих трудах [4–6]. Но даже в этом ряду по интересующему нас вопросу

выделяются исследования выдающихся теоретиков-процессуалистов того времени С.И. Викторского [7], В.К. Случевского [8], И.Я. Фойницкого [3] и С.Г. Щеглового [9]. В их работах не просто был дан подробный анализ процессуального положения защитника, но и высказывались предложения по изменению законодательства и судебной практики в этой части, некоторые из которых можно охарактеризовать как революционные для своего времени.

С другой стороны, не менее интересным для цели настоящего исследования является обращение к источникам, в которых систематизировалась и анализировалась «живая» судебная практика, прежде всего касающаяся решений Уголовного кассационного департамента Правительствующего сената по конкретным делам, которые выступали ориентирами для нижестоящих судов и тем самым способствовали формированию единообразной судебной практики [10–12]. В этих решениях зачастую содержались положения, отсутствующие в самом Уставе, т. е. таким образом восполнялись пробелы правового регулирования.

Нельзя не упомянуть и такой специфический источник формирования правоприменительной практики в дореволюционный период, как разъяснения и рассуждения оснований тех или иных процессуальных норм авторами Устава, которые, как правило, официально публиковались и в спорных или неясных ситуациях служили ориентиром для выработки процессуальных позиций, отвечающих духу и букве уставов [13; 14].

И наконец, авторами были проанализированы труды современных ученых-процессуалистов, указывающих

на пробелы регулирования и ограничения процессуальных возможностей защитника согласно положениям действующего УПК РФ [15; 16].

Все это в конечном счете позволило вычленив те проблемные аспекты процессуальной регламентации современного статуса защитника, которые нуждаются в совершенствовании, в том числе и с привлечением опыта аналогичной регламентации в Уставе.

Цель исследования – сравнительный анализ норм Устава уголовного судопроизводства 1864 года и действующего УПК РФ в части регламентации полномочий защитника и определение на этой основе возможностей совершенствования процессуального статуса защитника в действующем законодательстве.

МЕТОДИКА ПРОВЕДЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ

Для достижения цели исследования изучена теоретическая база, касающаяся вопросов правового регулирования деятельности защитника в уголовном судопроизводстве, а также дан комплексный историко-правовой анализ в части формирования и развития профессиональной защиты, определения возможностей заимствования опыта процессуальной регламентации статуса защитника согласно нормам Устава в целях совершенствования современного ему правового регулирования. В ходе научных изысканий были подвергнуты анализу как законодательные нормы, так и устоявшаяся правоприменительная практика, что представляет особый интерес применительно к периоду действия Устава. Для этого авторами были изучены не только материалы анализа такой практики в трудах дореволюционных процессуалистов, но и собственно первоисточники¹, в первую очередь, решения Уголовного кассационного департамента Правительствующего сената как высшей судебной инстанции Российской империи, наделенной правом официального толкования законодательства в целях формирования единообразной судебной практики.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЙ

Право защитника на свидание с подзащитным и участие в его допросе

До введения в действие Устава на законодательном уровне полномочия поверенных в делах определялись лишь в самом общем виде и в целом не отличались от полномочий представляемых ими лиц [2; 17]. Одним из значимых результатов Великой судебной реформы 1861–1864 годов стало появление профессиональной адвокатуры вместо «прежних полуграмотных, невежественных и недобросовестных ходатаев по делам» [17, с. 89].

Статус защитника, утвержденный Уставом, отличался небывалой до этого проработанностью, предоставлением ему таких полномочий, которых не знало все предшествующее законодательство, хотя и с существенным ограничением – участием защитника лишь в судебном производстве. В стадии предварительного

расследования в то время защитник участия принимать не мог [2; 8; 9]. Отметим, однако, что с учетом мнений как ученых, так и правоприменителей того времени можно заключить, что при дальнейшем развитии судебной реформы это право закономерно нашло бы свое воплощение в последующем законодательстве [3; 14].

Исходя из определенной выше цели исследования, рассмотрим ключевые полномочия защитника, требующие, на наш взгляд, внимания современного законодателя.

Среди знаковых полномочий защитника в соответствии с Уставом отметим те, что связаны с возможностью свидания с подзащитным и участием при получении от последнего объяснений. В соответствии со ст. 562 Устава защитник мог участвовать в получении судом объяснений от подсудимых. Помимо этого, закон предоставлял ему право беседовать с подзащитным наедине, если последний содержался под стражей (ст. 569 Устава).

Если сравнить данные полномочия защитника с аналогичными в современном уголовном процессе России, увидим, что возможность свиданий защитника с обвиняемым или подозреваемым установлена с момента допуска защитника к уголовному делу (ч. 1 ст. 53 УПК РФ). Свидания с защитником не имеют количественных или временных ограничений, происходят наедине. Кроме того, право свиданий с защитником может быть реализовано до первого допроса подозреваемого или обвиняемого. Единственное ограничение по времени свидания устанавливается в ч. 4 ст. 92 УПК РФ, которая допускает ограничение продолжительности свидания в случаях необходимости проведения следственных действий с задержанным подозреваемым, о чем защитник обязательно должен быть заранее уведомлен. Но даже при этом исключении свидание защитника со своим подзащитным не может быть ограничено продолжительностью менее двух часов.

Как можно видеть, существенное различие регламентации данного права между нормами Устава и нормами УПК РФ заключается в том, что право защитника на свидание, согласно УПК РФ, распространяется на досудебное производство, в то время как по Уставу право на свидание защитника реализовывалось лишь непосредственно перед судебным разбирательством.

Как и в действующем УПК РФ, в Уставе не было установлено ограничений по времени на свидание защитника со своим подзащитным до начала судебного разбирательства. Однако на практике суд мог дать время на свидание с подзащитным непосредственно перед началом судебного заседания [9]. В практике того времени это было нормальное явление, хотя по современным меркам налицо было явное нарушение прав подзащитного.

Помимо этого, защитнику для свидания с подзащитным, согласно требованиям Устава, требовалось специальное разрешение, установленное циркуляром Министерства юстиции [4]. В тех случаях, когда защитник назначался за несколько дней перед судебным слушанием, время, затраченное на получение разрешения, могло препятствовать возможности свидания до начала слушания [5]. Это существенно затрудняло своевременный выбор позиции защиты.

В этой связи нельзя не вспомнить о том, что и в современном судопроизводстве право защитника на свидание

¹ Устав уголовного судопроизводства от 20 ноября 1864 года. URL: <https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/3137/>.

со своим подзащитным долгое время ограничивалось, а фактически контролировалось, требованием получения для этого разрешения органа, в производстве которого находилось уголовное дело. Практике были известны многочисленные случаи, когда следователи по явно надуманным основаниям отказывали в выдаче такого разрешения либо прибегали к разного рода ухищрениям (например, якобы ввиду отсутствия на рабочем месте), чтобы не выдавать такого разрешения [1; 2]. Совершенно очевидно, что тем самым конституционное право на защиту нарушалось или ставилось под угрозу нарушения.

Указанная практика была признана не соответствующей Конституции РФ постановлением Конституционного суда РФ от 25 декабря 2001 года, указавшим, что для свидания с защитником со своим подзащитным какого-либо разрешения не требуется, достаточно лишь предъявить ордер адвоката и удостоверение адвоката.

Из вышесказанного можно сделать вывод, что в праве на свидание защитника со своим подзащитным согласно нормам Устава, в отличие от действующего УПК РФ, присутствовали значительные ограничения. Однако и в современной практике данное право реализуется с существенными нарушениями, и факты воспрепятствования в допуске защитников к подзащитным, к сожалению, являются далеко не единичными [18].

Помимо этого, нельзя также не указать, что в соответствии с внесенными в 2011 году изменениями в ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» для адвокатов был установлен абсолютный запрет проносить на территорию мест содержания задержанных и заключенных под стражу любые технические средства, способные осуществлять кино съемку, аудио- и видеозапись. По сути, законодатель установил запрет на использование защитником любых технических средств, необходимых для выполнения его законных функций в условиях мест содержания задержанных и заключенных под стражу.

Очевидно, что принятие данного закона противоречит целому ряду действующих международных и национальных правовых норм² [19; 20]. Кроме того, согласно ч. 2 ст. 55 Конституции РФ, на территории России не должны издаваться законы, отменяющие или умаляющие права и свободы человека и гражданина. В связи с этим в действующее законодательство необходимо внести изменения, позволяющие защитнику пользоваться необходимыми техническими средствами при встрече с подзащитным.

Право защитника на ознакомление с материалами дела

Ст. 570 Устава закрепляла право защитника на изучение материалов дела и выписывания из него необходимой информации.

² Основные положения о роли адвокатов. Приняты Восьмым Конгрессом ООН по предупреждению преступлений и обращению с правонарушителями и одобрены 45-й сессией Генеральной Ассамблеи ООН (Резолюция № 45/121 от 14 декабря 1990 года) // Об адвокатуре. Международные положения. Закон РФ. Нормативные акты. М.: Буквица, 1996. С. 3–8.

Специфика данного права в сравнении с современной регламентацией заключается в том, что, как отмечалось выше, защитник не мог участвовать в деле на стадии предварительного расследования. Поэтому нередко защитник знакомился с материалами дела уже в судебном заседании. Если защитник имел дело с обширным количеством процессуальных документов, ему предоставлялось время для подробного изучения в случае заявления им ходатайства [4; 7].

Если же защитник получал возможность ознакомиться с делом до суда, то сталкивался с весьма специфичными сроками для реализации своего права. Так, защитник мог просить об увеличении сроков для рассмотрения дела, но только в тех случаях, когда он был допущен к ознакомлению после изъявления согласия на принятие защиты. В тех случаях, когда защитник был допущен к ознакомлению к делу одновременно с принятием на себя защиты, жалоба о продлении сроков не принималась [9]. При этом предполагалось, что нарушения, связанные с непредоставлением защитнику возможности ознакомиться с материалами дела, могли быть исправлены в судебном следствии [9], т. е. в то время не рассматривались как существенное нарушение права на защиту.

Современное процессуальное законодательство в этой части устанавливает право защитника на ознакомление со всеми материалами дела, выписывание из него данных и снятие копий с использованием технических средств, причем указанные полномочия возникают у защитника в момент окончания предварительного следствия. Таким образом, защитнику обеспечено достаточное время на ознакомление с материалами дела. Кроме того, в той же ст. 53 УПК РФ гарантировано право защитника ознакомиться с постановлением о применении меры пресечения, протоколом задержания и протоколами любых иных следственных действий с участием подзащитного, а также другими документами, которые предъявлялись или должны были предъявляться его подзащитному, еще до окончания предварительного расследования. Указанное право на ознакомление с отдельными материалами дела, касающимися подзащитного, не ограничено временными возможностями, в отличие от права на ознакомление со всеми материалами, и возникает в момент вступления защитника в дело.

Поскольку по Уставу защитник обретал свой процессуальный статус непосредственно перед судебным слушанием, в то время аналогичное право у него отсутствовало.

Из проведенного выше анализа можно сделать вывод, что в части права на ознакомление с материалами дела УПК РФ шагнул далеко вперед относительно положений Устава. В Уставе данное право сильно ужималось размытыми сроками ознакомления. Однако стоит упомянуть, что в современном уголовном процессе защитник также нередко сталкивается с ограничением сроков ознакомления с материалами дела, что часто происходит при замене защитника в ходе стадии судебного разбирательства.

Относительно же права выписывать сведения и делать копии Устав был более лоялен. Возможно, это было связано с отсутствием тех технических возможностей, которые имеются у защитника в настоящее время. Исходя из этого, следует пойти по опыту Устава

и доработать действующее законодательство, чтобы позволить защитнику беспрепятственно пользоваться указанным правом.

Право защитника на вызов свидетелей

Право защитника приглашать свидетелей было закреплено ст. 574 Устава. Как правило, это касалось свидетелей, уже допрошенных на предварительном следствии, но по каким-либо причинам не вызванных в суд стороной обвинения. Для вызова же свидетелей, не допрошенных на стадии предварительного следствия, нужно было обосновать необходимость вызова такого свидетеля. При этом достаточным обоснованием считалось указание на то, что: а) свидетель был очевидцем происшествия; б) свидетель будет опровергать показания другого свидетеля [9; 10].

Подобное правовое регулирование, равно как и восполнявшая бы его судебная практика, полностью отсутствует в настоящее время. Введение в уголовное судопроизводство аналогичных положений, безусловно, положительным образом сказалось бы на расширении возможностей защитника представлять доказательства, в данном случае показания свидетелей.

В рассматриваемый исторический период сложность заключалась в том, что защитник не мог принимать участие на стадии предварительного следствия и знакомился со списком свидетелей, как и с протоколами их допроса, непосредственно перед судебным заседанием, а иногда уже и во время него. Таким образом, защитник лишался возможности тщательно подготовиться к судебному следствию. Более того, при детальном анализе видно, что лишенный права участвовать в предварительном следствии защитник не мог заявлять ходатайства о включении свидетелей стороны защиты на этой стадии. Таким образом, существовала возможность того, что сторона обвинения будет использовать только выгодных с ее точки зрения свидетелей. Проблема также заключалась в том, что даже при участии в деле защитника уведомление о вызове дополнительных свидетелей направлялось не адвокату, а подсудимому. В условиях изоляции подсудимый не всегда мог сообщить защитнику полученную информацию в определенный срок [10].

Права защитника в ходе судебного заседания

Во время судебного заседания защитник наделялся достаточно широкими полномочиями (ст. 630 Устава). В частности, защитник имел следующие права: отводить свидетелей и сведущих лиц по основаниям, установленным законом; право на безмотивный отвод (т. е. без указания каких-либо причин) кандидатов в присяжные заседатели; опрашивать свидетелей при условии получения на то разрешения председательствующего; ставить под сомнение показания свидетелей и на этом основании ходатайствовать об их повторном допросе; делать замечания и давать объяснения по каждому действию, происходящему на суде; опровергать доводы и соображения противной стороны. Во многом именно достаточными возможностями защитника в ходе судебного заседания объясняется популярность и широкая известность по сей день судебных речей защитников того времени [2; 17].

Ряд аналогичных прав содержится в ст. 53 действующего УПК РФ. Например, в п. 8 ч. 1 указанной

нормы защитнику предоставлено право заявлять отводы и ходатайства. При этом право на ходатайство никак не формализовано и может быть реализовано как письменно, так и устно на любом этапе уголовного процесса.

Существенным отличием правомочий защитника по Уставу являлась возможность передопроса им свидетелей в присутствии друг друга. На сегодняшний день в действующем УПК РФ такая возможность у защитника отсутствует. Между тем очевидно, что наделение защитника подобным правом на современном этапе могло бы положительно сказаться на получении достоверных показаний, поскольку могло бы выявить пробелы в показаниях или возможное лжесвидетельство.

Ст. 578 Устава давала защитнику право вызывать сведущих людей. До сих пор в науке ведется спор относительно того, являлись ли сведущие люди экспертами, специалистами или свидетелями в современном процессуальном понимании. Те авторы, которые анализировали данную проблему, сходятся во мнении, что в целом статус «сведущих лиц» нельзя приравнять к процессуальному статусу эксперта в его современном значении. Их статус был ближе к статусу специалиста, однако с включением в него отдельных полномочий эксперта в современном понимании [21].

По УПК РФ защитник также может привлекать специалиста на договорной основе (п. 3 ч. 1 ст. 53). Привлечение такого процессуального субъекта, как специалист, предоставляет защитнику возможность достаточно эффективно оспаривать заключение эксперта. Помимо этого, участие в деле специалиста позволяет стороне защиты лучше понять специфические аспекты того или иного вида экспертного исследования, что, в свою очередь, дает ему возможность обозначить круг возможных вопросов для постановки перед экспертом.

Принципиальная разница в регламентации Устава и УПК РФ относительно права на вызов специалиста заключается в том, что согласно Уставу специалист, вызванный судом, выполнял, по сути, роль эксперта; в то же время защитник на договорной основе мог пригласить другое сведущее лицо, которое выступало в этом же качестве. Согласно же действующему УПК РФ в этом случае складывается совершенно иная ситуация: лицо, которому поручено судом производство экспертизы, выступает в процессуальном статусе эксперта, и то же самое лицо, если оно приглашено защитником, выступает лишь в качестве специалиста. При этом нельзя не учитывать, что возможности эксперта при даче заключения несравненно более широкие, чем аналогичные возможности специалиста [1; 2].

Таким образом, полагаем, что законодательная конструкция использования в уголовном судопроизводстве специальных знаний, как она была закреплена в Уставе, требует самого серьезного внимания с точки зрения расширения возможностей защиты на обращение к специальным знаниям в современном уголовном судопроизводстве.

Ст. 853 Устава устанавливала право защитника на обжалование приговора в течение двух недель со дня его объявления. В действующем УПК РФ предусмотрено аналогичное право. Отличие дореволюционной и современной моделей заключается прежде всего в сроках на апелляционное и кассационное обжалование. Так, действующий УПК РФ устанавливает следующие сроки:

а) для апелляционного обжалования – 10 дней (ст. 389.4); б) для кассационного – 6 месяцев (ч. 4 ст. 401.3 в ред. ФЗ от 24.02.2021). Как можно видеть, относительно сроков на обжалование приговора УПК РФ более лоялен, нежели Устав. При этом, однако, согласно Уставу, обжалование в апелляционной инстанции решения, принятого присяжными заседателями, не допускалось. Такая жалоба могла быть направлена исключительно в кассационную инстанцию. В УПК РФ такого запрета нет.

На первый взгляд, норма Устава кажется предпочтительнее, поскольку в случае оправдательного приговора сторона обвинения лишалась возможности изменить решение в апелляционной инстанции. Однако в современном российском уголовном процессе, при мизерном количестве оправдательных приговоров, внесение подобного изменения могло бы повлечь определенное ухудшение положения подсудимого в части обжалования обвинительного приговора [22].

Право защитника собирать доказательства

Наиболее дискуссионным среди всех прав защитника на сегодняшний день, несомненно, выступает его право собирать доказательства [1; 2].

Действующий УПК РФ (п. 2 ч. 1 ст. 53, ч. 3 ст. 86) определенно устанавливает право защитника собирать и представлять доказательства, необходимые для оказания помощи подзащитному. И тем не менее многие авторы полагают, что защитник не может собирать доказательства сам и собирает их опосредованно [23]. Так, С.А. Шейфер считает, что «доказательственную деятельность защитника, осуществляемую им в соответствии с ч. 3 ст. 86 УПК РФ, нельзя трактовать как собирание доказательств» [24, с. 78]. В обоснование своего мнения ученый указывает, что «в доказательственной деятельности защитника отсутствует определяющий признак этого элемента доказывания – преобразование полученной информации и придание ей надлежащей процессуальной формы, то есть, формирование доказательств». В свою очередь, В.А. Лазарева и С.В. Юношев по рассматриваемому вопросу придерживаются мнения, что «отрицание доказательственной ценности за предметами и документами, представленными стороной защиты, есть не что иное, как предустановленная оценка доказательств, которая не свойственна состязательному процессу, нарушает равноправие сторон» [1, с. 274–275].

Как уже было указано, на сегодняшний день проблема собирания защитником доказательств носит концептуальный характер в уголовном судопроизводстве. Ни одну из точек зрения нельзя признать преобладающей. Попытки теоретического и практического решения проблемы не находят отклика со стороны законодателя.

Авторы настоящего исследования исходят из того, что ст. 53 и ч. 3 ст. 86 УПК РФ прямо и недвусмысленно гарантируют защитнику право собирать и представлять доказательства путем получения документов и других сведений, опроса лиц по их позволению, истребования документов от органов государственной и муниципальной власти, различных организаций, обязанных предоставлять эти документы или их копии. Стоит отметить, что законом не установлен процессу-

альный порядок производства действий адвоката, описанных в ч. 3 ст. 86 УПК РФ.

Защитник имеет право получать и представлять любые документы, раскрывающие значимые для дела обстоятельства. Данные сведения имеют форму, предусмотренную ч. 2 ст. 74 УПК РФ. Поскольку эти документы получены одним из способов, установленных законом, имеют письменное закрепление, то по своей форме они идентичны тем, что истребованы судом. Этот факт свидетельствует о том, что нет никаких оснований не считать доказательствами полученные защитником документы. Сюда же примыкает и получение защитником заключения специалиста.

Еще одним способом собирания адвокатом-защитником доказательственной информации является возможность собирать и представлять предметы. Однако действующий УПК РФ вообще не регламентирует должным образом процедуру придания предметам и документам, представленным защитником, статуса доказательств. На сегодняшний день в их отношении действует общий порядок: предметы и документы становятся доказательствами по уголовному делу лишь при условии их принятия и приобщения к материалам дела дознавателем или следователем. Авторы настаивают, что в этой части уголовно-процессуальное законодательство должно предусматривать специальный порядок, смысл которого в том, чтобы органы, ведущие процесс, были обязаны принимать предметы и документы, представленные защитником, если подтверждаемая ими информация имеет доказательственное значение.

Особое внимание следует уделить опросу защитником лиц с их согласия. Сам опрос больше следует считать методом поиска и обнаружения информации, нежели доказательством. Это объясняется тем, что доказательственное значение по общему правилу имеют лишь показания, данные в ходе судебного разбирательства. Вместе с тем суд не может отказать в допросе свидетеля, если стороны обеспечили его явку в судебное заседание (ч. 4 ст. 271 УПК РФ). Соответственно, для стороны защиты, как правило, не составляет труда придать ранее проведенному опросу форму доказательства в виде показаний того же лица, данных в судебном заседании. Сложность заключается в том, что защитник не является уполномоченным лицом, и лица не обязаны отвечать на его вопросы в рамках опроса.

В Уставе способы собирания доказательств не были столь жестко регламентированы. Указывалось, что стороны равны и могут предоставлять все виды доказательств по рассматриваемому делу, даже если эти доказательства являются уликами по другому делу [5]. Таким образом, Устав свободнее в предоставлении защитнику права собирать и представлять доказательства. Конечно, и в то время защитник был ограничен в своих возможностях отсутствием полномочий для собирания ряда видов доказательств. И тем не менее, несмотря на фактически имеющиеся ограничения, теоретически и процессуально данное право за ним признавалось и гарантировалось наравне с правом собирать доказательства для стороны обвинения. Полагаем, что в данном случае разница процессуальной регламентации в Уставе и УПК РФ носит принципиальный характер. Из вышесказанного можно сделать вывод, что в современном уголовном процессе право защитника на

собираение доказательств имеет ряд серьезных пробелов и ограничений. Для решения данной проблемы логично использовать предшествующий опыт и обратиться к анализу соответствующих положений Устава.

ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ И ВЫВОДЫ

1. В целом налицо тенденция расширения процессуальных прав защитника в современном уголовно-процессуальном законодательстве в сравнении с Уставом.

2. Главная отличительная особенность современного статуса защитника – его допуск к участию в деле с начала досудебного производства; согласно Уставу защитник допускался лишь в судебное производство.

3. В период действия Устава допуск защитника к участию в деле был сопряжен с необходимостью получения специального разрешения, что препятствовало своевременному оказанию юридической помощи; на современном этапе требование получения такого разрешения было признано неконституционным Конституционным судом РФ.

4. Согласно Уставу защитник имел широкие возможности для вызова в судебное заседание свидетелей. Для этого достаточно было указания, что свидетель был очевидцем происшествия или свидетель будет опровергать показания другого свидетеля. Защитник также имел право на передопрос свидетелей в присутствии друг друга. В настоящее время аналогичные права защитника либо отсутствуют, либо серьезно осложнены.

5. В период действия Устава защитник имел неограниченное формальными требованиями право обращения к специальным знаниям. Вызванные им в суд сведущие лица, по сути, имели статус экспертов и ничем не отличались в этом качестве от лиц, вызванных стороной обвинения или судом. Современное правовое регулирование данного права защитника следует признать совершенно неудовлетворительным.

6. Декларируемое действующим УПК РФ право защитника собирать доказательства на практике не признается и не реализуется. В то же время Устав наделял стороны равным правом предоставлять все виды доказательств по делу.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Уголовно-процессуальное право. Актуальные проблемы теории и практики / под ред. В.А. Лазаревой, А.А. Тарасова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2015. 476 с.
- Лазарева В.А., Юношев С.В., Таран А.С. Адвокат в уголовном процессе. Самара: Самарский университет, 2008. 174 с.
- Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. Т. 1. СПб.: Альфа, 1996. 552 с.
- Арсеньев К.К. Заметки о русской адвокатуры. СПб.: тип. В. Демакова, 1875. 206 с.
- Тимановский А. Судебные Уставы императора Александра Второго с толкованиями, извлеченными из отечественной юридической литературы. М.: тип. А.И. Мамонтова и Ко, 1885. 820 с.
- Чебышев-Дмитриев А.П. Русское уголовное судопроизводство по Судебным уставам 20 ноября 1864 г. СПб.: В.П. Печаткин, 1875. 756 с.
- Викторский С.И. Русский уголовный процесс. М.: Казен. ж.-д. тип. Моск. узла, 1911. 357 с.
- Случевский В. Учебник русского уголовного процесса. Судостроительство – судопроизводство. Изд. 3. СПб.: тип. М.М. Стасюлевича, 1910. 664 с.
- Щегловитов С.Г. Судебные уставы императора Александра II с законодательными мотивами и разъяснениями: Устав уголовного судопроизводства. СПб.: тип. А.С. Суворина, 1901. 1208 с.
- Нестеров В.П. Судебные Уставы 20 ноября 1864 года со всеми узаконениями и распоряжениями Правительства и кассационными решениями департаментов Правительствующего Сената. Т. II. Устав уголовного судопроизводства. М.: тип. Грачева и Ко, 1878. 536 с.
- Решения Уголовного Кассационного департамента Правительствующего Сената. 1867. СПб.: Типография Правительствующего Сената, 1868. XIV, 815 с.
- Решения Уголовного Кассационного департамента Правительствующего Сената. 1888. СПб.: Типография Правительствующего Сената, 1889. VIII, 126 с.
- Судебные Уставы 20 ноября 1864 года с изложением рассуждений, на коих они основаны, изданные Государственной Канцелярией. СПб.: Гос. Канцелярия, 1867. 523 с.
- Объяснительная записка к проекту новой редакции Устава уголовного судопроизводства. Т. 1. Общие положения и подсудность. СПб.: Сенатская тип., 1900. 262 с.
- Петрухин И.Л. Теоретические основы реформы уголовного процесса в России. Ч. I. М.: ТК Велби, 2004. 220 с.
- Панько Н.К. Деятельность адвоката-защитника по обеспечению состязательности. Воронеж: ВорГУ, 2000. 145 с.
- Юношев С.В. Очерк развития адвокатуры в России // Юридический вестник Самарского университета. 2018. Т. 4. № 1. С. 88–92.
- О проблемах правосудия и уголовной юстиции в Российской Федерации в связи с обеспечением прав и свобод граждан: доклад Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации. М.: Информ-Право, 2011. 64 с.
- Рагулин А.В. Право адвоката-защитника на использование технических средств: проблемные вопросы реализации и пути их решения // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. 2012. № 2. С. 8–12.
- Оленев А.Б. Право адвоката-защитника применять технические средства в рамках профессиональной деятельности: некоторые вопросы регламентации и реализации // Евразийская адвокатура. 2020. № 6. С. 76–80.
- Кудрявцева А.В., Петров А.В. Использование знаний сведущих лиц в дореволюционном законодательстве России: вопросы теории // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2014. № 2. С. 224–228.
- Шарапова Д.В. Основания апелляционного обжалования приговора, постановленного судом с участием присяжных заседателей // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 10. С. 2316–2319.

23. Кудрявцев В.Л., Кудрявцев Вал.Л. Конституционное право на получение квалифицированной юридической помощи адвоката-защитника // Российская юстиция. 2006. № 4. С. 25–30.
24. Шейфер С.А. Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования. 2-е изд., испр. и доп. М.: Норма, 2014. 240 с.
- ### REFERENCES
- Lazareva V.A., Tarasov A.A., eds. *Ugolovno-protsesualnoe pravo. Aktualnye problemy teorii i praktiki* [Criminal procedural law. Topical issues of theory and practice]. Moscow, Yurayt Publ., 2015. 476 p.
 - Lazareva V.A., Yunoshev S.V., Taran A.S. *Advokat v уголовном процессе* [Lawyer in the criminal proceedings]. Samara, Samarskiy universitet Publ., 2008. 174 p.
 - Foynitskiy I.Ya. *Kurs уголовного судопроизводства* [Course of Criminal Trial]. Sankt Petersburg, Alfa Publ., 1996. Vol. 1, 552 p.
 - Arsenev K.K. *Zametki o russkoy advokature* [Notes on the Russian advocacy]. Sankt Petersburg, tip. V. Demakova Publ., 1875. 206 p.
 - Timanovskiy A. *Sudebnye Ustavy imperatora Aleksandra Vtorogo s tolkovaniyami, izvlechenymi iz otechestvennoy yuridicheskoy literatury* [Court Statutes of Emperor Alexander II with explanations abstracted from Russian legal literature]. Moscow, tip. A.I. Mamonova i Ko Publ., 1885. 820 p.
 - Chebyshev-Dmitriev A.P. *Russkoe ugovolnoe sudoproizvodstvo po Sudebnym ustavam 20 noyabrya 1864 g.* [Russian criminal procedure according to Court Statutes of the 20th November 1864]. Sankt Petersburg, V.P. Pechatkin Publ., 1875. 756 p.
 - Viktorskiy S.I. *Russkiy ugovolnyy protsess* [Russian criminal process]. Moscow, Kazen. zh.-d. tip. Mosk. uzla Publ., 1911. 357 p.
 - Sluchevskiy V. *Uchebnik russkogo ugovolnogo protsesssa. Sudoustroystvo – sudoproizvodstvo* [Textbook of Russian criminal process. Judicial organization – judicial procedure]. 3rd ed. Sankt Petersburg, tip. M.M. Stasyulevicha Publ., 1910. 664 p.
 - Shcheglovitov S.G. *Sudebnye ustavy imperatora Aleksandra II s zakonodatelnymi motivami i razyasneniyami: Ustav ugovolnogo sudoproizvodstva* [Court Statutes of Emperor Alexander II with legislative motives and explanations: Statute of Criminal Procedure]. Sankt Petersburg, tip. A.S. Suvorina Publ., 1901. 1208 p.
 - Nesterov V.P. *Sudebnye Ustavy 20 noyabrya 1864 goda so vsemi uzakoneniymi i rasporyazheniyami Pravitelstvuyushchego Senata. Ustav ugovolnogo sudoproizvodstva* [Court Statutes of the 20th November 1864 with all enactments and instructions of the Government and cassational decisions of the departments of Governing Senate. Statute of Criminal Procedure]. Moscow, tip. Gracheva i Ko Publ., 1878. Vol. II, 536 p.
 - Resheniya Ugolovnogo Kassatsionnogo departamenta Pravitelstvuyushchego Senata. 1867* [The Decisions of Criminal Cassation department of Governing Senate. 1867]. Sankt Petersburg, Tipografiya Pravitelstvuyushchego Senata Publ., 1868. XIV, 815 p.
 - Resheniya Ugolovnogo Kassatsionnogo departamenta Pravitelstvuyushchego Senata. 1888* [The Decisions of Criminal Cassation department of Governing Senate. 1888]. Sankt Petersburg, Tipografiya Pravitelstvuyushchego Senata Publ., 1889. VIII, 126 p.
 - Sudebnye Ustavy 20 noyabrya 1864 goda s izlozheniem rassuzhdeniy, na koikh oni osnovany, izdannye Gosudarstvennoy Kantselyariy* [Court Statutes of the 20th November 1864 with the description of arguments, on which they are based, published by the State Chancellery]. Sankt Petersburg, Gos. Kantselyariya Publ., 1867. 523 p.
 - Obyasnitelnaya zapiska k projektu novoy redaktsii Ustava ugovolnogo sudoproizvodstva. Obshchie polozheniya i podsudnost* [Explanatory note to the draft amended version of the Statute of Criminal Procedure. General terms and jurisdiction]. Sankt Petersburg, Senatskaya tip. Publ., 1900. Vol. I, 262 p.
 - Petrukhin I.L. *Teoreticheskie osnovy reformy ugovolnogo protsesssa v Rossii* [Basic theory of criminal procedure reform in Russia]. Moscow, TK Velbi Publ., 2004. Ch. 1, 220 p.
 - Panko N.K. *Deyatelnost advokata-zashchitnika po obespecheniyu sostyazatelnosti* [Lawyer-defender activity on assuring a competition]. Voronezh, VorGU Publ., 2000. 145 p.
 - Yunoshev S.V. Essay on the development of the bar in Russia. *Yuridicheskiy vestnik Samarskogo universiteta*, 2018, vol. 4, no. 1, pp. 88–92.
 - O problemakh pravosudiya i ugovolnoy yustitsii v Rossiyskoy Federatsii v svyazi s obespecheniem prav i svobod grazhdan: доклад Federalnoy palaty advokатов Rossiyskoy Federatsii* [Concerning the problems of public justice and criminal justice in the Russian Federation in relation to the enforcement of rights and freedoms of citizens: the report of Federal Chamber of Lawyers of the Russian Federation]. Moscow, Inform-Pravo Publ., 2011. 64 p.
 - Ragulin A.V. The right of the lawyer-defender to use of technical means: problem questions of realization and a way of their decision. *Uchenye trudy Rossiyskoy akademii advokatury i notariata*, 2012, no. 2, pp. 8–12.
 - Olenev A.B. The right of a defense lawyer to use technical means in the course of actions carried out in the framework of professional activities. *Evrasiyskaya advokatura*, 2020, no. 6, pp. 76–80.
 - Kudryavtseva A.V., Petrov A.V. Use knowledge knowledgeable persons in pre-revolutionary Russian legislation: theory. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Pravo*, 2014, no. 2, pp. 224–228.
 - Sharapova D.V. Grounds for appealing the sentence passed by the court and the jury. *Aktualnye problemy rossiyskogo prava*, 2014, no. 10, pp. 2316–2319.
 - Kudryavtsev V.L., Kudryavtsev Val.L. Constitutional right to get a competent legal help and some forms of its practices as executed by defending layers: (legislation, legal positions of the RF constitutional. *Rossiyskaya yustitsiya*, 2006, no. 4, pp. 25–30.
 - Sheyfer S.A. *Dokazatelstva i dokazyvanie po ugovolnym delam: problemy teorii i pravovogo regulirovaniya* [Evidence and proof in criminal cases: problems of theory and legal regulation]. 2nd ed., ispr. i dop. Moscow, Norma Publ., 2014. 240 p.

**THE EXPERIENCE OF REGULATION OF POWERS OF A DEFENSE LAWYER
ACCORDING TO THE STATUTE OF CRIMINAL PROCEDURE OF 1864 AND THE RF CODE
OF CRIMINAL PROCEDURE**

© 2021

S.V. Yunoshev, PhD (Law), Associate Professor; Head of Chair of Criminal Law and Procedure
M.Yu. Zhirova, PhD (Law), assistant professor of Chair of Criminal Law and Procedure
Togliatti State University, Togliatti (Russia)

Keywords: defender; defense lawyer; defendant; right to defense; procedural status; powers; criminal procedure; the Statute of Criminal Procedure of 1864; the Code of Criminal Procedure.

Abstract: The paper considers the issue of the improvement of the defender's procedural status in the current criminal procedure. The authors analyze the respective statements of the Statute of Criminal Procedure of 1864. The study states that one of the significant results of the Great judicial reform of Emperor Alexander II was the introduction of professional advocacy. However, the defender's status established by the Statute distinguished itself by the unprecedented development, vesting a defender with powers absent in the previous legislation. The paper analyzes the particular procedural powers of a defender concerning an optimal model of their regulation. The study shows that, in general, the statements of the RF Code Criminal Procedure have moved so far forward compared to the similar Statute statements, especially concerning the access of a defender to the stage of a pre-trial investigation. However, it appears that to solve many problematic aspects of the current status of a defender, the experience of corresponding procedural regulation in the Statute can be a target to improve this status. In particular, the authors focus on the fact that, according to the Statute norms, a defender was less limited in the right to copy data and the materials of a criminal case. The study substantiates that a defender in the pre-revolutionary period had much more opportunities to offer evidence to a court; particularly, it concerned the proof of witness. According to the Statute statements, the parties were procedurally equal in the right to refer to special knowledge, which is absent in the current criminal procedure. The paper states that at the moment, the defender's right to gather evidence has some significant gaps and limitations compared to the similar right during the term of the Statute.

НАШИ АВТОРЫ

Жирова Марина Юрьевна, кандидат юридических наук, доцент кафедры «Уголовное право и процесс».
Адрес: Тольяттинский государственный университет,
445020, Россия, г. Тольятти, ул. Белорусская, д. 14.
E-mail: zhirova@ab63.ru

Закомолдин Руслан Валериевич, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры «Уголовное право и процесс».
Адрес: Тольяттинский государственный университет,
445020, Россия, г. Тольятти, ул. Ушакова, д. 57.
E-mail: rus.zackomoldin@yandex.ru

Карпов Сергей Юрьевич, старший преподаватель кафедры надзорной деятельности в составе УНК ОНД.
Адрес: Академия Государственной противопожарной службы МЧС России,
129366, Россия, г. Москва, ул. Бориса Галушкина, д. 4.
E-mail: kafedrandagps@mail.ru

Керенцева Елена Игоревна, юрист, аспирант кафедры «Теория и история государства и права».
Адрес 1: ООО «ТЕХНО ЛЕКС», 445010,
Россия, г. Тольятти, ул. Жилина, д. 13, комн. 10.
Адрес 2: Тольяттинский государственный университет,
445020, Россия, г. Тольятти, ул. Белорусская, д. 14.
E-mail: alyon2102@yandex.ru

Кондратюк Сергей Викторович, аспирант кафедры «Уголовное право и процесс».
Адрес: Тольяттинский государственный университет,
445020, Россия, г. Тольятти, ул. Белорусская, д. 14.
E-mail: kondratyuk.serzh@mail.ru

Моисеев Александр Михайлович, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры «Уголовное право и процесс», заведующий кафедрой правовых дисциплин.
Адрес 1: Институт экономики и права (филиал) образовательного учреждения профсоюзов высшего образования «Академия труда и социальных отношений» в г. Севастополе,
299011, Россия, г. Севастополь, ул. Балаклавская, д. 11.
Адрес 2: Тольяттинский государственный университет,
445020, Россия, г. Тольятти, ул. Белорусская, д. 14.
E-mail: moiseev.prof@gmail.com

Мурузиди Алексей Викторович, старший преподаватель кафедры «Уголовное право и процесс».
Адрес: Тольяттинский государственный университет,
445020, Россия, г. Тольятти, ул. Ушакова, д. 57.
E-mail: muruzidi72@mail.ru

Олиндер Нина Владимировна, кандидат юридических наук, заведующий кафедрой «Конституционное и административное право».
Адрес: Тольяттинский государственный университет,
445020, Россия, г. Тольятти, ул. Ушакова, д. 57.
E-mail: olindernv@yandex.ru

Рамазанов Альберт Вильданович, кандидат экономических наук, доцент, старший преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин.
Адрес: Казанский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации,
420108, Россия, г. Казань, ул. Магистральная, д. 35.
E-mail: rav_2009@mail.ru

Садовский Владислав Валерьевич, слушатель магистратуры.
Адрес: Санкт-Петербургский университет Государственной противопожарной службы МЧС России,
196105, Россия, г. Санкт-Петербург, Московский проспект, д. 149.
E-mail: sadovskivlad@mail.ru

Стельмах Владимир Юрьевич, кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного процесса.
Адрес: Уральский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации,
620057, Россия, г. Екатеринбург, ул. Корепина, д. 66.
E-mail: vlstelmah@mail.ru

Чуклова Елена Валериевна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры «Предпринимательское и трудовое право».
Адрес: Тольяттинский государственный университет,
445000, Россия, г. Тольятти, ул. Ушакова, д. 57.
E-mail: elenachuklova@mail.ru

Юношев Станислав Викторович, кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой «Уголовное право и процесс».
Адрес: Тольяттинский государственный университет,
445020, Россия, г. Тольятти, ул. Белорусская, д. 14.
E-mail: svyunoshev@gmail.com

OUR AUTHORS

Chuklova Elena Valerievna, PhD (Law), Associate Professor, assistant professor of Chair “Business and Labor Law”.
Address: Togliatti State University,
445000, Russia, Togliatti, Ushakov Street, 57.
E-mail: elenachuklova@mail.ru

Karpov Sergey Yurievich, senior lecturer of Chair of Supervising Activity of the Educational and Scientific Complex of Supervising Activity Organization.
Address: Academy of State Fire-Fighting Service of the Ministry of Emergency Situations of Russia,
129366, Russia, Moscow, Boris Galushkin Street, 4.
E-mail: kafedrandagps@mail.ru

Kerentseva Elena Igorevna, lawyer, postgraduate student of Chair “Theory and History of State and Law”.
Address 1: TECHNO LEX LLC,
445010, Russia, Togliatti, Zhilin Street, 13, office 10.
Address 2: Togliatti State University,
445020, Russia, Togliatti, Belorusskaya Street, 14.
E-mail: alyon2102@yandex.ru

Kondratyuk Sergey Viktorovich, postgraduate student of Chair “Criminal Law and Procedure”.
Address: Togliatti State University,
445020, Russia, Togliatti, Belorusskaya Street, 14.
E-mail: kondratyuk.serzh@mail.ru

Moiseev Aleksandr Mikhailovich, Doctor of Sciences (Law), Professor, professor of Chair “Criminal Law and Process”, Head of Chair of legal disciplines.
Address 1: Institute of Economics and Law (branch) of educational institution of labor unions of higher education “Academy of Labor and Social Relations” in Sevastopol,
299011, Russia, Sevastopol, Balaklavskaya Street, 11.
Address 2: Togliatti State University,
445020, Russia, Togliatti, Belorusskaya Street, 14.
E-mail: moiseev.prof@gmail.com

Muruzidi Aleksey Viktorovich, senior lecturer of Chair “Criminal Law and Procedure”.
Address: Togliatti State University,
445020, Russia, Togliatti, Ushakov Street, 57.
E-mail: muruzidi72@mail.ru

Olinder Nina Vladimirovna, PhD (Law), Head of Chair “Constitutional and Administrative Law”.
Address: Togliatti State University,
445020, Russia, Togliatti, Ushakov Street, 57.
E-mail: olindernv@yandex.ru

Ramazanov Albert Vildanovich, PhD (Economics), Associate Professor, senior lecturer of Chair of Civil Law Disciplines.
Address: Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation,
420108, Russia, Kazan, Magistralnaya Street, 35.
E-mail: rav_2009@mail.ru

Sadovsky Vladislav Valerievich, graduate student.
Address: St. Petersburg University of State Fire-Fighting Service of the Ministry of Emergency Situations of Russia,
196105, Russia, St. Petersburg, Moskovsky Prospekt, 149.
E-mail: sadovskivlad@mail.ru

Stelmakh Vladimir Yuryevich, PhD (Law), Associate Professor, professor of Chair of Criminal Procedure.
Address: Ural Law Institute of the Russian Federation Ministry of Internal Affairs,
620057, Russia, Yekaterinburg, Korepin Street, 66.
E-mail: vlstelmah@mail.ru

Yunoshev Stanislav Viktorovich, PhD (Law), Associate Professor; Head of Chair of Criminal Law and Procedure.
Address: Togliatti State University,
445020, Russia, Togliatti, Belorusskaya Street, 14.
E-mail: svyunoshev@gmail.com

Zakomoldin Ruslan Valerievich, PhD (Law), Associate Professor, assistant professor of Chair “Criminal Law and Procedure”.
Address: Togliatti State University,
445020, Russia, Togliatti, Ushakov Street, 57.
E-mail: rus.zackomoldin@yandex.ru

Zhirova Marina Yuryevna, PhD (Law), assistant professor of Chair of Criminal Law and Procedure.
Address: Togliatti State University,
445020, Russia, Togliatti, Belorusskaya Street, 14.
E-mail: zhirova@ab63.ru